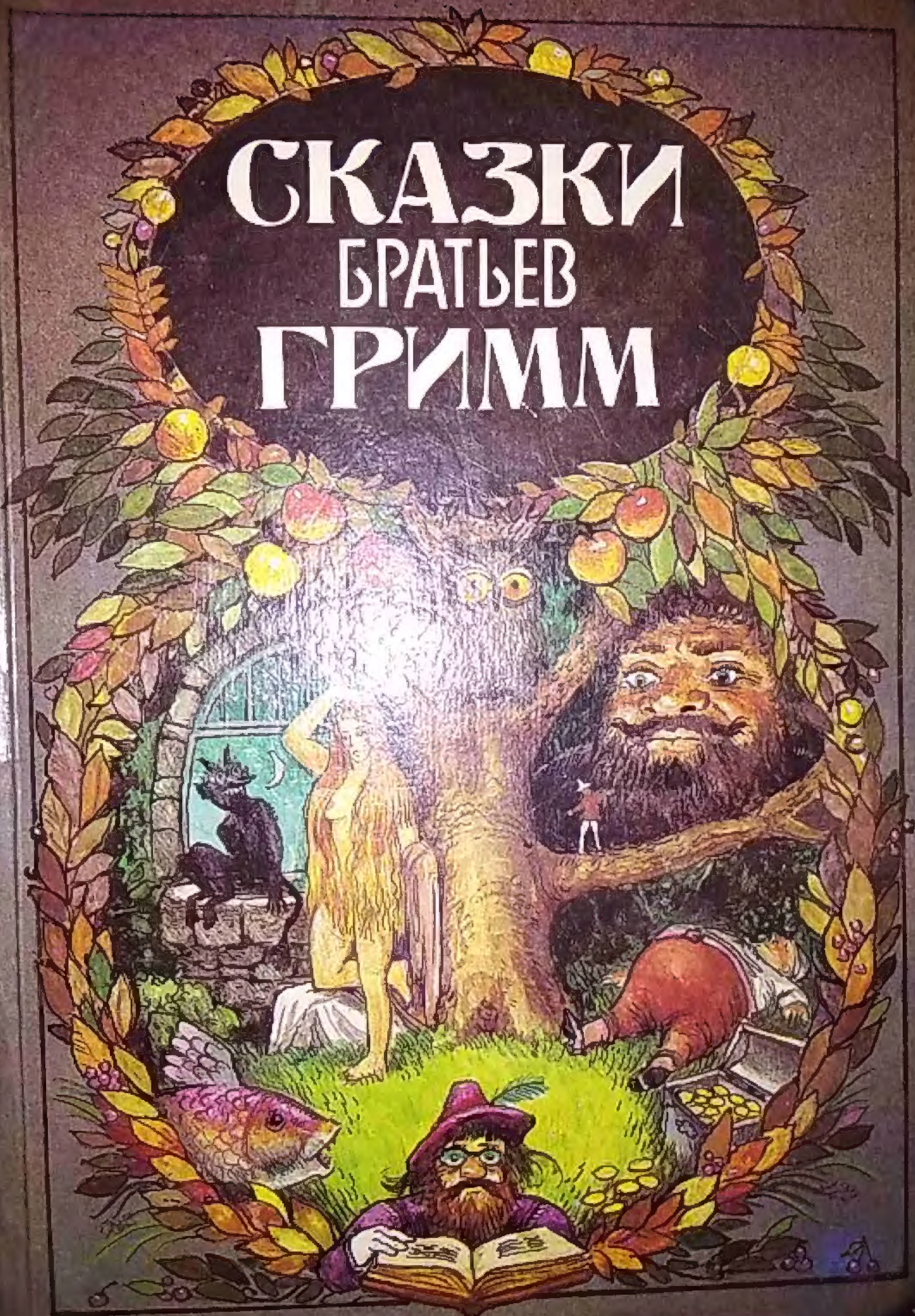

СКАЗКИ
БРАТЬЕВ
ГРИММ

СКАЗКИ

Я. и В. ГРИММ

изложенны В. А. Тацуком 1899.

МОСКВА.

Издательство ТПК "Фора–2"
1992

Печатается по изданию:
Братья Гримм. Сказки. – М.: Изд-во Ступина А.Д., 1899.

Перевод с немецкого В.А.Гацука
Илл. Грот–Иогана и Лейнвебера
Оформление худ. А.Махова

Гримм Я., Гримм В. К. Сказки/ Пер. с нем. В. А. Гацука. – М. Фора–2, 1991. —256 с.
В пер. : Цена договорная.

В сборник включены известные немецкие народные сказки, собранные учеными-филологами братьями Якобом и Вильгельмом Карлом Гримм и изданные ими в начале XIX века.
Для массового читателя.

ISBN–5–87592–003–3

Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка

Жила-была старуха, у нее было три дочери: старшую звали Одноглазкой, потому что у нее был только один глаз посреди лба, среднюю — Двуглазкой, потому что у нее было два глаза, как и у всех людей, а младшую — Трехглазкой, потому что у нее был, кроме двух глаз, еще третий, посреди лба.

Мать и сестры ненавидели Двуглазку: "Ты нам не пара, с твоими двумя глазами ты похожа на всех простых людей", — говорили они, и Двуглазке доставались только пинки да толчки, вместо платья — обноски после сестер, вместо обеда — одни объедки. Словом, обижали они ее, как только могли.

Раз пошла Двуглазка в поле пасти козу. Сестры не дали ей поесть, и она была совсем голодная. Вышла она в поле, села на край овражка и заплакала так горько, что из ее глаз ручьи слез бежали.

В горе своем подняла она глаза кверху, и вдруг увидала около себя какую-то старушку, которая спросила у нее:

— О чем ты, Двуглазка, плачешь?

— Как мне не плакать? — отвечала Двуглазка. — У меня, как у всех людей на свете, два глаза, за это сестры и мать ненавидят меня, бьют, толкают, одевают в обноски, кормят объедками, а сегодня и объедков не дали мне поесть, так что я совсем голодная.

Отвечала ей старушка:

— Не плачь, Двуглазочка, я научу тебя такому, что ты никогда не будешь голодать. Когда захочется тебе есть, скажи своей козе: "Козочка Мекеке, столик накрывай". И явится перед тобою накрытый столик с самыми лучшими кушаньями. А когда наешься досыта и столик тебе будет не нужен, скажи только: "Козочка Мекеке, столик убирай". И сейчас же столика не будет.

С этими словами старушка исчезла. "Дай-ка узнаю, правду ли она мне сказала, — подумала Двуглазка, — есть мне очень хочется", — и вымолвила:

— Козочка Мекеке, столик накрывай!

Только выговорила она эти слова, вдруг перед ней явился столик, накрытый белою скатертью, на нем тарелка с ножом, вилкою и с серебряною ложкой, и весь столик уставлен был самыми лучшими кушаньями, от которых пар так и валил, словно они только что из кухни на стол попали. Двуглазка наскоро прочла молитву перед обедом и сейчас же принялась за еду. Наевшись досыта, она опять сказала, как научила ее старушка:

— Козочка Мекеке, столик убирай!

И тотчас столик со всем, что на нем было, исчез с глаз долой.

Вечером, когда она со своей козой вернулась домой, то нашла в углу глиняное блюдце с объедками, которое ей сестры поставили, но, конечно, до него и не дотронулась. Так пошло и на следующие дни. Сперва сестры не обращали на это внимания, но потом заметили и стали говорить друг другу:

— Дело что-то неладно с Двуглазкой: теперь она не дотрагивается до объедков, а прежде, бывало, съедала все до крошки, что ей ни давали. Верно, она нашла какой-нибудь способ еду себе доставать.

И вот, чтобы узнать правду, Одноглазка решила идти с Двуглазкой и посмотреть, не приносит ли кто-нибудь ей есть и пить. Когда Двуглазка стала собираться в поле, Одноглазка подошла к ней и говорит:

— Я хочу идти с тобою в поле: надо посмотреть, на хороший ли корм ты козу гоняешь.

Но Двуглазка тотчас смекнула, что у сестры на уме, однако и виду не подала, погнала козу в высокую траву и говорит:

— Пойдем-ка, Одноглазка, и сядем отдохнуть, а я тебе песенку спою.

Одноглазка и рада: устала она от непревычной ходьбы и солнечного жара. Уселись они на край овражка, и Двуглазка стала потихоньку напевать все одно и то же:

— Спи, глазок, спи, глазок, баюшки-баю!

Закрылся у Одноглазки глазок, и она крепко заснула. Как только увидела это Двуглазка, тотчас и говорит:

— Козочка Мекеке, столик накрывай!

Столик явился. Наелась, напилась она досыта и говорит:

— Козочка Мекеке, столик убирай!

И столик мигом исчез. Тогда Двуглазка разбудила сестру и говорит ей:

— Вот какая ты, Одноглазка, ленивая: хотела пасти козу, а сама заснула, ведь тем временем она Бог весть куда могла забежать. Пойдем-ка домой.

Пришли они домой, и Двуглазка опять не дотронулась до своего блюдца. Так как Одноглазка не могла объяснить матери, отчего Двуглазка ничего не ест, то в оправдание себе сказала:

— Я там немножко вздремнула.

На другой день мать говорит Трехглазке:

— Нынче ты ступай с Двуглазкой в поле, да пригляди хорошенько, не приносит ли ей кто есть и пить. Наверное, она ест и пьет украдкой от нас.

Трехглазка подошла к Двуглазке и говорит:

— Я пойду с тобою в поле да погляжу, хорошо ли ты пасешь козу.

Но Двуглазка тотчас узнала, что было на уме у Трехглазки, погнала козу в высокую траву и говорит сестре:

— Посидим-ка тут, Трехглазка, ты отдохни немножко, а я спою тебе песенку.

Трехглазка, утомленная ходьбой и солнечным жаром, уселась. Двуглазка потихоньку стала напевать все одно да одно:

— Спи, глазок, спи, другой, баюшки баю! — Спи, глазок, спи, другой, баюшки баю!

А про третий-то глаз совсем и забыла, от этого и вышло, что два глаза у Трехглазки заснули, а третий глаз, посредине лба, не был убаюкан да так и не заснул. Правда, Трехглазка закрыла его, но

только из хитрости притворилась, будто она и в самом деле спит, а сама все мигала им и хорошо видела все, что делалось.

Когда Двуглазке показалось, что Трехглазка крепко спит, она приказала козочке:

— Козочка Мекеке, столик накрывай!

Потом наелась, напилась, сколько душе было угодно, и велела столик убирать:

— Козочка Мекеке, столик убирай!

Трехглазка-то все и видела. Когда они пришли домой, Двуглазка опять ничего не стала есть, а Трехглазка говорит матери:

— Мудрено ли, что наша гордячка ничего не ест! — и рассказала все, что видела и что с ней в поле было.

Услышала это завистливая старуха и закричала на Двуглазку:

— А! Ты хочешь, чтоб у тебя все лучше было, чем у нас, так не бывать же этому! — Схватила большой нож, и воткнула его в самое сердце козы, так что та, бедная, сразу упала мертвой.

Заплакала Двуглазка, ушла в поле, села на край канавы, сидит и горькими слезами заливается. Вдруг явилась перед нею прежняя старушка и спрашивает:

— О чем ты плачешь, Двуглазка?

— Как же мне не плакать: козочка по вашему слову так хорошо меня кормила, а мать взяла нож да и заколола ее. Опять мне придется голодать.

Говорит ей старушка:

— Я дам тебе добрый совет: попроси у сестер кишечки от козы и зарой их в землю перед дверями: это принесет тебе счастье.

И скрылась. А Двуглазка пошла домой и сказала сестрам:

— Милые сестрицы, дайте мне хоть что-нибудь от моей любимой козочки, дайте хоть чего вам не жалко, хоть кишочки ее.

Сестры засмеялись и сказали:

— Ну, это бери себе, а ничего другого не получишь.

И взяла Двуглазка кишочки и зарыла их вечером потихоньку у дверей, как советовала ей старушка.

Когда на другое утро все проснулись и вышли на двор, то увидели, что там стоит чудесное дерево с серебряными листьями и золотыми яблоками, такими прекрасными, что на свете ничего подобного и не видано. Никто не знал, как дерево это очутилось у дверей, только одна Двуглазка заметила, что оно выросло из того места, где она зарыла кишечки козы.

— Влезь-ка на дерево, дочка, — говорит Одноглазке мать, — и сорви нам золотое яблочко.

Одноглазка влезла, но, как только протягивала она руку, чтобы сорвать яблоко, веточка сейчас поднималась высоко кверху, и так было всякий раз, как она протягивала руку. Как она ни старалась, никак не могла сорвать ни одного яблока.

Тогда мать сказала:

— Трехглазка, влезь-ка ты на дерево! Ты тремя глазами лучше увидишь, чем Одноглазка.

Но и Трехглазке не больше удачи было. Тогда мать сама вскарабкалась на дерево, но так же, как и ее любимые дочки, не могла добыть ни одного яблока, только напрасно запыхалась.

Тут сказала Двуглазка:

— Попробую-ка я влезть на дерево, авось мне удастся добыть яблочко.

— Где тебе, уроду двуглазому, золотое яблочко сорвать! — закричали на нее сестры.

Но Двуглазка влезла на дерево, — и золотые яблочки сами давались ей в руку, так что она полон передник отнесла вниз. Мать взяла у нее все яблоки, но после этого она со своими любимыми дочками не стала лучше обращаться с нею, а наоборот, из зависти — еще хуже.

Случилось раз, что мать с тремя дочками стояла у дерева, вдруг едет верхом по дороге прекрасный, молодой королевич.

— Двуглазка! — закричали сестры. — Скорее спрячься, чтобы нам не пришлось стыдиться за тебя.

И поскорее накрыли ее пустою бочкой, которая стояла около дерева, туда же подсунули и золотые яблоки, которые она только что нарвала. Подъехал королевич к дереву и остановился, чтобы полюбоваться его красотою.

— Чье это чудное дерево? — спросил он у сестер. — Кто даст мне с него веточку, тот может от меня потребовать, чего хочет.

Одноглазка с Трехглазкой отвечали, что дерево принадлежит им и что они, пожалуй, сломят ему веточку. Но как они ни старались, — все понапрасну: ветки и яблоки уходили от них, как только они руки к ним протягивали.

— Странно, — сказал королевич, — вы говорите, что дерево ваше, а не можете ничего сорвать с него.

А сестры на своем стоят, чудесное дерево — их собственность, да и только. В самое это время из-под бочки выкатились два золотых

яблочка и покатились прямо к ногам королевича. Это Двуглазка их выкатила, рассердившись, что сестры неправду говорят.

Увидел королевич яблоки, удивился: откуда они явились? И стал расспрашивать.

— Есть у нас еще сестра, — говорят Одноглазка с Трехглазкой, — только ей стыдно перед людьми, потому что у нее два глаза, как у простонародья.

Однако королевич захотел увидеть Двуглазку и закричал:

— Выходи-ка сюда, двуглазая девица!

Тогда Двуглазка вышла из-под бочки. Так и ахнул королевич, как увидел такую красавицу.

— Двуглазка, — сказал он, — ты, верно, можешь сорвать мне веточку с дерева?

— Конечно могу, — отвечала Двуглазка, — потому что дерево-то мое собственное.

С этими словами она легко влезла на дерево, сорвала веточку с серебряными листьями и золотыми плодами и подала королевичу. Тогда он сказал:

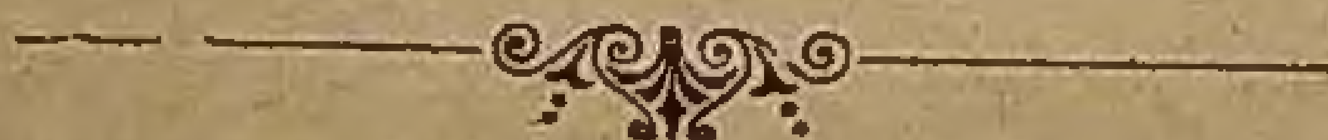
— Двуглазка, чего ты хочешь от меня за это?

— Я здесь голодаю, — отвечала Двуглазка, — и терплю горе и нужду от раннего утра до позднего вечера. Вот если бы ты избавил меня от такой жизни и взял бы с собою, как я была бы счастлива!

Королевич посадил Двуглазку к себе на лошадь и увез с собою в отцовский замок. Там он приказал ей подать прекрасные платья, кушанья и напитки, сколько душе ее хотелось, а так как он очень сильно ее полюбил, то предложил ей быть его женою, а затем отпраздновали они свадебный пир на весь мир.

Когда королевич увез Двуглазку с собою, сестры еще пуще стали завидовать ее счастью. "Ну, по крайней мере, чудесное дерево останется с нами, — думали они, — хоть мы и не можем рвать с него плодов, все-таки каждый остановится перед ним, зайдет к нам и похвалит его. Почем знать, может быть и на нашей улице будет праздник". Но на другое утро дерево исчезло, а с ним и их надежда. А когда Двуглазка выглянула из окошка, то, к своей великой радости, увидела, что дерево стоит перед окном, — за ней следом явилось.

Долго жила Двуглазка в довольстве и счастье. Раз пришли к ней в замок две нищие. Она посмотрела им в лицо и узнала своих сестер, Одноглазку и Трехглазку, которые после смерти матери до того обеднели, что должны были ходить по миру и выпрашивать себе кусок хлеба. Двуглазка позвала их к себе, обласкала и ухаживала за ними с такою любовью, что обе сестры сердечно пожалели о том, что в молодости причиняли своей сестре так много зла.

Ясное солнышко все осветит

Ходил портновский подмастерье по белу свету работы себе искать. Только времена тогда были тяжелые: неурожай, безработица, — совсем портной обнищал.

Идет он раз темным лесом, уже второй день не евши, вдруг навстречу ему еврей. "Эх, — думает портной, — у еврея, наверно, денег много". Забыл портной с голоду и жалость и совесть, кинулся на еврея, ухватил его за шиворот и кричит:

— Подавай сюда деньги, не то сейчас убью".

А еврей на то в ответ:

— Не убивай понапрасну. Я нищий, у меня только и есть две копейки".

Портной подумал, что еврей его обманывает, и еще пуще закричал:

— Врешь ты, жид! Наверное, кошелек у тебя битком набит! Убью тебя, и свидетелей не будет!

Да как хватит еврея по голове дубинкою, — так бедняга и повалился на землю... Но перед смертью собрался еврей с силами, взглянул на небо и вымолвил:

— Не уйдешь ты от наказания: солнце видело твой грех, оно и будет против тебя свидетелем...

И умер бедный еврей.

А портной скорее давай обшаривать его карманы. Только как он их не выворачивал, кроме двух копеечек ничего не нашел.

Видит портной, дело плохо, напрасно человека загубил, однако взвалил на плечи убитого да и бросил его подальше от дороги в кусты, в самую чащу. А сам, как ни в чем не бывало, пошел своею дорогою работы искать.

Долго он ходил, а все же наконец нашел место в одном городе у богатого хозяина, у которого была притом красавица дочка. Прожил

у него подмастерье годок-другой, а потом полюбились они с хозяйской дочерью друг другу и поженились. Еще через несколько лет, когда уже у них было двое детей, умерли тесть и теща, и все хозяйство досталось молодым по наследству.

Вот раз утром сидит портной на своем верстаке и смотрит в окно, а жена в то время подала ему стакан чаю. Налил он чай в блюдечко и хотел было пить, как вдруг в самую середину блюдечка ударил солнечный луч, и заиграло солнышко вверху на стене разноцветными кружками.

Смотрит на солнечные кружки портной и бормочет про себя:

— Вишь, как солнце лезет в свидетели, только голоса не хватает.

— Что ты, муженек, там бормочешь себе под нос? — спрашивает его жена. — Что ты этими словами хочешь сказать?

Оробел портной, сам не понимает, как это у него с языка сорвалось.

— Мало-ли чего, — говорит, — много будешь знать, скоро состаришься... Нельзя тебе этого сказать!

А жена ему на то:

— Между мужем и женою ничего тайного не может быть. Если любишь меня, расскажи.

И стала его жена упрашивать, и клялась, и божилась, что никому его тайны не выдаст, и умрет-то она с нею вместе, и не то что чужому, да и ему-то самому ни за какие в мире блага не промолвит о том ни словечка... Таким мелким бесом рассыпалась, что муж не выдержал и рассказал, как он еврея убил, и как еврей перед смертью сказал: “Солнце видело твой грех, — оно будет против тебя свидетелем”.

— Вот насчет этого-то я и сказал теперь, — говорит портной. — Видишь, как солнце-то кружится да дрожит по стенам да сверкает по моему блюдечку, только что не заговорит... Только ты смотри, жена, держи язык за зубами, никому ни гу-гу! Помни: одним словом погубишь меня...

Жена пуще прежнего забожилась и заклялась, что она рта не разинет, что и помрет она с этой тайною вместе.

А, между тем, не успел муж приняться за работу, как она уже полетела к своей кумушке и рассказала ей все, что слышала от мужа, только, конечно, заставила ее наперед побожиться, что она никому и виду не покажет, что знает.

На другой день весь город уже знал о тайне портного, вскорости потянули портного и к суду, а после полного его сознания присудили его к заслуженному наказанию.

Так-то и всегда бывает: солнце все видит и рано ли, поздно ли, на все свой свет кинет.

Пастушок

Прославился один пастушок мудростью своих ответов на все вопросы, какие ему кто ни задавал. Дошел о нем слух до самого короля, а король приказал привести к себе пастушка и сказал ему:

— Если ты хорошо ответишь на три вопроса, которые я тебе задам, то я усыновлю тебя, и ты станешь жить со мною во дворце.

— А какие вопросы, господин король?

— Вот тебе первый: сколько капель воды в море?

Отвечал королю пастушок:

— Прикажите, господин король, запрудить все большие и малые реки на земле так, чтобы ни одна капелька не протекала в море, пока я не кончу свой расчет, тогда я наверное скажу, сколько капель в море.

— Ну, а вот второй вопрос: сколько звезд на небе?

Пастух на то в ответ:

— Девятьсот девяносто девять миллионов, девятьсот девяносто девять тысяч, девятьсот девяносто одна звезда, господин король.

— Да верно ли?

— Извольте сами перечесть, господин король.

Пришлось ему на слово поверить, потому что от [illegible] надо было отказаться.

Задал король третий вопрос:

— Велики ли секунды вечности и сколько в вечности секунд?

— Господин король, — отвечал пастушок, — там, за ледяным морем стоит алмазная гора. В этой горе сто верст высоты, сто верст широты, сто верст глубины. Через каждые сто лет прилетает туда птица-гриф, поцарапает гору своим клювом и унесет с собою искорку алмазную. Когда эта птица сцарапает так всю гору, тогда пройдет первая секунда вечности.

И сказал на то король:

— На все мои вопросы ты отвечал, как мудрец. С этого времени живи со мною во дворце и будь мне сыном.

Выбор жены

Задумал пастух жениться. На примете у него были три сестрицы, все три писаные красавицы, так что он не знал, какую ему выбрать из трех. Стал просить он совета у матери, а та и говорит:

— Позови всех трех к нам позавтракать да не забудь сыр поставить на стол и потом примечай, как каждая из них будет резать сыр.

Сын все исполнил, как мать ему говорила.

Старшая сестра съела кусок сыру вместе с коркой. Средняя сестра так поторопилась срезать со своего куска корку, что на ней осталось еще много сыру. А младшая срезала корку с таким вниманием, что ничего не осталось лишнего.

Молодой пастух пересказал матери все, что заметил.

— Вот на младшей сестре тебе и надо жениться, — сказала мать, — будет она хорошей хозяюшкой.

Сын послушался матери и всю жизнь был счастлив с женою.

Три солдата и змей

Воевал раз один король с неприятелем, да воевал очень несчастливо. В одном сражении порубили неприятели все королевское войско, и осталось от него только три солдата, которые спрятались во ржи и думали спастись, когда неприятель уйдет. Да не тут-то было! Неприятель уходить и не подумал, а расположился лагерем вокруг поля, где спрятались солдаты.

Ждут солдаты день, ждут другой, ждут третий — все то же. Что им делать? Выйти — значит на виселице болтаться, остаться здесь — с голоду помереть.

Вдруг летит над полем огненный змей, спустился к солдатам и спрашивает, зачем они здесь. Рассказали ему солдаты всю правду, а он и говорит:

— Ладно, вынесу я вас отсюда, но через семь лет вы будете моими, в чем и распишитесь. Дам я вам плетку такую, что хлестнете ею о землю, — денег у вас будет сколько захотите. Да вот еще что. Через семь лет загадаю я вам загадку, угадаете — вы свободны и плетка ваша, нет — будете в моих лапах. Согласны?

Что делать солдатам? "Все равно пропадешь!" — думают и согласились.

Вынул тут змей (а это был сам черт) книгу, заставил их расписаться, а потом посадил их к себе на спину и перенес через неприятельское войско. Прилетел змей чуть ли не в тридесятое царство, опустился на землю, выпустил солдат и сказал:

— Помните же, не разгадаете загадки, — через семь лет моими будете.

С этими словами он передал им плетку, поднялся кверху и скоро скрылся из глаз.

Взяли солдаты плетку, нахлестали денег, сколько им нужно было, и зажили по-барски. Сладко ели, пышно одевались, в каретах ездили, своих лошадей держали, но ничего дурного не делали. Скоро пролетели для них семь лет. Вот и последний год подходит к концу, — страшно стало

солдатам. Ходят они, повеся носы, и деньги их не тешат. Только один из них, веселый такой парень, не унывает и еще посмеивается:

— Эх, братцы, — говорит, — умишком меня Бог не обидел: авось, разгадаю бесовскую загадку.

Вышли они раз как-то погулять в поле, сели на камень и пригорюнились. Вдруг идет мимо них старушонка и спрашивает:

— Что это вы, братцы, запечалились?

— А зачем тебе, старая, знать? Все равно нашему горю ты не пособишь, — отвечали солдаты.

— Уж это, молодцы, не ваше дело, — говорит старуха, — вы только расскажите, в чем дело, а там увидим, что будет.

И рассказали ей солдаты, что семь лет тому назад они продались черту и что скоро кончится срок их жизни, если только они не отгадают загадку, которую загадает им черт. Покачала головой старушонка и говорит:

— Хотите помочь своему горю, идите вон на ту гору, отыщите в ней пещеру, там, может быть, найдете себе помощь.

Сказала это старушка и ушла, а солдаты остались на месте и стали думать, что делать. Двое печальных рукой на все махнули. "Где уж, — говорят, — нам помощь себе найти!" А третий, весельчак, не оробел, да и пошел к горе.

Вошел он на гору, нашел пещеру, сидит в ней древняя старушонка и спрашивает, что ему надо. Поклонился солдат да и рассказал старухе, что с ними случилось, и так-то он ей понравился, что она обещала помочь ему. Открыла она погреб и говорит солдату:

— Полезай-ка туда да сиди как можно тише. Прилетит внук мой, змей, я стану его про загадку спрашивать, — ты слушай да запоминай хорошенько.

Залез солдат в погреб, а ровно в полночь прилетел черт и попросил себе ужин. Подала ему старуха мяса и вина и сама села с ним. Вот едят они, а старуха и спрашивает змея, хорошо ли у него день прошел, много ли душ он сманил.

— Нет, — говорит черт, — не посчастливилось мне сегодня, ну да за то в запасе есть у меня трое солдат, те уж наверно не уйдут от меня.

— Эх, внучек, — говорит старуха, — трое солдат, легко сказать. Они тоже не дураки, сумеют постоять за себя.

Засмеялся черт:

— Нет, — говорит, — не уйти им от меня: я им такую загадку загадаю, что им вовек не разгадать.

— Что же это за загадка? — спрашивает старуха.

— Скажу сейчас, слушай: лежит в море дохлый морской кит — это и будет их жаркое у меня за обедом; ребро кита будет им ложкой, а конское копыто — чашкой.

Поужинал черт и спать улегся, а старуха выпустила солдата из погреба и спрашивает:

— Все ли ты слышал?

— Да, бабушка, все слышал, спасибо тебе, — ответил солдат, а сам потихоньку прыг в окошко да и был таков.

Пришел он к товарищам и рассказал им, как все было и как он узнал про загадку. Повеселели солдаты, взяли плетку и нахлестали себе столько денег, что они даже всю землю вокруг них покрыли.

Исполнилось ровно семь лет со времени договора солдат со змеем, и змей явился к ним с книгой, показывает им их подписи и говорит:

— Срок кончился, пора вам ко мне, там для вас и обед сготовлен. Угадайте, что будет у вас на жаркое?

— Дохлый морской кит, — ответил один солдат.

— Верно, — сказал сердито змей и опять спросил: — А что будет у вас вместо ложки?

— Ребро кита, — ответил второй солдат.

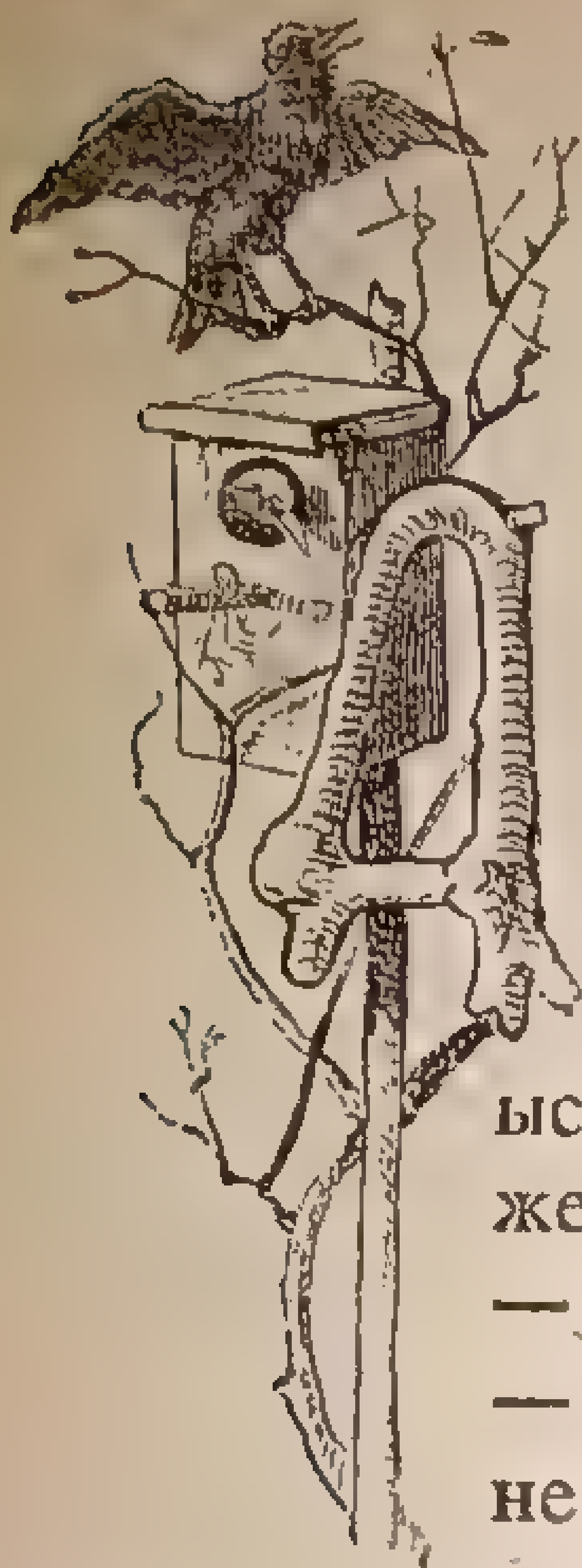
Змей зарычал от злости и спросил третьего:

— А из чего вы будете пить?

— Из лошадиного копыта, — ответил третий.

Тут змей взвыл страшным голосом и скрылся от солдат. Плетка осталась у них, и они жили в довольстве до самой смерти и часто посмеивались над чертом.

Железный столб

Давно-давно, когда еще на свете водились колдуны и колдуньи, раз королевская дочь пошла в лес погулять да и заплуталась. Девять дней бродила она по лесу, разыскивая дорогу домой. Вдруг видит, в самой чаще леса стоит железный столб, и из него неведомый голос слышится:

— Кто ты, девица, и куда путь держишь?

— Я потеряла дорогу в королевство моего отца и никак не могу домой попасть.

— Помогу я твоему горю, — опять послышалось из железного столба, — если ты поклянешься исполнить то, что я хочу.

"Чего железный столб от меня потребовать может?" — подумала королевна и пообещала все, что угодно, исполнить, потому что ей очень хотелось вернуться домой. Тогда голос из железного столба сказал ей:

— Тебя проводят, куда тебе нужно, но ты должна тотчас же вернуться сюда, принести нож и поскоблить столб. Когда ты поскоблишь железо и освободишь меня, я женюсь на тебе.

Откуда ни возьмись, явился какой-то странный немой человек, взял королевну за руку, и не успела королевна оглянуться, как уже очутилась у ворот своего дворца. Все придворные обрадовались, а старый король больше всех, потому что королевна ведь была его дочь, да притом единственная. Но сама королевна была печальна.

— Милый батюшка, — говорит она отцу, — кабы ты знал, что со мной было в лесу!..

И рассказала, что с ней случилось. Старый король как услыхал, так перепугался, что чуть было паралич его не разбил. Стал он дочь уговаривать, что не велика важность и изменить слову, по нужде данному, и что вместо нее лучше послать к железному столбу красивую мельникову дочь, может, тот, кто в столбе сидит, и не различит подмены. Королевна послушалась отца и согласилась.

Одели мельникову дочь в королевское платье, дали ей в руки нож и отвели в лес к железному столбу. Всю ночь скоблила она

железный столб, — ни пылинки не отскоблила. Как рассвело, вдруг из столба послышался голос:

— Кажется мне, будто солнышко восходит.

А мельникова дочь отвечала:

— Должно быть, сейчас покажется. Мне слышится, будто батюшкина мельница заработала.

— А, так ты мельникова дочь! Ступай сейчас назад и скажи, чтоб сюда сама королевна пришла.

Пошла она к королю и рассказала, что с ней было. Королю все-таки страх не хотелось посылать свою дочку, и надумал он послать скоблить столб дочь пастуха, которая была еще красивее, чем мельникова дочь. Отвели пастухову дочь к столбу, она всю ночь скребла ножом железо, однако ничего поделать не смогла. Только стало рассветать, из столба опять голос послышался:

— Не рассветает ли на дворе?

— Кажется, что начало рассветать, — отвечала пастухова дочь, — точно будто батюшка мой на рожке заиграл.

— Так значит, ты пастухова дочка! Сейчас убирайся и скажи королевне, чтоб сама сюда явилась. А не то во всем ее королевстве камня на камне не останется!..

Заплакала, услышав это, королевна, видит, что нечего делать, надо к железному столбу идти. Простилась она с отцом, взяла с собой нож и пошла в лес. А как пришла, принялась она царапать ножом железный столб, и дивное дело, — под ее ножом железо, словно мягкий воск, поддавалось, двух часов не проработала королевна, а уже проскоблила в столбе щелочку, сквозь которую можно было внутрь заглянуть. Приложила она глаз к щелке, да так и вспыхнула, как алая зорька. Внутри столба увидала она молодого королевича неописанной красоты, все платье на нем горело драгоценными каменьями, но лицо его светилось красотой еще ярче. И полюбился он королевне в тот же миг больше всего на свете.

Принялась она скоблить ножом железо со всех сил, часа не проработала, уже щель стала такой большой, что через нее королевич легко вышел наружу и сказал королевне:

— Ты — моя, я — твой.

А королевна ему на то отвечала:

— Я — твоя, ты — мой, только раньше, чем увезешь меня к себе, позволь мне пойти с отцом проститься.

— Хорошо, — отвечал красавец-королевич, — иди, но помни: буду я ждать тебя здесь до заката солнечного. Если хоть миг один

просрочишь, ищи меня тогда в полуночной стороне, за горами стеклянными, за мечами острыми, за морями широкими. Должен я буду туда улететь вместе с этим железным столбом, — такое заклятье колдуньи, которая меня в этот столб заключила из-за злобы к королю, моему отцу.

Пошла она домой, но как ни торопилась, а пришла назад к столбу, когда солнышко уже закатилось, и не нашла своего милого, — улетел он вместе с железным столбом... И отправилась королевна по белу свету искать своего суженого. Девять дней шла она все на полночь да на полночь и совсем из сил выбилась. На девятый вечер укрылась королевна в дремучем лесу, на дереве, чтоб дикие звери до нее не добрались, и вдруг видит, что вдали огонек светится. "Может быть,

там я отдохну спокойно", — подумала она, слезла с дерева и пошла на огонек, читая молитву. Среди высокой травы стоял маленький домик, под окошком которого лежала вязанка хвороста, а в окошке свет был виден. Королевна заглянула через окно внутрь домика и увидала, что там и на полу, и на постели, и на скамьях сидит множество толстых, больших лягушек, а посреди комнаты накрыт стол с питьем и едой в серебряной посуде.

Королевна была так голодна и измучена, что как ни страшно было, а собралась с духом и постучалась. Самая большая и толстая лягушка приказала самой меньшей отворить королевне. Когда она вошла, лягушка ей поклонилась и усадила ее. На вопрос, кто она, откуда и куда идет, она рассказала все про себя: как выручила она королевича из столба, как полюбила его, как его потеряла и как она теперь странствует, разыскивая его. Лягушки качали головами, слушая королевну, потом накормили ее, напоили и уложили спать на серебряную постель, на пуховые перины, под шелковое одеяло.

Наутро, когда королевна, поблагодарив лягушек за приют и ужин, собралась уходить, самая большая лягушка ей и говорит:

— Вот тебе, красавица, три больших иглы, с ними ты проберешься через стеклянные горы; вот тебе колесо от тачки, на нем ты перекатишься через острые мечи; вот тебе перышко, на нем ты переплывешь через широкое, синее море. Да еще получи от меня три ореха, они тебе пригодятся, когда найдешь ты своего суженого в полуночной стороне.

Отправилась дальше королевна. Долго ли, коротко ли, — пришла она к стеклянным горам и, опираясь на иголки, перелезла через них. Потом на колесе от тачки перекатилась через острые мечи, на перышке переплыла через широкое синее море и, наконец, увидала в полуночной стороне замок, где ее суженый жил. А молодой королевич, которого она освободила из железного столба, уже позабыл ее и собирался жениться на другой красавице, хозяйке того замка.

Прийдя в замок, королевна нанялась там в судомойки и стала ждать, как бы ей своему милому показаться. За три дня до свадьбы королевича сидела она в своей коморке, перемывши уже всю посуду, и вдруг нащупала в кармане три ореха, которые ей лягушка дала. Разгрызла она один орех, — в нем оказалось чудное платье, все серебряное...

Когда услышала об этом платье невеста, она пришла к судомойке и стала его торговать:

— Продай мне его: не служанке его носить.

Но королевна не согласилась продать платье:

— Хотите, я вам его даром отдам, если вы позволите мне пробыть ночь в комнате вашего жениха, — сказала она.

Невесте так хотелось иметь чудное платье, что она согласилась, только вечером поднесла жениху стакан сонного питья и когда он заснул крепко, впустила в его комнату королевну.

Всю ночь плакала королевна у постели своего милого да приговаривала:

— Встань, проснись, мой суженый! Не я ли тебя из железного столба освободила, не я ли тебя по всему свету искала, через стеклянные горы перебиралась, через острые мечи перекатывалась, через широкое море переплывала. Но королевич спал непробудным сном.

На другой день королевна разгрызла другой орех и вынула из него платье — все золотое. Как увидела его невеста, захотела и его купить. Но королевна денег опять не взяла, а выпросила себе позволенье еще одну ночь провести в комнате жениха. И на эту ночь не могла королевна добудиться своего милого, потому что невеста опять дала ему сонного питья, только старый слуга королевича слышал, как судомойка плакала над ним всю ночь, и об этом наутро рассказал своему господину.

На третий день королевна разгрызла третий орех и в нем нашла платье еще лучше прежних, все самоцветными камнями усыпанное. И это платье невеста пожелала получить и получила за позволенье судомойке провести третью ночь в комнате жениха. Но жених на этот раз остерегся выпить сонное питье, а потихоньку выплеснул его во время ужина под стол. Только королевна начала плакать и причитать: "Встань, проснись, мой суженый! Не я ли тебя из железного столба освободила..." — королевич вскочил с постели и сказал:

— Вот моя настоящая невеста. Ты — моя, я — твой.

А королевна ему отвечала:

— Да, я — твоя, ты — мой.

В ту же ночь ускакали они на борзых конях из замка; на перышке через широкое синее море переправились, на колесе через острые мечи перекатились, на иголках через стеклянные горы перелезли и, наконец, добрались до того места, где был домик с лягушками. Но вместо домика там стоял большой королевский замок, и лягушки обратились в прекрасных принцев, принцесс, в придворных и слуг королевских. Все они тоже были заколдованы злой ведьмой вместе с прекрасным королевичем и теперь, когда с него было снято все заклятье, и они приняли человеческий облик.

Тут королевич с королевной и свадьбу сыграли, тут и жить остались, потому что этот замок был куда больше и лучше, чем у отца королевны. Но так как отец королевны очень скучал без нее, то они и его к себе перевезли, и стали жить при двух королевствах в любви и счастье.

Дочь колдуньи

Шел однажды лесом молодой красавец-граф. Долго не попадалось ему навстречу ни одной живой души, вдруг он увидел старуху, которая сидела на земле и серпом срезала траву. Перед нею лежал уже большой узел травы, а рядом стояли две корзины, полные диких груш и яблок.

— Как же ты, бабушка, донесешь все это? — спросил молодой граф.

— Что поделаешь, надо нести, молодец, — отвечала старуха. — Богатым не нужно все самим делать. А у мужика недаром пословица есть: "Не смотри на сторонс, у самого горб на спине". Вот, может быть, не захочешь ли ты мне помочь? Дом мой не так далеко отсюда: вот сейчас за горой на полянке.

Пожалел молодой граф старуху и говорит:

— Хотя мой отец и богатый граф, но, чтобы ты знала впредь, что не одни мужики могут таскать тяжести, так и быть, я снесу твою ношу.

— Попробуй, попробуй, спасибо тебе, — сказала она. — Конечно, придется тебе с часок идти, ну да это пустяки для тебя! Кстати, захвати уж с собой яблоки и груши.

Молодому графу сделалось немножко страшно, когда он услыхал о "часочке" ходьбы, но старуха, не дав ему и опомниться, взвалила ему на спину узел и повесила на руки обе корзины.

— Сам видишь, как легко, — сказала она.

— Совсем не легко, — отвечал граф, поморщившись, — твой узел так давит мне спину, как будто в нем камни наложены, а яблоки и груши словно свинцовые, еле двинуться могу.

Он готов был все сбросить с себя, но старуха не допустила:

— Смотри, пожалуйста, — стала она над ним насмехаться, — такой молодец не может снести того, что я, старуха, то и дело таскаю на себе! На словах-то все вы куда горазды, а как дойдет до дела, так и на попятнуй. Ну, что стал, молодец, чего ждешь? Взялся за гуж, не говори, что не дюж!

Пока граф шел по ровному месту, так можно еще было вынести, но когда пришлось подниматься на гору и из-под его ног камни стали выкатываться, словно живые, это уже стало не под силу ему. Крупные капли пота капали у него со лба, холодная испарина выступила на теле от усталости.

— Бабушка, — сказал он, — право, я не могу идти дальше, дай вздохнуть.

— Нет, — отвечала старуха, — доберемся до места, там и отдыхай, а теперь иди-ка вперед. Почем знать, может быть, это к твоему счастью.

— Старуха, у тебя ни стыда, ни совести нет! — сказал граф и хотел сбросить с себя ношу, но не тут-то было: узел крепко держался на его спине, словно прирос. Как он ни вертелся, как ни старался, — не мог узла с себя сбросить. А старуха так и покатывается со смеха да подпрыгивает около него на своей клюке:

— Не гневайся, добрый барин, — говорила она, — смотри, раскраснелся, как вареный рак. Неси свою ношу с терпением, как принесешь, на чай дать не поскуплюсь.

Что оставалось ему делать? Пришлось покориться судьбе и терпеливо тащиться за старухой. Старуха становилась все проворнее и веселее, а его ноша казалась все тяжелее и тяжелее. Вдруг старуха приостановилась, вспрыгнула на узел и плотно уселась там. Как же она была тяжела! Право, тяжелее толстой деревенской девки, хоть и

казалась сухой, словно хворостина. У молодого графа ноги стали подкашиваться, но когда он останавливался, старуха подхлестывала его то прутом, то крапивой по ногам.

Охая и вздыхая, взобрался он на гору и добрел, наконец, до избушки старухи в ту минуту, как готов был упасть. Навстречу старухе выбежало целое стадо гусей, распустив крылья, вытянув шеи и с веселым, громким гоготаньем. А за стадом с хворостиной в руках шла пожилая баба, высокая, здоровенная, но зато неуклюжая и противная-распротивная.

— Не случилось ли чего с тобою, матушка, — спросила она, — что ты так запоздала?

— Помилуй Бог, дитятко, — отвечала старуха, — со мною ничего худого не случилось, напротив, вот этот добрый барин сам вызвался нести на себе мою ношу да еще посадил и меня к себе на спину, когда я устала. И дорога нам не показалась длинной, всю-то ее мы шутили да смеялись.

Тут старуха сползла наземь, сняла со спины молодого графа узел, а с рук корзины и, ласково взглянув на него, сказала:

— Ну, теперь присядь-ка на скамье у двери и отдохни. Ты честно заслужил награду и получишь ее. — Потом обратилась к своей птичнице и молвила: -Поди-ка домой, дитятко, не следует оставаться тебе здесь с глазу на глаз с добрым молодцем, а то как бы он не влюбился в тебя.

Граф не знал, плакать ему или смеяться. "Вот сокровище! — думал он. — Да будь она тридцатью годами моложе, и то не затронула бы мое сердце".

А старуха поласкавши и погладивши гусей, словно милых деток, пошла в дом с дочерью. Молодой человек прилег на скамейке под дикой яблоней. Воздух был теплый и приятный, избушку окружала зеленая поляна, усеянная душистыми цветами, а посередине поляны журчал светлый ручей, в котором играло солнце, и белые гуси гуляли по берегу или полоскались в воде.

"А здесь очень хорошо, — сказал молодой граф про себя, — но я так устал, что глаза невольно закрываются. Соснул бы я немного, да как бы ветер не оторвал мои ноги, а то они теперь у меня словно бумажные".

И он заснул, но скоро пришла старуха и разбудила его.

— Вставай-ка, — сказала она, — больше тебе нельзя здесь оставаться. Конечно, я тебе довольно насолила, но все-таки не до смерти.

Теперь я хочу расплатиться с тобою. Денег тебе не надо, вот тебе кое-что другое. — И она дала ему коробочку, сделанную из цельного изумруда. — Береги ее пуще глаза, — прибавила она, — она принесет тебе счастье.

Граф вскочил на ноги и, почувствовав себя сильным и бодрым, поблагодарил старуху за подарок и пустился в путь-дорогу. А на дочку старухи даже и оглянуться не подумал. Три дня и три ночи пришлось молодому графу бродить по лесу, прежде чем он выбрался из него. Наконец он пришел в большой город, и так как его там никто не знал, то и отвели его в королевский замок, где на троне сидели король с королевой. Граф опустился перед ними на одно колено и, вынув из кармана изумрудную коробочку, положил ее к ногам королевы. Но только королева открыла коробочку и заглянула в нее, как вдруг упала замертво на пол. Королевские слуги схватили графа и хотели вести его в тюрьму. Но королева открыла глаза и велела освободить графа.

— Уйдите все вон, — сказала она, — потому что я хочу поговорить с ним наедине.

Когда королева осталась одна с графом, стала она горько плакать и в слезах говорила:

— Что мне блеск и почести, которые меня окружают, когда я каждое утро встаю со слезами, каждую ночь ложусь в слезах! Было у меня три дочери, и младшая из них была такая красавица, что ее считали чудом в целом свете. Она была бела, как снег, румяна, как зорька, а волосы у нее блестели, как солнечные лучи. Когда она плакала, из ее глаз не слезы падали, а чистый жемчуг выкатывался.

Когда ей минуло пятнадцать лет, король велел позвать к себе всех трех дочерей и сказал: "Милые мои дочки, я не знаю, когда наступит мой последний час, и потому хочу сегодня же назначить, что должна каждая из вас получить в наследство после моей смерти. Я знаю, что вы все меня любите, но которая из вас любит меня больше всех, той достанется и лучшая часть наследства. Выскажите мне словами, насколько каждая из вас меня любит. По словам вашим я и буду судить!" — "Я люблю тебя, батюшка, как самый сладкий сахар", — сказала старшая. Средняя говорит: "Люблю батюшку, как самое лучшее на свете платье". А младшая молчала. Отец спросил у нее: "Что же ты не говоришь, мое милое дитятко, как ты-то меня любишь?" — "И сама не знаю, — отвечала она, — и ни с чем сравнить мою любовь не могу". Но отец все требовал, чтобы она непре-

менно с чем-нибудь сравнила. Наконец она сказала: "Без соли самое лучшее кушанье в рот не идет: вот, я люблю моего отца, как соль".

Ужасно разгневался король и сказал: "Хорошо! Если ты меня любишь, как соль, так и награжу тебя одной солью".

И разделил он королевство пополам между старшими дочерьми, а младшей приказал привязать к спине мешок соли и выгнал ее в дремучий лес. Как ни просили, как ни молили мы все за нее, — не могли мы умилостивить короля. Как она, бедняжка, плакала, расставаясь с родным домом: вся дорога была усеяна жемчугом, который падал из ее глаз.

Вскоре после того король раскаялся, однако, в своей жестокости и послал слуг отыскивать бедное дитя по всему лесу, но никто не мог ее найти. Как только подумаю я, что ее, может быть, съели дикие звери, так не знаю, куда и деться с тоски. Впрочем, я все еще надеюсь, что она жива и укрылась в какую-нибудь пещеру или нашла приют у добрых людей... Представь себе, что открывши изумрудную коробочку, я увидела там жемчужину точно такую, какие падали из глаз моей дочери вместо слез! Скажи мне, откуда досталась тебе эта жемчужина?

Граф рассказал, что она досталась ему в лесу от старухи, которая показалась ему колдуньей, но про младшую королевну он знать ничего не знает, ничего и не слыхал о ней.

Тогда король и королева решились отыскать старуху во что бы то ни стало. Они думали, что там, где была жемчужина, — и весточку о дочери можно получить.

Сидит старуха в своей избушке за прялкой и прядет. Уже стемнело, лучина, которая горела на очаге, чуть мерцала. Вдруг послышался крик гусей, возвратившихся с пастбища, а вскоре в избушку вошла и дочь. Но старуха и не взглянула на нее и только кивнула головою. Дочь подсела к ней, взяла свою прялку и стала сучить нитку, да так проворно, будто молоденькая девушка. Так сидели они, не говоря ни слова. Вдруг что-то зашумело у окна и в него заглянули два выпученные блестящие глаза. Это был старый филин, который трижды прокричал свое: "пугу! пугу! пугу!" — и исчез. Старуха повела глазами вверх и сказала:

— Теперь тебе пора, дитятко, ступай-ка и делай свое дело.

Дочь встала и вышла вон. Она шла через луг к глухому лесистому оврагу, где и остановилась у колодца, около которого росли три

старые дуба. Было полнолуние, месяц взошел над горой, и на земле было так светло, что иголку можно было видеть... Дочь сняла кожу, которой было прикрыто ее настоящее лицо, нагнулась над колодцем и начала умываться. Умывшись, она обмакнула кожу в воду и положила ее на луг, чтобы она просохла и побелела при лунном свете. Но как же она переменилась! Надивиться на нее было невозможно: когда сняла она седые накладные волосы, ее золотистые, как солнечные лучи, кудри рассыпались и покрыли ее стройный стан, словно дивным плащем. Только глазки блистали из-под них, как звездочки, да щечки рдели ярким румянцем, словно яблочки.

Но молодая красавица была грустна. Она присела у колодца и залилась горючими слезами. Слезы одна за другой катились из ее глаз и скатывались по длинным волосам наземь. Долго бы она еще сидела и плакала, если бы вдруг не захрустело что-то в сучьях ближнего дерева. Девушка вскочила, словно лань, заслышавшая выстрел охотника. В эту минуту черные тучи заволокли месяц, и девушка, накинув старую кожу, исчезла, как свеча, которую ветер задул.

Дрожа, как осиновый лист, прибежала она домой. Старуха стояла у дверей. Девушка хотела было рассказать ей, что с ней случилось, но старуха ласково улыбнулась и молвила:

— Я уже все знаю.

С этими словами она повела девушку в избу и зажгла новую лучину. Но за прялку она уже не села, а взяла метлу и стала везде подметать и убирать.

— Отчего ты, матушка, так поздно начинаешь убирать? Кого ты ждешь? — спросила ее девушка.

— А знаешь ты, какой теперь час наступает? — спросила старуха.

— Еще нет полуночи, — отвечала девушка, — но уже близко.

— А ты не помнишь, что сегодня в полночь ровно три года, как ты пришла ко мне? Теперь твой срок минул, и ты не можешь уже оставаться у меня.

— Ах, дорогая матушка! — сказала девушка испугавшись, — неужели ты хочешь меня прогнать? Куда же я пойду? У меня нет ни друзей, ни родины: негде головы преклонить. Я все делала, чтобы угодить тебе, и ты всегда оставалась довольна мною. Не прогоняй же меня.

Старуха не хотела говорить девушке, что ей предстоит в будущем, и потому сказала только:

— Мне здесь не долго быть. И когда я уйду отсюда, дом и комнаты должны быть чисты и опрятны. Не мешай же мне дело делать. А о

себе не заботься, дитятко, ты найдешь себе кров, и при той награде, которую я тебе дам, ты не будешь жаловаться на судьбу. Теперь поди в свою комнату, сними с лица кожу, надень то шелковое платье, в котором ты пришла ко мне, и жди, пока я позову тебя.

А король с королевой и с молодым графом между тем уже довольно долго блуждали по лесу, отыскивая избушку колдуньи. И случилось так, что граф как-то отстал от них ночью и вынужден был ехать один.

На другой день показалось ему, что он попал на нужную дорогу. Он ехал по ней все дальше, пока не начало смеркаться и не наступила ночь, тогда он влез на дерево, чтоб там переночевать, потому что боялся в темноте заблудиться. Когда вышел месяц, он увидал женщину, спускавшуюся с горы. Хоть в руках у нее и не было хворостины, однако он узнал в ней безобразную колдуньину дочь.

— Ого! — сказал он себе. — Вот она идет. Коли одну колдунью поймаю, так и другая из рук не уйдет.

Но как же он изумился, когда она, подойдя к колодцу, сняла кожу с лица, когда она скинула седой парик и рассыпались ее золотые волосы. Она стала такой писаной красавицей, какой в жизни своей он еще не видел. Едва смея дышать, он, насколько мог, вытянул шею между листьями и впился в нее глазами. Перегнулся ли он чересчур или птица в ветвях зашумела, только вдруг хрустнул сук, и в ту же минуту девушка накинула кожу на лицо и убежала, как лань. А так как месяц в то время закрылся тучами, то она скрылась как молния.

Только что она исчезла, граф слез с дерева и поспешил за нею. Немного пройдя, он заметил еще две тени, которые переходили поле. Это были король и королева, они издали увидели свет в избушке и поспешили туда. Граф рассказал им, что он видел у колодца, и они не сомневались больше, что это была их потерянная дочь.

С радостью они пошли дальше и вскоре пришли к избушке, вокруг которой сидели гуси, спрятав свои головы под крылья, и крепко спали. Заглянули они в окно и видят: старуха спокойно сидит и прядет, покачивая головой. Все в комнате чисто убрано. Но дочери своей король с королевой не увидали. Наконец они решились тихо постучаться в окно. Старуха, как будто их поджидала, тотчас же встала и закричала ласково:

— Милости просим, я уже знаю, кто вы.

Когда они вошли в комнату, старуха сказала:

— Вы могли бы избежать длинной дороги, если бы три года тому назад не прогнали от себя такую добрую и милую дочь. Но вот она вам — целая и невредимая. Три года она стерегла гусей, но, не научившись ничему худому, сохранила свое сердце в чистоте. А вы достаточно наказаны страхом и тоскою, в которых постоянно жили.

С этими словами старуха подошла к двери в другую комнату и сказала:

— Выйди сюда, дочка.

Дверь отворилась, и оттуда вышла королевна в шелковом платье, с золотыми волосами: словно ангел спустился с неба.

Она бросилась прямо к отцу и матери, обнимала и целовала их. А они только плакали от радости. Молодой граф стоял возле них и, как только его увидела красавица, так и вспыхнула, словно махровая роза, сама не зная, отчего. Тут король сказал:

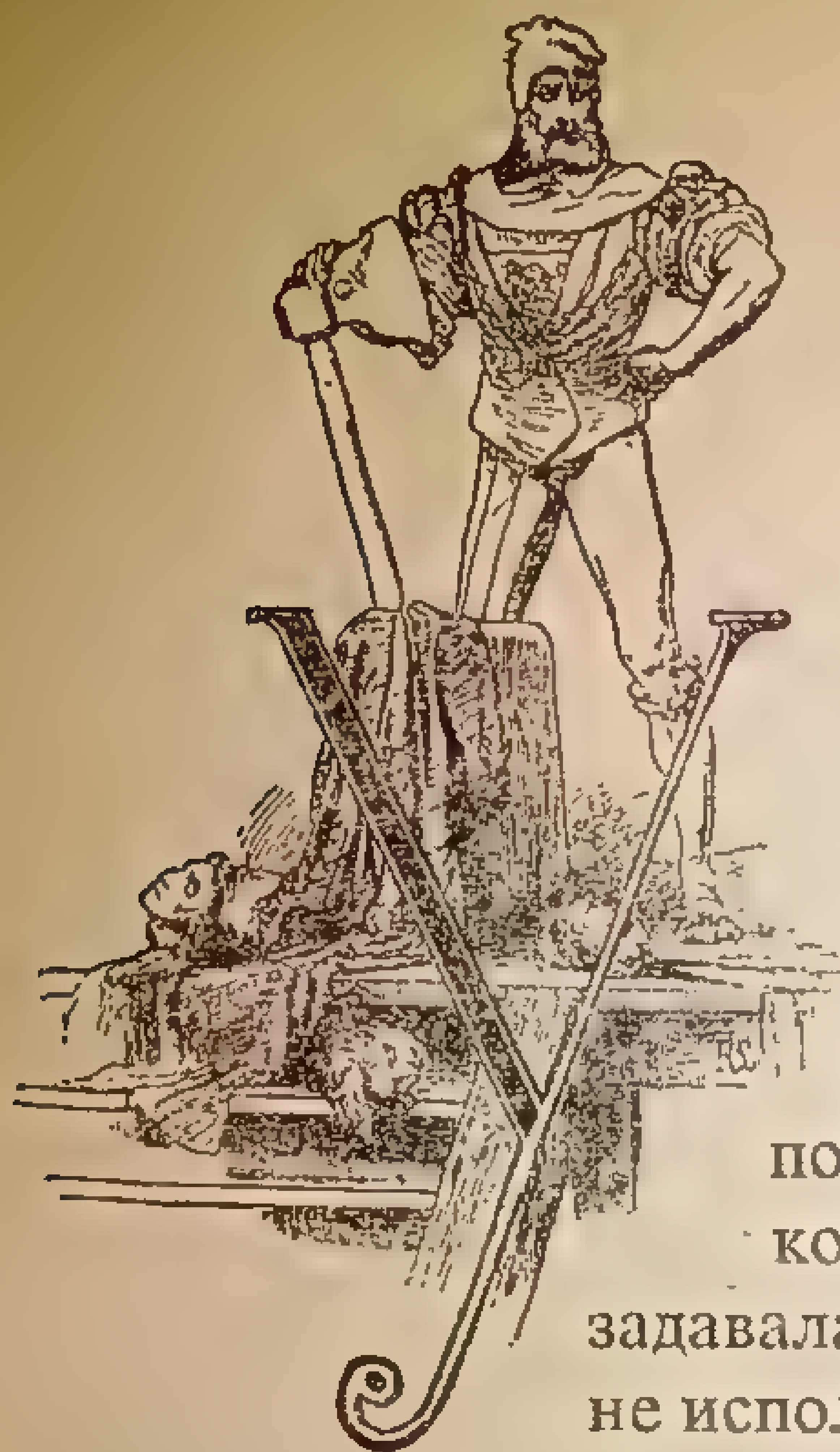
— Дитя мое милое! Я разделил свое государство. Чем же мне наградить тебя?

— Ей ничего не надо, — сказала старуха, — я дарю ей слезы, которые она из-за вас выплакала, чистый жемчуг, который дороже всего вашего государства. А в награду за ее службу дарю ей мою избушку.

Сказав это, старуха исчезла из глаз, а в стенах затрещало, и, когда все оглянулись кругом, избушка превратилась в великолепный дворец, королевский стол был парадно накрыт, а вокруг него суетились слуги.

Сказка этим еще не кончилась, только у моей бабушки, которая рассказывала мне ее, уже очень память ослабла, так что она и позабыла, что было дальше. Я, впрочем, думаю, что королевна обвенчалась с молодым графом и что они зажили себе в замке весело и счастливо, пока Бог по души их не послал. Мне думается, что белоснежные гуси, которых пасла колдуньина дочка, стали ее фрейлинами, когда она вышла замуж за молодого графа, — а, впрочем, наверное не знаю. Верно только то, что старуха никогда не была ведьмою, как это думали простые люди. Уж не она ли наделила королевну при рождении даром проливать жемчужины вместо слез? В наше время этого не случается, а то, пожалуй, бедные люди уж очень часто и скоро становились бы богачами.

Шесть слуг

У старой королевы, злой колдуньи, была дочка такая красавица, какой другой под солнцем не сыскать. А колдунья только о том и думала, как бы побольше людей погубить, и потому, когда сватался за ее дочь жених, то она задавала жениху задачу, а коли он той задачи не исполнял, ему голову отрубали.

Уже много женихов, ослепленных красотою девушки, пробовали исполнить задачу матери, но никому еще удачи не было, и много удальцов лишилось голов.

Один королевич тоже наслышался о необыкновенной красоте молодой королевны и сказал отцу:

— Отпусти, батюшка, меня свататься за нее.

— Нет моего на то позволения, — отвечал отец, — коли пойдешь, не миновать тебе смерти.

Тогда сын заболел и слег в постель, долго он был при смерти, ни один доктор не мог его вылечить. Увидал отец, что ничем не может помочь милому сыну, и с грустью сказал ему:

— Ступай с Богом и попытай счастья, видно, ничем другим тебя не вылечишь.

Как только сын услыхал эти слова, сейчас выздоровел, встал с постели и весело пустился в путь.

Вот едет он по какой-то большой поляне и вдруг увидел издали, что на земле лежит что-то, будто большой стог сена. А как подъехал ближе, так и увидал, что это не стог, а живот какого-то человека, который лежал, растянувшись на земле.

Завидев путника, этот Толстяк приподнялся и говорит:

— Если тебе нужен слуга, возьми меня.

— Что мне делать с таким увальнем? — отвечал королевич.

— Вот тебе раз, — сказал Толстяк, — это еще что? А вот как я хорошенько раздуюсь, так стану еще в три тысячи раз толще.

— Коли так, — сказал королевич, — ступай за мной, может быть, ты мне и пригодишься.

Пошел Толстяк вслед за ним. Едет королевич и вдруг видит: лежит человек, растянувшись, и ухо приложил к земле.

— Что это ты делаешь? — спросил королевич.

— Прислушиваюсь.

— К чему же ты так внимательно прислушиваешься?

— Ко всему, что на белом свете делается, и ничего не ускользает от моего слуха: я даже слышу, как трава растет.

— Скажи же мне, — спросил у него королевич, — что слышно при дворе старой королевы, у которой дочка первая на свете красавица?

— Слышу, как меч свистит, отрубая голову жениху.

— Ты мне можешь пригодиться, — сказал королевич. — Ступай за мной.

И этот за ним поплелся. Вдруг видит королевич две чьи-то ступни ног, а дальше ничего не видно. Проехавши еще порядочно, увидал он туловище, а потом наконец добрался и до головы.

— О-о! — сказал королевич. — Что это за верзила?

— Эка сказал, — говорит Длинный, — это еще ничего, а вот как я вытянусь хорошенько, так стану в три тысячи раз длиннее и буду тогда выше самой высокой горы на земле. Если нужен тебе слуга, я не прочь служить.

— Ступай за мной, может и ты пригодишься, — сказал королевич.

Отправились дальше и видят, что у дороги сидит человек с завязанными глазами.

— Болят что ли глаза у тебя, — спросил королевич, — что ты не можешь смотреть на свет?

— Нет, не то что не могу, а не смею снять повязки с глаз, потому что все на свете распадается перед моим взглядом, так он остер.

— Ступай за нами, пригодишься, — сказал королевич.

Едет он дальше и видит человека, который лежит на самом солнцепеке, а сам так зябнет, что всем телом дрожит.

— Как это ты зябнешь, когда солнце так печет? — спросил его королевич.

— Ох, такая уж моя природа: чем жарче, тем я больше зябну, а чем холоднее, тем мне жарче. Лежу на льду — не знаю, куда от жара деться, полезу в огонь — холод невтерпеж.

— Любопытная у тебя природа! Ступай, коли так, за мной, если есть охота послужить мне.

Опять отправились они в путь-дорогу. Едет, едет королевич и вдруг видит человека, который, вытянув свою длинную шею, пристально всматривается во все стороны, словно сквозь горы хочет видеть.

— К чему ты так усердно присматриваешься? — спросил королевич.

— У меня такие зоркие глаза, что я через леса и поля, через долы и горы, с края на край света могу видеть.

— Если есть охота, так ступай за мной. Такого мне еще недоставало.

Явился королевич со своей свитой в тот город, где жила старая королева. Не объявляя ей ни своего рода, ни имени, он спросил ее:

— Отдадите за меня вашу красавицу-дочь, если я решу все ваши задачи?

Обрадовалась старая колдунья, что еще один красивый молодец попался в ее сети, и говорит:

— Задам я тебе три задачи, если ты все решишь, то будешь господином и супругом моей дочери.

— Какая же первая задача?

— Принеси мне кольцо, которое я уронила в красное море.

Королевич сейчас же пошел посоветоваться со своими слугами.

— Ну-ка я посмотрю, где это кольцо, — сказал Зоркий, и заглянул в глубь морскую. — Э, да вон оно, висит на остром утесе под водою.

Длинный тотчас же перенес их всех туда и сказал:

— Я и достал бы, пожалуй, кольцо, кабы только его видел.

— Только за этим-то дело и стало? Ну, этой беде я помогу, — сказал Толстяк, лег и прильнул ртом к воде. И волны морские полились в его рот, точно в пропасть. Живо выпил он все море до дна, так что на дне его стало сухо, как на лугу. Длинный чуть нагнулся и достал кольцо рукой.

Обрадовался королевич, увидев кольцо у себя в руках, и поспешил к старой колдунье.

— Да, это то самое кольцо, — сказала она. — Первую задачу ты разрешил, слушай теперь другую. Вон там, на лугу, перед моим дворцом пасутся триста откормленных быков, съешь их целиком с кожей, волосами, костями и рогами. А в погребе у меня лежит триста бочек с вином, и их ты должен выпить. Но смотри: если останется хоть один волосок от быков или хоть капля вина, ты поплатишься головой.

— А могу ли я пригласить гостей на обед? Одному скучно пировать, — спросил королевич.

— Одного можешь пригласить для компании, но больше никого, — сказала, злобно засмеявшись, старуха.

Королевич пошел к своим слугам и сказал Толстяку:

— Сегодня ты будешь пировать со мной, можешь хоть раз в жизни досыта наесться.

Толстяк пораспправился и разом съел всех быков, даже волоска не оставил, съел да еще спрашивает:

— Неужели, кроме этой закуски, больше ничего не будет?

Про вино и говорить нечего: он выпил его прямо из бочек, все дочиста, не оставив не единой капельки.

Пир кончился, принц пошел к старой ведьме и сказал, что и вторая задача решена. Удивилась она и говорит:

— Так далеко никто еще не заходил. Однако осталась еще одна задача.

А про себя думает: "Уж не уйти тебе от меня, голубчик, не сносить тебе головы".

А потом сказала:

— Сегодня ночью приведу я к тебе мою дочь, а ты постереги ее. Если в полночь ее у тебя не окажется, пропала твоя голова!

"Задача нетрудная, — подумал королевич, — уж, конечно, я глаз с красавицы не сведу!" Однако он позвал своих слуг, передал им слова старухи и сказал:

— Тут какая-то хитрость кроется. Осторожность не мешает. Караульте хорошенько и смотрите, чтобы королевна не ушла из моей комнаты.

С наступлением ночи старая колдунья привела дочь и посадила ее рядом с королевичем. Длинный обвился кругом них кольцом, а Толстяк втиснулся в двери, так что ни одна живая душа не могла пройти. Сидит королевич с красавицей рядом, королевна молчит, рта не раскрывает, а месяц светит из окна прямо ей в лицо, так что королевич мог ею сколько угодно любоваться. Он только и делал, что смотрел ей прямо в лицо, и сердце его было полно радости и любви, об усталости и помину не было. Так было до одиннадцати часов. Но тут старая колдунья напустила на всех свои чары, все заснули, и красавица в ту же минуту исчезла.

Все крепко спали до половины двенадцатого, в это время колдовство разрушилось, и они все проснулись.

— Беда! — вскричал королевич. — Теперь я погиб!

Слуги тоже начали охать и вздыхать, но Слухач сказал:

— Тише! Я прислушаюсь. — Прислушался и потом говорит: — Королевна сидит в середине скалы, в трехстах часах ходьбы отсюда. Теперь один ты, Длинный, можешь помочь нашему горю. Развернись-ка во всю длину, так в два шага будешь там.

— Ладно, — отвечал Длинный, — только Остроглазому надо идти со мною, чтобы скалу разбить.

Поднял Длинный Остроглазого на руки и, скорее чем махнуть рукой, они очутились перед заколдованной скалой. Длинный тотчас снял повязку с Остроглазого, а тот только взглянул, скала разлетелась на тысячи кусков.

Взял Длинный красавицу и мигом отнес ее назад, потом так же проворно перенес своего товарища, и, прежде чем пробило двенадцать часов, все они сидели, как прежде, по своим местам и были веселы и довольны.

Пробило двенадцать. Старая колдунья подкралась к комнате, скроивши уже злобную улыбку, в которой так и читалось: "Ну, теперь он мой!" Она, конечно, была уверена, что дочка ее сидит в скале в трехстах часах ходьбы оттуда, — и вдруг видит ее рядом с королевичем. Перепугалась старая колдунья и подумала: "Он, пожалуй, посильнее меня". Но вслух ничего не смела сказать против королевича и обещала отдать за него дочку. Ей же успела шепнуть на ухо:

— Стыд и позор тебе, королевской дочери, повиноваться простолюдину и не сметь выбирать себе мужа по желанию.

Сердце гордой красавицы закипело гневом, стала она помышлять о мести. На другое утро приказала она сложить костер из трехсот сажен дров и сказала королевичу:

— Нужды нет, что ты решил три задачи, а все же я не буду твоею женой, пока ты или кто-нибудь за тебя не высидит на дровах все время, пока костер будет гореть.

Она думала, что, конечно, ни один уж слуга не захочет гореть за своего господина, что из любви к ней, вероятно, жених сам сядет на костер и тем избавит ее от себя.

А слуги королевича стали говорить промеж себя:

— Мы все что-нибудь да сделали для своего господина, один только Зяблик никакой службы ему не сослужил, теперь за ним очередь.

Посадили его на костер и зажгли со всех четырех сторон. Загорелся костер и горел три дня и три ночи, пока все дрова не сгорели. А когда потухло пламя, то оказалось, что на золе сидит Зяблик и дрожит, как осиновый лист.

— Такого холода я никогда еще в жизни не испытал, еще немного, и замерзнуть бы мне совсем, — сказал он.

После этого никакой уловки уж не находилось, прекрасная королевна должна была взять в мужья никому неизвестного молодца. Когда они отправились в церковь венчаться, старая колдунья сказала:

— Не потерплю я такого стыда!

И тотчас же послала им вслед войско, приказав всех перебить, кто попадется под руку, а королевну, во что бы то ни стало, привести назад.

Но Слухач навострил уши и услыхал те тайные речи колдуньи, а Толстяк живо нашелся: выплюнул он часть морской воды, которую прежде выпил ради кольца. И разлилось сзади кареты озеро, в котором утонуло войско колдуньи.

Узнав об этом, старая королева послала в погоню за ними своих рыцарей, закованных в латы, но Слухач, услышав звон их лат и оружия, снял повязку с Остроглазого. Тот только взглянул на рыцарей построже, — те так и разлетелись вдребезги, словно хрустальные. После этого королевич с невестой и со слугами поехали дальше без всякой помехи. А когда жених с невестой были перевенчаны, верные слуги распрощались с господином, сказав:

— Все желания твои исполнились, мы тебе больше не нужны и пойдем по свету попытать нового счастья.

Невдалеке от замка королевича была деревня, и около нее свинопас пас свое стадо. Когда молодые подъехали туда, королевич сказал жене:

— Знаешь, кто я? Я свинопас, и тот пастух, что пасет стадо, — мой отец. Нам с тобой придется помогать ему свиней пасти.

И остановился он с нею на постоялом дворе и потихоньку подговорил слуг украсть у нее ее богатые платья. Когда она проснулась поутру, то ей нечего было надеть на себя. Тогда хозяйка из жалости дала ей свое старое платье и пару старых шерстяных чулок, да и то еще словно из милости.

— Если б не для твоего мужа, так я ничего бы тебе не дала, — сказала хозяйка.

Молодая королевна поверила мужу, что он свинопас, и пошла с ним свиней пасти, думая про себя: "Я заслужила это за свою гордость и спесь".

Так прошла неделя, не под силу уж стало королевне терпеть такую жизнь: ноги у нее сильно разболелись. Но тут явились перед нею несколько человек и спросили: знает ли она, кто ее муж?

— Знаю, — отвечала она, — он свинопас и вот только недавно пошел в город, чтобы завести какую-нибудь торговлишку.

— Пойдем с нами, мы поведем тебя к нему, — отвечали ей королевские слуги и повели ее в замок. Когда она вошла в залу, ее муж сидел на троне в королевском платье, но она не узнала его, пока он не бросился к ней, не обнял и не расцеловал ее.

— Я так много выстрадал из-за тебя, — сказал он, — что и тебе надо было потерпеть немножко из-за меня.

После этого начался настоящий свадебный праздник, пир горой, дым коромыслом. И кто на этой свадьбе был, тому с нее и уходить не хотелось.

Игрок и смерть

В старые годы, в стародавние, жил да был один человек, звали его Иваном, а прозвали люди Игроком, потому что он только и делал, что в карты играл. Так-то играл он, играл да и проиграл свой дом и все имущество до нитки. Те, кто у него все это выиграли, позволили ему в его доме последнюю ночь переночевать, и вот как раз в этот самый вечер постучались к нему в двери два странника:

— Впусти, Иван-Игрок, к себе переночевать.

— Идите, люди добрые, только покормить мне вас нечем.

— Ничего, мы и так уснем.

Вошли два эти странника, сели к столу, стало стыдно Ивану, что он прохожих ужином угостить не может.

Вот он и пошел в тот дом, где игроки всегда играть собирались, снял с себя свою рваную куртку и поставил на кон за три копейки. Не пришло к Ивану счастье, проиграл он куртку, снял он с себя сапоги, — и их проиграл, снял штаны, — и они вслед за сапогами ушли. Что тут делать? Поставил он на карту самого себя, чтоб коли проиграет, быть ему три года батраком без жалованья у того, кто выиграет.

Перекинули карты и выпало Ивану счастье: выиграл он себя, свою куртку, штаны, сапоги да еще три копейки в придачу. Сейчас купил он на эти три копейки хлеба и принес его странникам на ужин. А странники уж знают, на что он играл, чтобы их накормить и говорят ему:

— Спасибо, Иван-Игрок, за то, что ты все отдавал, чтобы нас голодными не оставить. Принеси-ка еще нам и вина.

— Какое у меня вино, — отвечает им Иван, — давно и бочка рассохлась.

А странники ему:

— Ступай-ка, ступай в погреб, мы знаем, что там у тебя осталась целая бочка самого лучшего вина.

Иван-Игрок долго не хотел верить, наконец послушался и пошел в свой погреб, только повернул он, ради любопытства, кран у бочки, — полилось из нее отличное вино. Принес он вино из погреба, подал его своим гостям и стал им прислуживать.

На другое утро, переночевав, странники собрались уходить и говорят Ивану-Игроку:

— За твое доброе сердце мы хотим тебя наградить: проси у каждого из нас по одной вещи, и оба желания твои будут исполнены, какие бы они ни были.

Подумал-подумал Иван-Игрок и выпросил себе у одного странника беспроигрышные карты, а у другого — скамейку, на которую если кто сядет, так уж без его, Иванова, позволенья и встать бы не

мог. Покачали странники головами с укоризной, дали Ивану-Игроку, что он у них просил, и ушли.

Тут повел он настоящую игру и скоро пол-света до нитки обыграл.

Вот в свое время пришла к нему смерть, — а он тогда как раз сидел за игорным столом, хлопнула она его по плечу и говорит:

— Иван, а Иван, выйди-ка со мной за дверь, надо тебе со мной посчитаться.

А он ей:

— Сейчас, сейчас, курносая, дай игру докончить. Присядь-ка вон на ту скамейку, отдохни: ведь нам с тобой путь не малый.

Смерть села на заколдованную скамейку да и приросла к ней накрепко.

Забрал Иван-Игрок ее вместе со скамьею, снес в погреб да и запер там. С той поры перестали люди умирать, родятся по-прежнему, а умирать — никто не умирает.

Прошло немало лет. Иван-Игрок состариться успел и соскучился: не с кем ему играть, все люди обыграны. Вот раз идет он дорогою, а навстречу ему плетется старушонка, да такая древняя, что чуть ветер дунет, она и валится. И говорит старуха Ивану-Игроку:

— Ах, Иван-Игрок, сделай милость, выпусти ты Смерть, чтоб она за свое дело взялась, а то сколько нас таких, ни к чему от старости негодных, на свете напрасно мучается...

Подумал, подумал Иван-Игрок, пошел в свой погреб и спустил Смерть со скамейки. Она его первого и задушила.

Озерная русалка

Хорошо жил мельник с женой: всего у них было вдоволь, и довольство их со дня на день росло. Но беда-то не за горами. Стали вдруг у мельника дела идти все хуже и хуже, и настал, наконец, день, когда он сам не знал: называть ли мельницу своею или нет. Горько ему было. День он работал, не зная отдыха, да и ночью заботы и печали не давали ему покоя.

Раз утром встал он до рассвета и вышел из дома, думая, что если прогуляется, так легче на сердце станет. Когда он переходил через плотину, блеснул первый луч солнца... Вдруг слышит он шорох в камышах. Он оглянулся и увидел, что из воды тихо-тихо поднимается прекрасная женщина. Длинные волосы, которые она придерживала руками, спускались по плечам и покрывали все ее белое тело.

Мельник сейчас понял, что это озерная русалка, и от страха не знал, бежать ему или остаться. Вдруг русалка заговорила своим нежным голосом, назвала его по имени и спросила, о чем он так кручинится.

Мельник сперва было оторопел, но потом, слыша ее сладкие речи, приободрился и рассказал, что прежде жил богато и счастливо, а теперь так обеднел, что не знает, как и беде помочь.

— Не горюй, — сказала ему русалка, — я сделаю тебя богаче и счастливее прежнего, но за это обещай отдать мне то, что сейчас в твоем доме родилось.

— Что бы это могло быть? — подумал мельник. — Щенок или котенок какой-нибудь.

И пообещал русалке, чего она желала. Русалка опустилась в воду, а мельник, успокоенный и обнадеженный, пошел на мельницу.

Еще не дошел он, как навстречу ему выбежала служанка и закричала:

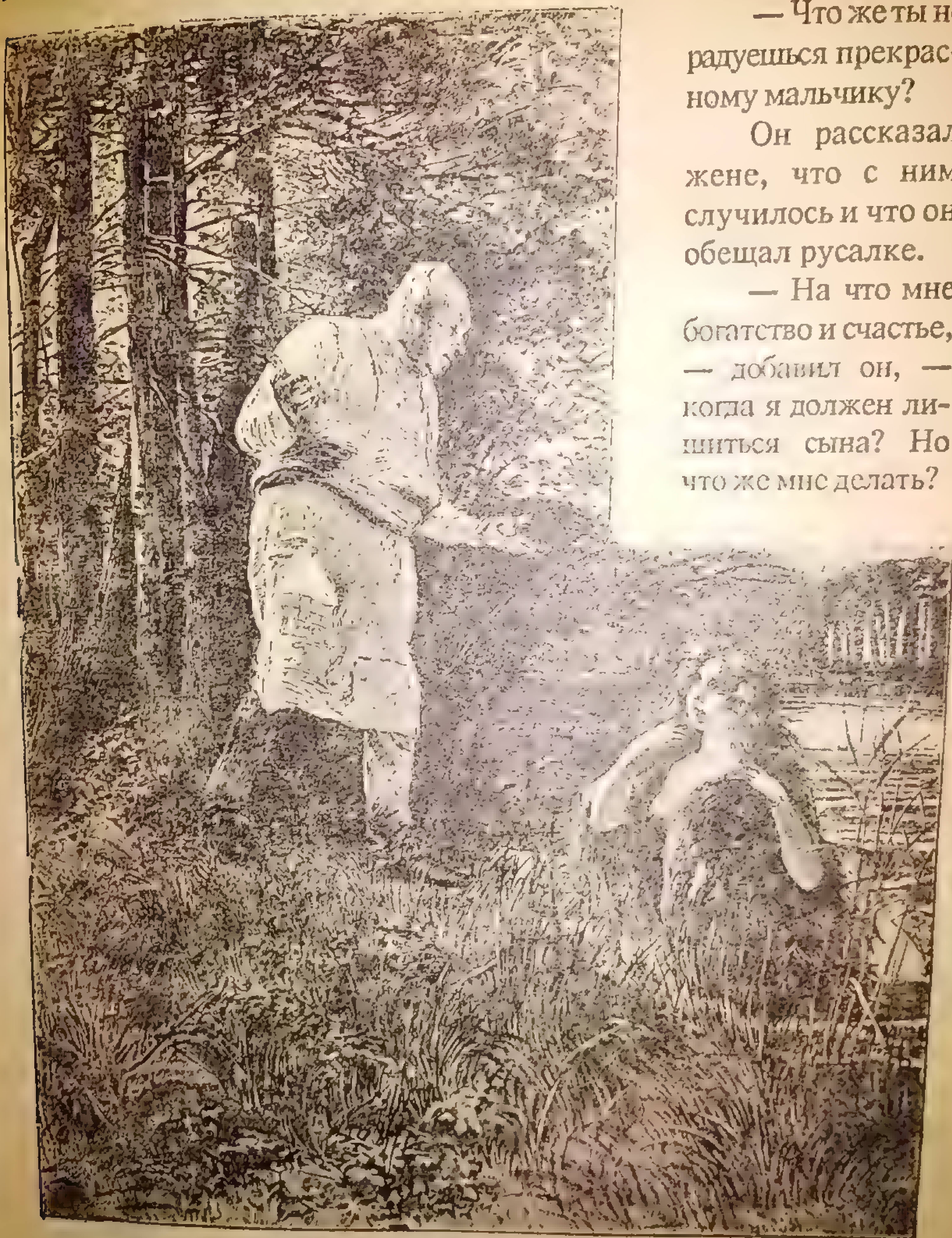
— Радуйся, хозяин! Жена тебе сына родила!

Словно молнией пораженный, стоял мельник. Он понял, что коварная русалка все знала и обманула его. С поникшей головой подошел он к кровати. Жена спросила его:

— Что же ты не радуешься прекрасному мальчику?

Он рассказал жене, что с ним случилось и что он обещал русалке.

— На что мне богатство и счастье, — добавил он, — когда я должен лишиться сына? Но что же мне делать?

А вслед за тем счастье опять вернулось в дом мельника. Во всем ему была удача, лари и амбары точно сами собой наполнялись, а деньги словно по ночам сыпались в мешки. Немного прошло времени, и у мельника стало богатства больше, чем прежде. Но теперь он этому уж не

радовался, обещание, данное русалке, мучило его. Каждый раз, как приходил он к озеру, обливалось его сердце кровью от страха: вот сейчас вынырнет русалка и напомнит про обещание. Сынка своего он никогда не пускал к воде.

— Берегись, — говорил он сыну, — как только дотронешься ты до воды, вдруг оттуда высунется рука, схватит тебя и потянет на дно.

Однако годы шли, русалка все не показывалась, и мельник понемногу успокоился. Мальчик все рос да рос, стал уже юношей и отдан был в ученье охотнику. Когда он выучился и сам стал отличным охотником, поступил он на службу к господину, которому принадлежала та деревня. В деревне жила прекрасная девушка, которая очень пришлась по сердцу охотнику. А когда господин это заметил, то подарил ему маленький домик. Скоро свадьбу отпировали, и они стали жить себе поживать счастливо и спокойно в искренней любви друг к другу.

Однажды гнался охотник за оленем. Когды зверь был выгнан в чистое поле, охотник одним выстрелом свалил его с ног. Он и не заметил, что было это у запретного озера и, выпотрошив свою добычу, без опаски наклонился к воде, чтобы вымыть окровавленные руки. Но едва он окунул их в воду, как из пруда поднялась русалка, с хохотом обхватила его своими влажными руками и так быстро потянула его вниз, что волны мгновенно покрыли его.

Завечерело, а охотника все нет как нет. Измучилась жена и пошла его отыскивать, а так как она часто от него слышала историю о том, как ему надо остерегаться русалки и не сметь ходить поблизости озера, то она почти догадалась, какая беда с ним стряслась. Прямо побежала она к озеру и нашла на берегу его охотничью сумку. Сомненья нет — муж ее погиб! В отчаянии ломая руки, с громким плачем и слезами стала она звать своего милого мужа — все напрасно! Ответа нет, из зеркальной гладкой поверхности озера только светлый серп месяца неподвижно смотрел на нее... Бедная женщина не отходила от озера. Скорыми шагами, без устали, ходила она вокруг, то молча, то с громким плачем, то с тихими стонами. Наконец силы оставили ее, она упала на землю и заснула. И вот видит она сон.

Снилось ей, что она карабкается по высоким скалам, шипы терновника рвут ей ноги, дождь хлещет в лицо, ветер развевает ее длинные волосы. Но вот она достигла вершины, и совсем другая

картина представилась ей: лазурное небо, теплый воздух, плавные спуски. А на зеленом лугу, усыпанном яркими цветами, стоит хорошенькая хижина. Она подходит к хижине, отворяет двери и видит, что там сидит седая старушка и ласково кивает ей головой.

Тут бедная женщина проснулась. День уже настал, и она тотчас решилась последовать указанию сна. С трудом взобралась она на гору, и наяву исполнилось все, как она во сне видела: седая старушка ласково приняла ее, усадила на стул и спросила:

— Верно, ты перенесла большое горе, если отыскала мою одинокую избушку?

Несчастная со слезами рассказала старушке все, что с нею случилось.

— Не горюй, — сказала старушка, — я помогу тебе. Вот тебе золотой гребень. Дождись полнолуния. Когда оно настанет, иди к озеру, сядь на берегу и расчесывай гребнем свои волосы. Расчешешь волосы, положи гребень на берегу — и увидишь, что будет.

Вернулась бедняжка домой. Но как медленно тянулось время до полнолуния! Наконец выплыла на небо ясная, полная луна. Она пошла к озеру, села на берег и стала расчесывать свои длинные черные волосы золотым гребнем. Расчесала она волосы, положила гребень на берегу около самой воды. Вдруг зашумело в глубине, поднялась волна, прикатилась к берегу и унесла с собой гребень. Прошло столько времени, сколько нужно, чтобы гребню упасть на дно, — разошлась вода и показалась на поверхности голова охотника. Он ничего не говорил, только печально посмотрел на жену. В ту же минуту набежала другая волна и покрыла его голову. Все исчезло, — озеро по-прежнему стало словно зеркало, только блестящий круг луны неподвижно смотрел из него.

В отчаянии воротилась домой бедная женщина, но сон опять указал ей на хижину старушки. Она опять отправилась туда и сообщила старушке, что с ней было. Старушка дала ей золотую флейту и сказала:

— Жди опять полнолуния. Тогда возьми эту флейту, сядь на берег и сыграй хорошенькую пе́сенку. Кончишь играть, положи флейту на песок. Тогда увидишь, что будет.

Бедняжка все исполнила, что сказала ей старушка. Как только положила она флейту на песок, в глубине зашумело, волна приподнялась, покатилась к берегу и унесла с собой флейту. Затем разошлась вода, и из нее показался охотник до пояса. С любовью

он протянул к жене руки, но вмиг набежала другая волна и захлестнула его...

И снова глубокая тоска наполнила ее сердце, но сон в третий раз указал ей на хижину старушки. В третий раз она дала бедняжке золотую прялку и, утешая ее, сказала:

— Потерпи, еще, не все ты выполнила. Жди опять полнолуния. Тогда возьми прялку, сядь на берегу и напряди целую шпульку. Когда кончишь, поставь прялку поближе к воде и увидишь, что будет.

Все так и было исполнено. Как только показалась полная луна, бедная женщина отнесла золотую прялку к берегу и напряла целую шпульку. Лишь поставила она прялку на берег, вдруг в глубине озера сильнее прежнего зашумело, огромная волна набежала на берег и унесла с собой прялку. Сейчас же в высокой волне поднялся из воды ее муж, быстро выпрыгнул из волны на берег, схватил жену за руку — и они побежали...

Не успели они далеко отбежать, как вдруг с ужасным шумом поднялось озеро и быстро разлилось по отлогим берегам. Уже беглецы видели неминуемую смерть пред глазами, когда жена в ужасе стала звать на помощь мудрую старушку, — и вмиг они оба превратились — он в лягушку, она в жабу. Вода настигла их, но не могла убить, а только отбросила их друг от друга и далеко разнесла в разные стороны.

Когда вода снова ушла в свои берега, муж и жена, оставшись на суше, опять приняли свой человеческий облик. Но он не знал, куда девалась она, и она не ведала, где он. И очутились они между чужими людьми, которые и не слыхали, где их родина. Высокие горы, глубокие долины отделяли их друг от друга. Чтобы не умереть с голоду, и муж и жена должны были пасти овец. И долгие годы гоняли они свои стада по полям и лесам, а сердца их все время были полны тоски и горя.

Однажды наступила весна. Муж и жена, оба в один день, отправились со своими стадами на пастбища и случайно сошлись в одном месте. Он увидел чужое стадо на склоне далекой горы и погнал своих овец туда же. В долине сошлись они, но не узнали друг друга и все же радостно им было, что не так уж они одиноки на чужбине...

С этого дня они всегда вместе гоняли свои стада, не много они говорили, но легче им было на душе. Раз вечером, когда полная луна ярко сияла на небе и овцы легли уже на покой, пастух вынул флейту

из сумы и заиграл прекрасную заунывную песню. Окончив играть, он заметил, что пастушка горько плачет.

— О чем ты плачешь? — спросил он.

— Ах! — отвечала она. — Точно так же светила луна, когда я в последний раз играла на флейте эту самую песенку и когда голова моего милого мужа поднялась из воды.

Пастух взглянул на нее, и вдруг с глаз его точно покрывало упало. Он узнал жену. Она тоже взглянула на него, — лицо его было озарено лунным светом, — и тоже узнала мужа.

Они кинулись друг к другу, обнялись, поцеловались. А были ли они счастливы, — об этом нечего и спрашивать.

В сказочной стороне

Не любо — не слушай

Много я по свету рыскал, бывал везде да еще за триста верст. Вот и попал я в сказочное царство, за тридевять земель, в заоблачное государство. Кто там не бывал, тот и чудес не видал.

Иду я раз по полю широкому, по берегу реки высокому, гляжу — стоит толпа народу, все смотрят в воду, а по воде стальная наковальня да два жернова переплывают омут, плывут и не тонут.

Пошел я оттуда на погост, случилось это летом, в Великий пост, вижу — сидят лягушки на льду и нюхают резеду. А тут к ним бабочка подлетела, зуб от железной бороны съела и оттого так растолстела, что подняться не может, плачет да железо гложет.

Пришлось мне еще диковину видеть, как четыре брата-хвата зайца ловили, хоть они и калеками были: один слепой, другой хромой, третий глухой, а четвертый безрукий. И поймали они косого, да еще какого! Слепой подсматривал, глухой подслушивал, немой "держи!" кричал, безногий в погоню бежал, а безрукий за уши держал.

Видел я еще, как ребятишки на челноке вздумали плыть по суше, не по реке. Вдруг, откуда ни возьмись, ветры подули, они все на горе и потонули.

Диковинные там звери и птицы, не так как у нас, а крупнее во сто раз. Раки хоть и задом ходят, а все-таки рысака легко обходят. Да то ли еще там бывает — жареные куры летают, сами в рот норовят попасть, кушай их всласть!

Не хочешь ли сам в этой стране побывать? А мне пора сказку кончать.

Гордая княжна и портной

На белом свете когда-то жила княжна, такая гордая и спесивая, что всем своим женихам отказывала да еще и смеялась над ними. Ее отцу, конечно, не нравилось, что дочь не хотела замуж выходить, уговаривал он ее, уговаривал, и добился только одного:

— Хорошо, батюшка, — сказала ему дочь, — я выйду за первого, кто отгадает загадку, которую я ему задам. — И приказала объявить об этом по всему свету.

Узнали об этом трое портных. Двое старших были и в своем деле большие мастера и о себе много думали, а третий был так себе, ни то, ни се: и в своем ремесле мало понимал, и надеялся только на свою удачу и счастье. Вот сошлись вместе эти трое портных и задумали идти к княжне свататься. Двое старших стали над младшим смеяться:

— Куда уж тебе с суконным рылом да в калашный ряд!..

Но тот и слушать ничего не хочет.

— Ишь вы какие. И у меня не арбуз на плечах, а голова, да и голова не сеном набитая.

Явились они все перед княжной и просят загадать им по загадке. Вот и говорит им княжна:

— У меня на голове волосы двуцветные. Каких цветов?

— В перемежку: черные и белые, — отвечает старший портной. — Вот как сукно черное с белой искрой.

— Не угадал, — сказала княжна. — Ну-ка, второй разгадывай.

Второй портной подумал, подумал и говорит:

— Коли твои волосы не черные и не белые, стало быть, русые и рыжие, все равно как ворс на моем кафтане.

— И ты не угадал. Отгадывай теперь третий.

А третий портной, пока княжна с двумя первыми разговаривала, все разглядывал ее. Заприметил он, что повязка на ее головке сзади чуть-чуть сдвинулась, и разглядел прядь ее волос. Как только княжна его спросила, он отвечал:

— У тебя, княжна, волосы в перемежку золотые и серебряные.

Чуть в обморок не упала княжна от испуга, — портной-то ведь угадал. А прийдя немного в себя, она сказала:

— Хоть ты и отгадал, но замуж я за тебя не пойду, если ты не согласишься пробыть целую ночь один на один с медведем, который заперт у меня в подвале.

А сама думает: "Или он откажется, или медведь его разорвет, потому что еще никто из его лап живым не выходил". Но портняга подумал: "Э, смелость города берет". И сказал княжне:

— Очень хорошо, я пробуду с медведем, только дайте мне туда от скуки скрипку, да хоть фунт грецких орехов, да столярные тиски, чтобы орехи давить, а то у меня зубы-то плоховаты.

Княжна согласилась, а портняга сверх того еще набил себе полный карман камнями-голышами.

Как наступила ночь, отвели портнягу в подвал, в клетку страшного медведя. Медведь был зол и собирался было приняться за портнягу, но тот сказал:

— Постой, погоди, приятель! Сперва перед обедом закусывают.

Вынул из кармана горсть орехов и давай их грызть да ядрышки есть.

— Ну, давай и мне, — говорит медведь.

Портняга опустил руку в карман и подал ему полную горсть камней-голышей. Сунул медведь один в рот, грыз-грыз, ничего поделать не мог.

— Что за оказия, — говорит, — не могу разгрызть. Ну-ка разгрызи их ты.

— Вот видишь, какой ты, — отвечает ему портняга, — этакой пастью маленького орешка раскусить не можешь.

Живо подменил камень настоящим орехом и легко разгрыз его.

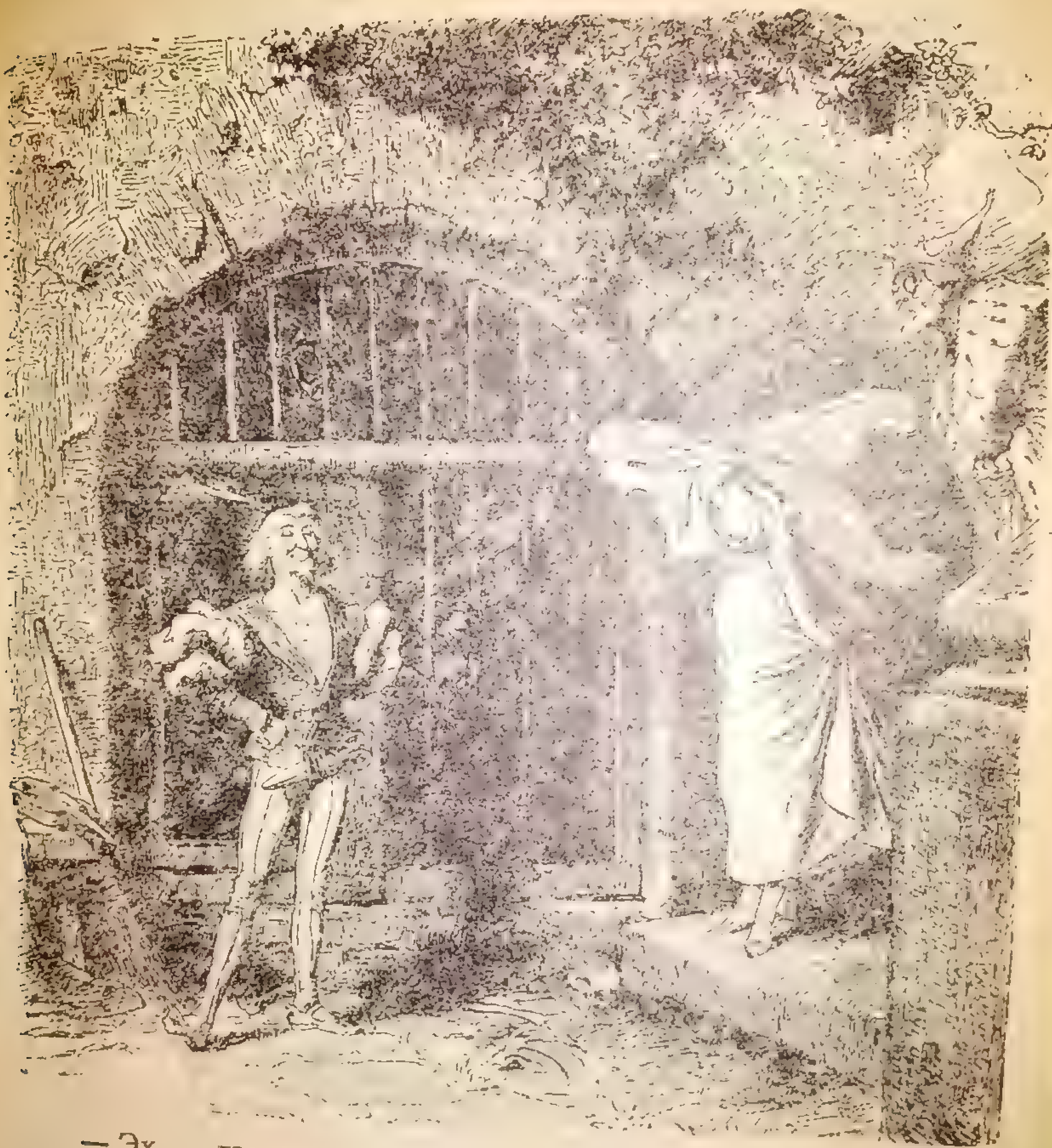
— Со стороны поглядеть, чего легче, — сказал медведь. — Ну-ка, дай еще попробовать.

И опять, конечно, ничего с камнем поделать не мог.

После этого портняга вынул из-под полы скрипку и стал на ней плясовую наигрывать да приплясывать. Медведю понравилось, давай и он плясать. Плясал, плясал, а как кончил портняга играть, медведь его и спрашивает:

— Ведь трудно, должно быть, на скрипке играть?

— Какая трудность. Видишь: левой рукой надо струны перебирать, а правой — смычком пилить. Только и всего.

— Эх, — говорит медведь, — как бы мне хотелось научиться, чтоб самому играть, когда поплясать захочется.

— Ну что ж, я, пожалуй, тебя поучу. Покажи-ка лапы: годятся ли? Ух, вот так когти! С такими играть нельзя, надо их укоротить.

— Что хочешь делай, — просит медведь, — только научи меня на скрипке играть.

— Ладно, — говорит портной, — просовывай лапы сквозь решетку.

А когда медведь просунул, он и завинтил их ему снаружи тисками крепко-накрепко, так что медведю ни назад, ни вперед тронуться нельзя.

— Ну, теперь подожди, — говорит портной, — я посплю, а завтра за ножницами схожу.

Давай медведь реветь, видит, что обманул его портной, а тот лег себе в углу на солому и заснул.

Поутру встала княжна веселая, довольная, — она была уверена, что медведь уже расправился с ее женихом. А как заглянула она в подвал и увидела, что портной стоит себе жив-живехонек да посмеивается, — уж не могла своего слова не исполнить, потому что дала она его перед всеми. И пришлось ей выходить замуж за портного.

Князь, ее отец, приказал подать карету, чтоб жениху с невестой в церковь ехать, уселись они, а двое других портных из зависти к товарищу побежали в подвал, сняли тиски с медвежьих лап, отворили решетку, да сами и спрятались. Разозленный медведь кинулся что есть мочи за каретой.

— Ох, — говорит княжна, услышав сзади его рычанье и фырканье, — за нами медведь гонится, догонит, обоих нас разорвет.

— Ничего, не бойся! — отвечал ей догадливый жених, стал в карете на голову, ноги высунул к окошко, хлопает ими и кричит:

— Смотри, медведь! Видишь, тиски со мною. Лучше уходи назад, не то опять в них попадешь.

Как увидал эти тиски медведь да услыхал угрозу, сейчас повернул назад и давай Бог ноги.

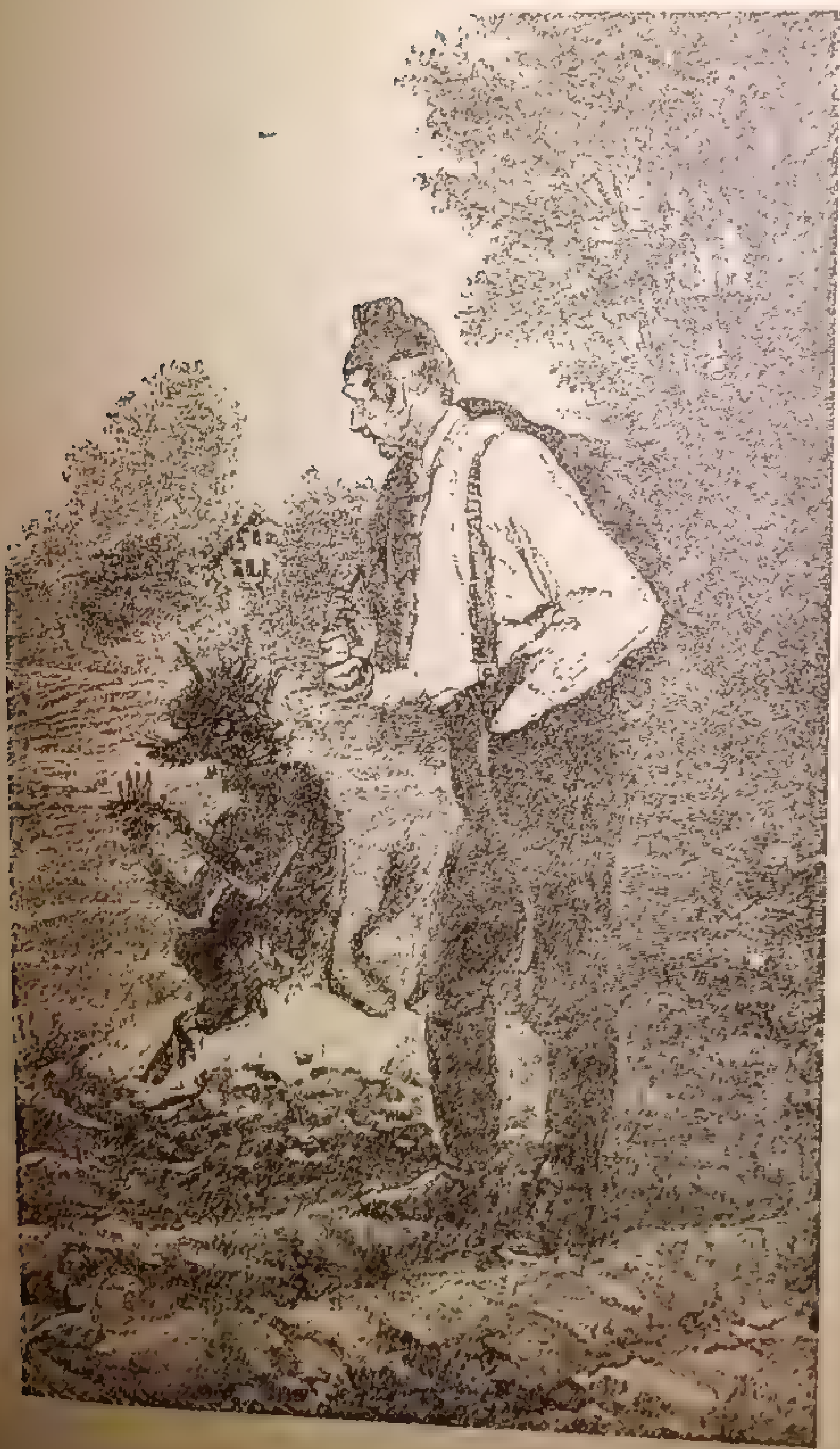
А портняга повенчался с княжною и жил с ней долго в богатстве да согласие.

И все это истинная правда, хочешь — верь, хочешь — нет.

Мужик и черт

Когда — не помню, а где — не знаю, жил-был мужичок, да такой хитрый и ловкий, что о его проделках ходило много рассказов повсюду. Но не было забавнее штуки, как он самого черта одурачил.

Проработав целый день в поле, мужик стал собираться домой, а тут и смеркаться стало. Вдруг он видит, что посреди его поля лежит куча раскаленных угольев. Удивился мужичок и как подошел поближе, то увидел, что на раскаленных угольях сидит черный-пречерный чертенок.

— А ведь это ты на кладе си-

дишь? — спросил мужичок.

— А то на чем же? — отвечал чертенок. — И в этом кладе золота и серебра гораздо больше, чем ты отроду видал.

— Но этот клад на моем поле, стало быть, он мой по закону, — говорит мужичок.

— Ладно, — отвечал чертенок, — пускай будет по-твоему, только с уговором, что в продолжение двух лет ты будешь делить пополам со мною все, что уродится у тебя на поле. Денег-то уж мне и девать некуда, а вот хотелось бы мне иметь про запас плодов земных.

И сторговались они вот на чем:

— Уговор дороже денег, — сказал мужичок, — все, что вырастет наверху земли, будет твое, а что будет в земле — мое.

Чертенок без спора согласился на это, а хитрый мужичок возьми да и засей все поле репой. Пришло время собирать жатву. Явился черт за своей долей и собрал только желтые увядшие листья, а мужичок выкапывает репу да посмеивается себе под нос.

— Ну, нынче твое счастье, — говорит чертенок. — Зато в следующий раз я наверстаю. Теперь пусть будет у нас такой уговор: все, что вырастет в земле — мое, а что на земле — твое.

— Ладно, — говорит мужичок, — пускай будет по-твоему.

Да как пришла пора сеять, он и посеял пшеницу. Уродился хлеб, созрела жатва. Хитрый мужик вышел в поле и скосил всю пшеницу. Явился и чертенок в поле на работу, да только ничего ему не осталось, кроме соломы да корешков. Тогда он так разозлился, что провалился сквозь землю.

— Вот так-то вашего брата и нужно надувать, — сказал хитрый мужик и пошел в поле за кладом.

Два брата и сестра

Лет тысячу тому назад возвращался раз молодой король с охоты. Сзади короля егеря собак ведут, а по бокам его едут два его главных министра, — справа тот, который королевской казной заведовал, а слева тот, который всему королевскому войску был начальником.

Три девицы красавицы, все родные сестрицы, в то время на горе своих коров пасли. И говорит старшая девица, увидав королевский выезд:

— Кабы взял меня замуж король, я бы ему из битых черепков, сколько он хочет, золотых наделала.

Средняя говорит:

— А если бы мне за короля замуж выйти, я бы все королевское войско двумя хлебцами накормила, двумя кусками полотна одела.

А младшая девица молвила:

— Кабы я стала королевой, родила бы я мужу двух сыновей, славных витязей с серебряной и золотой звездой посреди лба, и дочку, первую на свете красавицу.

Услыхал король речи трех девиц и порешил, чтоб старшая вышла замуж за его казначея, средняя — за начальника его войска, а младшую за себя замуж взял, — она же и самая красивая была: ее волосы были совсем как чистое золото.

Живет король с молодою женой в любви да согласии, а другие две ее сестры затаили на королеву злость, — молчат, злятся и подстерегают ее, чтобы погубить за то, что не им, а ей довелось королевой стать.

Прошел год, королю надо в поход ехать, а у жены его скоро должно дитя родиться... Делать нечего. Призвал он к себе жен своих ближних министров, поручил им королеву, чтоб берегли ее и будущего ребенка, и уехал. Вскоре после того родился у королевы сынок с серебряной звездой посреди лба.

— Ну нет, — говорят жены министров, — нельзя допустить, чтоб король этого мальчика увидал: он тогда свою жену еще сильнее полюбит.

И кинули младенца в реку, что около королевского замка протекала. А королю, когда он приехал, сказали:

— Дивное дело, господин король: у вашей жены щенок родился, да еще мертвый. Мы его выкинули.

— Что ж, — говорит король, — значит, такова воля Божья.

Год спустя опять уехал король в поход, и опять у королевы, во время его отсутствия родился мальчик с золотой звездой посреди лба. Все так же случилось, как и в первый раз: завистливые жены министров кинули ребеночка в реку, сказали королю, что у его жены родился мертвый котенок, и король поверил им и покорился воле Божьей.

На третий год, опять во время отъезда мужа, родила королева дочку. И девочку злые сестры кинули в реку. Но только девочка коснулась воды, из реки взвилась маленькая птичка и запела:

Невинных малюток
Погибель минет.
А вас самих, злодеек,
Злая участь ждет!..

Страшно испугались злые жены министров и пустились бежать домой. Вернулся король домой, а им уже нельзя не солгать. Сказали ему, что королева родила мышеночка мертвого. Тут уж король не выдержал, разгневался на свою жену и приказал замуровать ее в каменную башню. Только раз в сутки давали бедняжке ковшик воды и кусок черствого хлеба.

А королевские детки не погибли. Случалось все так, по воле Божьей, что когда злодейки кидали деток в реку, по реке проезжал старый рыбак. Он видел, как бросали малюток из окна, и всех их, одного за одним, вынимал из воды, брал к себе и воспитал, как мог.

Прошло времени немало, королевские дети подросли. Раз старший мальчик пошел с другими ребятами рыбу ловить, а те стали его отгонять от себя:

— Эх ты, найденыш, куда тебе с нами, убирайся от нас прочь!

Очень это мальчика огорчило и удивило, потому что он до того времени думал, что старый рыбак — его отец. Пришел он к рыбаку и спрашивает его:

— Почему меня ребята найденышем зовут? Разве я не твой сын?

— Не хотел я про это дело никому говорить, — отвечал ему старый рыбак, — чтобы беды не нажить. Но уж если ты сам узнал, так и я спорить не стану: ты не мой сын.

— А чей?

— Не знаю, допытайся сам.

Тогда старший королевич объявил рыбаку, что он пойдет своих родителей разыскивать. Рыбак его не стал удерживать, и он ушел, куда глаза глядят, по белу свету странствовать.

Вскорости то же случилось со вторым братом. И он ушел по белу свету свет искать своих родителей, да и пропал так же, как и его старший брат.

Подросла и дочка королевы в доме рыбака. Она знала, зачем ушли ее братья, все горевала и тосковала о них и наконец решилась идти и, во что бы то ни стало, их найти.

И пошла девочка, одна одинешенька, через горы высокие, через степи широкие, через пески сыпучие, через леса дремучие и дошла до берега моря. Тут увидела она старушку, которая ловила рыбу сачком около самого берега, но ничего поймать не могла.

— Бог в помощь тебе, бабушка, рыбку ловить. Не помочь ли тебе? — говорит ей девочка.

А та ей:

— И тебе Бог в помощь, девушка, братьев искать. Уж лучше я тебе помогу. Вот тебе веточка с зелеными листьями. Ступай ты отсюда вот этой дорожкой, все прямо. Будешь проходить мимо большого черного пса, что около берега сидит, — не трогай его, не ласкай, не говори ему ни словечка, как бы он умильно на тебя ни глядел. Увидишь в лесу большого рыжего пса — и мимо него, не глядя, пройди. За лесом увидишь ты большой замок. Ты в него войди и отыщи в самой глуши сада старый развалившийся колодец, над которым на суку висит клетка с птицею. Окуни в колодец свою зеленую веточку и зачерпни из него стакан воды, а клетку сними и возьми с собой. Когда это сделаешь, возвращайся скорее назад ко мне. Будешь проходить мимо рыжего пса, ударь его веточкой прямо по глазам, то же сделай и с черным псом.

Пошла девочка, куда ей старуха сказала, и все с ней случилось точь в точь как, сказала старушка. Как только ударила она своей веточкой рыжего пса, он тотчас обратился в ее старшего брата, а черный пес, когда его коснулась волшебная ветка, стал ее средним братом. Оба они попались злой колдунье, которая обратила их в собак.

На морском берегу старушка все ловила рыбу, когда они к ней пришли, но все не могла ничего поймать. Очень обрадовалась она, увидев, что девочка вернулась с водою, птицей и братьями. Зачерпнула старушка из стакана горсточку воды, выпила ее — и вмиг обратилась в прекрасную добрую фею.

— Спасибо тебе, милая девушка, что спасла ты и меня от чар злой колдуньи, — сказала фея королевской дочке. — Никто, кроме тебя, не мог этого сделать.

Потом фея указала детям дорогу назад к дому рыбака, научила, что им дальше делать, обещала помочь им, — и скрылась.

Вернулась сестра с братьями в домик рыбака. Воду и веточку они спрятали, а клетку с птичкою повесили у окна и стали ждать, чтоб добрая фея помогла им найти отца и мать. Раз вечером, когда все они сидели в избушке, около нее остановился всадник. Это был

король, отец мальчиков и девочки, он был на охоте, отбился от своих спутников и, усталый, заехал отдохнуть в первое попавшееся жилье. Он-то думал так, а на самом деле его привела сюда добрая фея.

Присел король у стола, грустный, задумчивый: "Вот у нищего рыбака есть дети, да еще какие... А я, могучий король, один как перст на земле". Вдруг птичка, что сидела в клетке у окна, запела:

Не печалься, король, не кручинься!
Эти детки — твои с королевой.
В воду кинули их злые сестры,
Злые сестры, жены министров,
Чтоб сгубить твою бедную супругу...
Но рыбак спас деток волей Божьей, —
Чтобы правда на земле не погибла.

Вскочил король и спрашивает рыбака:

— Что это за птица? Правду ли она поет? Я — король, мне ты лгать не смей!

Отвечает королю старый рыбак:

— Правда, господин король. Этих деток я из воды вынимал всякий раз, как жены ваших министров их из окна королевиной спальни в реку кидали.

И показал королю на лбу под волосами у старшего мальчика серебряную звезду, а у младшего — золотую.

Тут король признал своих дорогих деток, взял их со старым рыбаком во дворец и сейчас же приказал освободить из каменной башни свою жену-королеву.

Вышла королева из башни — больная, измученная. Дочка дала ей выпить глоток своей волшебной воды из стакана, и она сейчас же стала опять здоровой, молодой красавицей.

Злых сестер король приказал выгнать вон из королевства, а сам с женою и детками стал жить да поживать в радости и счастье.

В пути-дороге

Был у старухи сын на возрасте, только глупый-преглупый, звали его Ваней. И пристал он к матери неотвязно: пусти да пусти по свету погулять, людей посмотреть, себя показать. Делать нечего, отпустила его мать, а отпуская, ему наказывала:

— В пути-дороге с кем встретишься, Ваня, всякому поклонись да доброго дня пожелай, а коли увидишь кого за работой, скажи: "Бог в помощь!" Сам будешь ласков, и к тебе все ласковы будут, покормят и на ночлег пустят.

Вот и пошел Ваня. Идет он мимо чьего-то дома, глядь, а во дворе муж жену бьет. Ваня сейчас во двор вошел, низко поклонился, и говорит:

— Бог в помощь, добрый человек.

Муж не выдержал, засмеялся, а жена вырвалась, ухватила Ваню за хохол и давай его кулаками потчевать. Взмолился Ваня:

— За что бьешь?

— За то, что не говори Бог в помощь.

— Как же мне сказать надо было?

— А ты бы меня пожалел, мужа бы уговорил: перестань, мол, разбойник, отпусти душу на покаянье. — И вытолкала его за ворота.

"Ладно, — думает Ваня, — в другой раз так буду говорить".

Идет он лесочком и видит, что охотник с ружьем к зайцу подкрадывается. Подбежал Ваня к нему да как заревет:

— Стой, разбойник, отпусти душу на покаянье!

Заяц убежал, а охотник поймал Ваню и ну его колотить. Вопит Ваня:

— За что бьешь?

— Не кричи под руку, не пугай дичь!

— А что же мне делать надо было?

— Подождал бы, пока я зайца убью, да потом и поздравил бы: с полем, мол, тебя!

— Ну, ладно, в другой раз я так скажу.

Вечер. Стал Ваня подходить к деревне и вдруг видит, что какой-то человек потихоньку крадется к стаду гусей, что у околицы пас-лось. Это вор был. А Ваня и сам за ними давай подбираться: как тот ухватил пару гусей да пустился к лесу, Ваня тоже вскочил, бежит за ним что есть духу и кричит:

— Поздравляю! С полем тебя!

На тот крик выбежали мужики, вор-то убежал, его они и не видали, а Ваню схватили:

— А, — говорят, — видал ты, как рожь молотят? Давно мы тебя, вора, подстерегали!

И давай его палками потчевать. Избили до полусмерти, заперли на ночь в сарай, а на другое утро свели к судье.

Стал судья Ваню допрашивать, Ваня ему все рассказал и про мужа с женой, и про охотника, и про вора. Судья видит, и вправду куда как прост парень, отпустил его на все четыре стороны.

— Только, — говорит, — ты в другой раз умнее будь: как увидишь вора, не дожидайся, пока он украдет да убежит, а лучше уж сейчас хватай его да кричи "караул".

— Хорошо, я в другой раз так буду делать.

И надо же было такому греху случиться, что как только он от судьи вышел, сейчас и на случай наткнулся. Идет Ваня мимо чьего-то дома и видит, что хозяин подставил лестницу и по ней на чердак лезет. А он подумал, что это вор: выдернул из-под мужика лестницу, да так ловко, что тот, треснувшись, всю память себе отшиб, потом навалился на мужика и давай вопить "караул!" Выбежала из дома семья, оторвали Ваню от хозяина, избили и опять потащили к судье.

Как узнал судья, что еще Ваня натворил:

— Нет, — говорит, — нельзя тебе по свету странствовать, себя людям показывать.

Приказал взять Ваню на веревочку и отвести домой к матери, чтоб вперед сына дома держала, одного бродить не пускала.

Настоящая невеста

На белом свете жила-была девушка, молодая и красивая. Она рано лишилась матери, а мачеха ее только о том и думала, как бы огорчить и обидеть бедную сиротку. Но какую бы трудную работу ни задавала ей мачеха, она охотно принималась за нее и работала, сколько было сил. Однако и этим она не могла тронуть сердце злой женщины, та все была недовольна, все было для нее мало. Чем прилежнее девушка работала, тем больше мачеха заваливала ее работою.

Раз говорит мачеха падчерице:

— Вот пол-пуда перьев. Сегодня же обдери и расщепи их. Если к вечеру все не будет готово, так достанется тебе от меня. Не думаешь ли ты, что взаправду можно с утра до ночи баклуши бить?

Девушка принялась за работу, а у самой слезы ручьями потекли из глаз, потому что она хорошо понимала, что невозможно такую работу закончить в один день. Общипет она кучу перьев, положит перед собою, а как вздохнет или всплеснет руками от тяжкого горя, — вся кучка и разлетится, и опять надо ее собирать и сызнова начинать. Наконец оперлась она локтями на стол, закрыла лицо руками и воскликнула:

— Неужели не найдется на всем Божьем свете ни одной души, которая пожалела бы меня?

И вдруг послышался ей тихий голос:

— Утешься, дитя мое, я пришла к тебе на помощь.

Девушка подняла голову, а перед ней стоит старушка. Ласково взяла она девушку за руку и сказала:

— Расскажи только мне, что тебя сокрушает.

Девушка, не задумываясь, рассказала ей о своей печальной жизни, как на нее наваливают работы не по силам.

— А если я не ощиплю всех этих перьев к вечеру, то мачеха прибьет меня, потому что она грозила мне этим, и я знаю, что обещание свое она исполнит.

Тут она опять залилась слезами, но старушка сказала:

— Не горюй, дитятко, ляг-ка да отдохни, а я уж покончу твою работу.

Девушка послушалась, легла и крепко заснула. А старуха села за стол и принялась обдирать перья. Вот работа-то у нее загорелась! Едва касались ее пальцы перьев, — стержни так и летели в одну сторону, а пух в другую. Скоро все пол-пуда были ободраны.

Когда девушка проснулась, видит: лежат на столе белоснежные кучи пуха, в комнате все выметено и вычищено, а старушки как не бывало. Поблагодарила она Бога и спокойно сидела до вечера. Вошла мачеха и остолбенела, когда увидела, что вся работа покончена.

— Видишь, колода ты этакая, — сказала она, — что ты можешь сделать, когда захочешь быть прилежной? Но что ж ты не принялась за другую работу? Чего сидишь, сложа ручки?

Уходя, мачеха ворчала:

— А эта тварь может кой-что и делать, не все ей даром хлеб жевать. Задам-ка ей работу потруднее.

Наутро кликнула мачеха девушку и говорит ей:

— Вот тебе ложка, вычерпай ею до дна пруд, что в саду. А не вычерпаешь к вечеру, сама знаешь, что тебе за то будет.

Взяла девушка ложку, смотрит, а в ложке-то дырочка проверчена, впрочем, и без того где же ложкой вычерпать пруд? Однако она тотчас принялась за работу, стала на колени перед прудом, начала из него черпать, а слезы так и льются в пруд. Но добрая старушка и тут явилась к ней, узнала, о чем девушка сокрушается, и сказала:

— Не горюй, дитятко, поди-ка, приляг на травку да засни немного, а я уж сделаю твою работу.

Девушка ушла, а старушка, оставшись одна, только прикоснулась к пруду, вдруг поднялась вся вода туманом к небу и слилась с облаками. Пруд совершенно высох, и когда девушка проснулась к вечеру и подошла к пруду, то увидала, что пруда нет, только на дне рыба шлепается в тине. Она побежала за мачехой и сказала ей, что дело сделано.

— Что так поздно? Давно бы надо работу кончить! — закричала мачеха со злостью, уже задумывая новую работу.

На третье утро опять мачеха позвала девушку и сказала:

— Вот в той долине построй мне богатый замок да смотри, чтоб к вечеру было все готово!

Испугалась девушка и вскрикнула:

— Как я могу такую трудную работу сделать?

— Молчи! — закричала мачеха. — Терпеть не могу споров! Умела дырявой ложкою пруд вычерпать до дна, так сумеешь и замок выстроить. Сегодня же я хочу туда переехать, а коли хоть чего-нибудь недостанет в кухне или в погребе, сама знаешь, как тебе попадет. — И она прогнала падчерицу с глаз долой.

Пошла девушка в долину, а там скала на скалу наворочены, попробовала было она самую маленькую с места сдвинуть — куда там! Села девушка и залилась слезами, хоть и надеялась немного на помощь доброй старушки. Та и не заставила себя ждать, пришла и утешила ее:

— Приляг-ка там, в тени, да засни, — говорит, — а я уж выстрою за тебя замок.

Когда девушка отошла и заснула, старушка прикоснулась к сырым утесам — мигом утесы заколыхались, задвигались, стали трескаться на куски, складываться в правильные стены, точно великаны их клали. Земля гудела, большие колонны сами собою поднимались кверху и вставали правильными рядами, а на крыше проворно укладывались черепицы. Когда наступил полдень, то на самой высокой башне уже вращался флюгер в виде золотой девы с крыльями. К вечеру все и внутри замка было готово. Уж не знаю, как это сделала старушка, только все стены в комнатах были обтянуты шелком и бархатом, пестро вышитые стулья стояли вдоль стен и богато разукрашенные кресла — у мраморных столов. На потолке висели хрустальные люстры и отражались, как в зеркале, на гладком полу. Зеленые попугаи

и разные заморские птицы сидели в золотых клетках. Всюду было такое великолепие, словно замок был приготовлен для самого короля.

Солнце только заходило, когда девушка проснулась, и ей в глаза сразу ударил блеск тысячи огней. Быстро подошла она к замку, ворота сами перед нею отворились. Лестница была покрыта красным сукном, а золотые перила уставлены цветами. Как увидела она великолепное убранство комнаты, так и остановилась, как вкопанная. Долго бы она стояла на одном месте, если б не пришла ей в голову мысль о мачехе. “Ах! — подумала она. — Если б она, наконец, была довольна и перестала бы мучить меня!”

— Сейчас же туда перееду, — сказала мачеха, узнавши от падчерицы, что замок готов, и когда вошла в замок, то принуждена была руку приложить к глазам, так ее ослепило.

— Вот видишь, — сказала она, — как тебе все легко достается. Следовало бы потруднее работу тебе задать.

Тут она прошлась по всем комнатам, заглядывала во все уголки и закоулки, чтобы отыскать какие-нибудь недостатки. Но ничего не подметила.

— Ну, теперь сойдем в кухню и погреб, — сказала она падчерице, злобно на нее поглядывая, — надо еще и там хорошенько посмотреть. А если чего не хватит, так не миновать тебе наказания.

Но огонь ярко пылал в печи, в горшках варилось кушанье, ухваты и кочерги на месте, а на полках так и блестела медная посуда. Ни в чем не было недостатка, даже и ведро с водой и корзинка с угольями были на месте.

— А где вход в погреб? — закричала мачеха. — Не будет он полон бочками с вином, достанется тебе!

Она сама подняла дверцу, закрывавшую вход в погреб, но не успела сделать и двух шагов вниз по лестнице, как вдруг тяжелая крышка захлопнулась за нею. Девушка услышала страшный крик, бросилась поднимать крышку, чтобы поспешить на помощь мачехе, но мачеха слетела головою вниз и лежала мертвая.

С этих пор великолепный замок принадлежал уже одной падчерице. Первое время она и сама не знала, как ей пользоваться своим счастьем. В шкафах висели богатые платья, сундуки были доверху полны золотом и серебром, жемчугом и драгоценными камнями...

Скоро по целому миру разнеслась молва про красоту и богатство девушки. Каждый день являлись женихи, но ни один ей не нравился.

Наконец приехал молодой королевич, который сумел тронуть ее сердце. Они полюбили друг друга и обручились.

В саду замка стояла липа, случилось жениху и невесте однажды сидеть под этой липой. И говорит королевич невесте:

— Мне надо съездить домой, чтобы получить согласие отца на нашу свадьбу. Прошу тебя, подожди меня под липой, я скоро вернусь.

Она поцеловала его в левую щеку и сказала:

— Не забудь меня и никому не позволяй целовать тебя в это место, а я буду дожидаться под липой, пока ты не вернешься.

Девушка сидела под липой до заката солнечного, а жениха все нет. Три дня с утра до ночи сидела она под той липой и все его ждала, но напрасно. Когда и на четвертый день он не приехал, она сказала:

— Верно с ним несчастье случилось. Пойду его отыскивать и не вернусь, пока не найду его.

Она захватила с собой три лучшие свои платья: одно заткано было серебряными месяцами, другое — золотыми солнцами, третье — бриллиантовыми звездами, в платок завязала горсть драгоценных каменьев и пошла в путь. По всему свету она расспрашивала, не видел ли кто ее жениха. Нет, никто не видал и ничего не слыхал о нем. Обошла она весь свет и вдоль и поперек, но не нашла его. Наконец она нанялась пастушкой к одному мужику, а свои платья и бриллианты спрятала под камнем.

Так и жила она пастушкой, пасла свое стадо, а сама все тосковала о своем женихе. У нее был любимый теленочек, очень ручной, которого она кормила с руки, а когда она, бывало, скажет: “Стань на коленки, мой теленочек, люби меня, да не забывай, как меня мой жених забыл”, — теленочек становился перед нею на колени и лизал ей руки, а она его гладила и ласкала.

Немало времени прожила она так, одинокая и печальная. Вдруг повсюду разнеслась весть, что дочь тамошнего короля выходит замуж. Дорога в столицу шла через деревню, где жила пастушка, и случилось однажды, что когда она гнала стадо, как раз мимо нее проехал жених. Гордо сидел он на своем коне и не взглянул даже на нее. Но она лишь только взглянула на него, так сейчас и узнала своего милого. Точно острый нож кольнул ее сердце.

— Ах! — сказала она. — Он забыл меня!

На другой день, когда жених опять проезжал по дороге мимо нее, она стала говорить своему теленку:

— Теленочек мой, теленочек, стань на колени передо мной, люби меня да не забывай, как меня мой жених забыл.

Услышав ее голос, жених оглянулся и лошадь остановил. Он посмотрел на пастушку и приложил руку к голове, как будто хотел что-то вспомнить, но потом пришпорил лошадь и скоро исчез из виду.

— Он даже не узнает меня! — воскликнула она и еще больше опечалилась.

Скоро разнеслась весть, что король приглашает весь мир на свадебный пир своей дочери и что этот пир будет продолжаться целых три дня. "Надо в последний раз попытаться", — подумала девушка. Когда наступил вечер, вынула она из-под камня платье, украшенное серебряными месяцами, надела его и вся разукрасилась драгоценными каменьями. Она сняла платок, которым были закрыты ее волосы, и они рассыпались чудными локонами по ее плечам. Так пошла она в город и в темноте никто ее не заметил. Когда же она вошла в ярко освещенную залу королевского замка, то все уступали ей дорогу в удивлении и восторге, но никто не знал, кто она. Королевич вышел к ней навстречу, но и он не узнал ее. Он и танцевал с нею и так был восхищен ее красотой, что совсем забыл про другую невесту. Когда кончился ночью первый праздник, она скрылась в толпе и поспешила до рассвета в деревню, где опять надела платье пастушки.

На другой вечер она надела платье с золотыми солнцами. Когда она вошла в залу, все только на нее и смотрели, а королевич поспешил к ней навстречу, только с нею и танцевал, а на других и смотреть не хотел. Перед ее уходом он взял с нее слово прийти и на третий бал.

Когда она появилась в третий раз, то на ней было платье все из бриллиантовых звезд, которые так и сверкали и искрились при каждом ее движении, а на ее волосах и на кушаке были также все звезды из бриллиантов. Королевич давно уже ее поджидал и, как увидел, сейчас подошел к ней:

— Скажи мне, кто ты? — спросил он. — Мне все кажется, будто я давно тебя знаю.

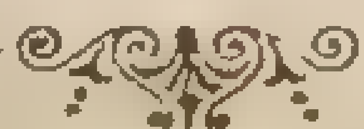
— Помнишь ты, — отвечала она, — что было, когда ты прощался со мною?

И потянувшись к нему, она поцеловала его в левую щеку. В ту же минуту у королевича будто повязка упала с глаз, и он узнал свою настоящую невесту.

— Пойдем, тут я не хочу больше оставаться, — сказал он и, схвативши ее за руку, повел вниз.

Сели они в карету и вихрем понеслись в волшебный замок. Еще издалека увидали они ярко освещенные окна, а когда проезжали под заветной зеленой липой, то на ее листьях засверкали тысячи светящихся червячков и ветки ее приветливо зашелестели, обливая их благоуханием своих цветов.

На лестнице цвели цветы, из комнат раздавалось сладкое пение заморских птиц, а в зале стояли все придворные, дожидаясь жениха-королевича с его настоящею невестой.

Мастер-вор

Однажды старик со старухой сидели перед своей избушкой, отдыхая после работы. Вдруг подъехала к избе карета, четвериком отличных коней запряженная, и из кареты вышел барин в богатой одежде. Мужик встал, подошел к барину и, поклонившись, спросил:

— Что вашей милости угодно?

Незнакомый барин поздоровался с мужиком за руку и сказал:

— Я хотел бы только по старой памяти отведать вашей деревенской стряпни. Сварите-ка мне нечищенного картофеля, я сяду с вами и с удовольствием поем картофеля.

Мужик усмехнулся и сказал:

— Вы, может, граф, либо князь, либо и сам герцог... Известно: знатным господам всякие прихоти в голову приходят. Пожалуйте!

Пошла его жена в кухню и стала картофель мыть да воду кипятить. А муж, пока она была этим занята, сказал незнакомому барину:

— Пойдемте-ка со мною в мой садик, у меня еще дельце там есть.

В саду у него были выкопаны ямы, в которые он собирался сажать деревья.

— Разве у тебя нет детей, которые помогали бы тебе? — спросил приезжий.

— Был у меня сын, — отвечал мужик, — да уже давно пропал без вести. Чудной был парень, и ловкий и сметливый, да только с худой компанией водился... Сбежал он от меня и с той поры я ничего о нем не слышу.

Старик взял молодое деревце, поставил его в ямку, насыпал земли, утоптал ее и в трех местах подвязал деревце к колу.

— А отчего же, — спросил приезжий, — ты не подвяжешь вон то кривое дерево? Оно бы тоже росло прямее.

— Это вы, сударь, потому рассуждаете, что, должно быть, никогда садоводством не занимались. То дерево уже старое, а деревья можно выправлять, только пока они молоды.

— Так-то значит и с твоим сыном, — сказал приезжий. — Кабы ты его исправлял, пока он был молод, он бы, пожалуй, и не убежал от тебя, а теперь уж он окреп и, может быть, искривился так, что и не выправишь.

— Да, — отвечал старик, — уж теперь он, должно быть, очень переменился.

— А узнал бы ты его, кабы он теперь к тебе явился?

— В лицо-то, пожалуй, и не узнал бы, — сказал мужик, — а по примете как не узнать? У него есть на плече родимое пятно, как боб видом.

Тут приезжий снял с себя камзол, завернул рукав рубашки выше плеча и показал мужику родимое пятно, совсем как черный боб видом.

— Да неужели ты мой сын? — вскричал старик. — Как же это может быть, когда ты такой большой барин и видно, что живешь в таком богатстве? Как ты этого достиг?

— Ах, батюшка! — отвечал сын. — Молодое деревце не было ни к какому колу привязано, оно кривым и выросло. Я сделался вором. Только не простым, и не подумайте, чтобы я крал, как простой вор: я беру только лишнее у богачей, а у бедных людей ничего никогда не возьму, скорее сам им дам. Также я не трогаю и того, что могу получить без труда, без хитрости и уменья. Я большой мастер и любитель своего дела: для меня нет ни замков, ни запоров, что хочу взять, то и мое.

— Эх, сынок, — сказал отец, — все-таки плохое это, по-моему, ремесло: вор — все же вор, и не кончишь ты добром.

Повел отец его к матери. Когда она услышала, что он ее сын, — заплакала от радости, а как узнала, что он сделался вором-мастером, — заплакала еще сильнее. Плакала-плакала и наконец сказала:

— Хотя и вор, а все же сын, все-таки я рада, что мне еще раз довелось тебя видеть.

Сели они за стол, и сын еще раз поел с отцом и с матерью той простой пищи, которую ел, когда был ребенком. После обеда говорит сыну отец:

— Вот если бы наш граф узнал, кто ты таков и чем занимаешься, не стал бы он тебя на руках качать, как в тот день, когда он сделался твоим крестным отцом, а заставил бы тебя на виселице покачаться.

— Нет, батюшка, ничего мне худого от него не будет, не таков я мастер. Я вот и сегодня еще думаю сам к нему съездить.

Завечерело. Мастер-вор сел в свою карету и поехал в замок. Граф подумал, что к нему знакомый вельможа приехал, и потому

принял его с почетом. А когда приезжий сказал, кто он, граф побледнел и замолчал.

— Ты мне крестник, — наконец вымолвил он, — а потому и не поступлю с тобою сразу, как бы следовало. Ты хвалишься, что ты большой мастер в своем деле, вот испытаю я тебя. Если ты притом же и хвастун, ну, тогда уж я раздумывать не стану: награжу тебя двумя столбами с перекладиной.

— Очень хорошо, господин граф, — отвечал вор, — дайте мне три задачи, и если я их не разрешу, то делайте со мной, что вам угодно.

Граф сказал:

— Ладно! Во-первых, уведи ты моего любимого коня из конюшни, потом укради из-под моей супруги ночью простыни с постели, а в-третьих, выведи мою старую тещу из ее комнаты, откуда она уж десять лет не выходит, да туда заведи, чтоб она и сама не знала куда.

Отправился мастер в ближний город, купил там одежду у старой бабы и нарядился в нее. Лицо себе раскрасил, да еще и рябины подделал, так что узнать его было никак нельзя. Потом налил бочонок старым хорошим вином, в которое еще подмешал сонного порошку. Бочонок взвалил он себе на спину и кое-как, хромая и ковыляя, пошел к графскому замку. Добрался он туда уж затемно, присел во дворе на камень, стал по-старушечьи кашлять, охать и потирать руки, будто очень озяб. А там же на дворе, перед входом в конюшню, расположились около огня солдаты, которых граф нарочно поставил стеречь заветного коня. Вот один из них заметил старуху и крикнул ей:

— Эй, бабка! Подойди сюда, погрейся около огонька! Небось, замерзла.

Старуха подковыляла к ним, сняла со спины бочонок и подсела к огню.

— Что у тебя там в бочонке-то, старая? — спрашивают солдаты.

— Да винцо, родимые, — отвечает она, — я им вразнос торгую, тем и себя кормлю. Не выпьете ли по стаканчику?

— Ну-ка, — сказал один солдат, — отведаю стаканчик, коли винцо хорошее, так и другой опрокину!

И выпил, а за ним и все товарищи по стаканчику пропустили.

— Эй вы там, ребята! — крикнул один солдат тем, что в конюшне сидели. — Тут тетка пришла, винца принесла да такого, что, пожалуй, постарше ее будет, хватите-ка по стаканчику. Лучше огня греет!

Старуха свой бочонок и в конюшню внесла. А там один солдат сидит на графском коне верхом, другой держит коня под уздцы, а

третий хвост его не выпускает. Стала старуха подносить им все по стаканчику да по стаканчику, пока весь бочонок не опустел. Немного погодя, один выронил узду из рук, повалился на пол и захрапел, другой — хвост из рук выпустил и захрапел еще громче того. А который на коне был, покачнулся раза два да и свалился кверху ногами, лежит и сопит, словно кузнечный мех. Те, что сидели во дворе, вокруг огня, давно уже спали, растянувшись по земле, словно мертвые.

Увидев, что дело в шляпе, мастер-вор дал одному вместо узды веревку в руки, другому вместо хвоста — пучок соломы, а третьего, что с коня свалился, поднял, посадил верхом на перегородку ясель да еще и за ноги крепко-накрепко привязал, чтоб опять не упал. Потом потихоньку отвязал коня, обмотал ему копыта тряпками, чтобы подковы о мостовую не звенели, вскочил на него и был таков.

На рассвете мастер-вор прискакал на украденном коне во двор замка. Граф только что встал и стоял у окна.

— Здравствуйте, господин граф, — говорит мастер-вор. — Коня я благополучно увел из вашей конюшни. Не угодно ли вам посмотреть, как ваши сторожа там славно устроились?

Пошли они с графом в конюшню, и не мог граф не посмеяться над своими сторожами, хотя в душе ему и не до смеху было. Потом и говорит он вору:

— Ну, что ж, раз тебе удалось, посмотрим, как в другой раз удастся... Только вперед говорю тебе: если поймаю тебя, так и поступлю с тобой, как с вором.

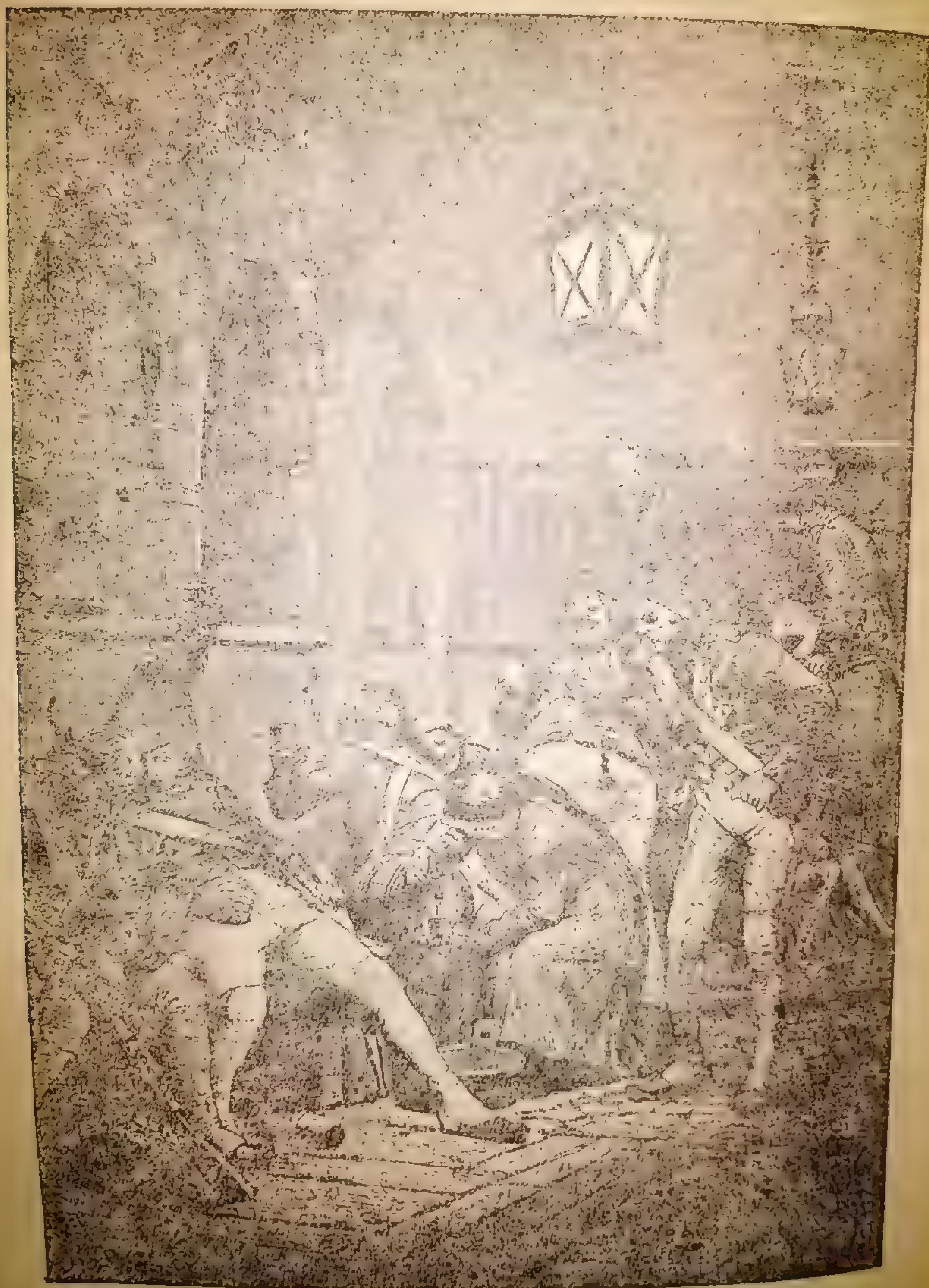
Когда в тот день вечером графиня легла в постель, граф сказал ей:

— Все двери заперты на ключ и задвижки, а я сам не лягу спать, а сяду у окна и буду поджидать вора. Если он задумает лезть в окно, тут я его и застрелю.

Мастер же заранее сделал из тряпок чучело, одел его в свое платье и, как стемнело, забрался с ним во двор замка. Там он подставил лестницу прямо к окошку графской опочивальни, посадил себе чучело на плечи и стал взбираться по лестнице. Только голова чучела показалась в окне опочивальни, граф, который, сидя у окна, давно уже прислушивался, выстрелил из пистолета. Мастер-вор сейчас же сбросил чучело с лестницы, спрыгнул и сам и притаился за углом. А граф думает: "Ну, кончил, должно быть, бедняга свою воровскую жизнь! А все же он мой крестник был, неужели его без погребения оставить? Пойду да зарою его в саду, кстати, чтоб и разговора лишнего не было, что я убил человека". Вылез граф через окошко, спустился по лестнице и потащил чучело за ноги в сад. В темноте-то где разобрать! "Теперь, — подумал вор, подождав немного, — самое время!" Проворно выскочил из своего угла, взобрался на лестницу и прямо в опочивальню к графине.

— Ну, что, — спрашивает она, — убил вора?

— Наповал, — отвечает ей вор голосом графа, — и не дышит. Я сейчас осмотрел его... Да выпачкался же я кровью, надо хоть руки обтереть! — И давай руки о простыню вытирать.

— Ни за что не буду спать на окровавленной простыне! — закричала графиня. Сдернула простыню с кровати и кинула ее в угол. А вору только то и надобно: подхватил простыню да и улизнул с нею.

Вот удивился на другое утро граф, когда мастер-вор пришел к нему и подал ему простыню с постели графини.

— Да ты колдун, что ли? — спросил он у вора. — Как же ты вылез из могилы, в которую я сам тебя положил? Кто тебя оживил?

— Это не меня вы опустили в могилу, — сказал вор, — а чучело похоронили.

И рассказал графу все, как было. Пришлось графу сознаться, что его крестник ловкий и хитрый вор.

— Но ведь, это еще не все, — сказал он. — Тебе еще надо решить третью задачу, и если это тебе не удастся, так прежнее тебя не спасет!

Мастер-вор только усмехнулся и ничего не ответил графу.

За день он разузнал о графской теще всю подноготную. Была эта теща — старая-престарая и злая старуха. В молодости она очень весело жила, немало нагрешила, а как пришла старость, такой ханжой сделалась, просто беда: засела в своих комнатах безвыходно, при людях только постное ест, только о спасении души и разговаривает, всех людей срамит, на всех ворчит, а уж горничным от нее совсем житья нет: целый день проповеди им читает. Ночью не спится старухе, так поставит их всех на колени и заставляет поклоны отсчитывать, а чуть какая задремлет, сейчас примется ее клюкой колотить. Совсем ополоумела старуха и так о себе возмечтала, будто в добродетели ей и на всем свете равной нет.

Вот на этом-то и задумал мастер-вор ее поймать. Днем добыл себе белый балахон, большой мешок да наловил пары две голубей и забрался к вечеру в старухину комнату под кровать. Сидит, притаившись. Прошел вечер, старуха отчитала своих горничных, продержала их на коленях, сколько ей хотелось, наконец, выслала вон и стала засыпать. Вдруг, в самую полночь, вылез потихоньку мастер-вор из-под кровати и встал весь в белом над старухой. Та проснулась.

— Кто тут? — кричит.

А он ей:

— Не страшись, раба Божья, это я, смерть, за тобой пришла!

Перепугалась старуха и вправду чуть не до смерти, а все-таки, хоть чуть дышит, а спрашивает:

— Куда же, сударыня смерть, ты меня понесешь теперь, в рай или в ад?

Отвечает ей вор:

— В райскую обитель вознесу я тебя, праведница. Со мною и ангелы тебя провожать прилетели, слышишь их крыльев трепетание? — Да голубей из мешка и повыпустил. — Давай, — говорит, — я тебя одеждой моей оберну, чтоб не боялась ты, когда понесу тебя через ад. Не бойся, не подавай голоса, хотя и страшен наш путь будет!

С этим ухватил вор старуху, засунул ее в мешок и поволок.

Тащит волоком по лестнице, со ступеньки на ступеньку старуха перекатывается, а он ее утешает:

— Терпи, праведная жена, это мы с гор в преддверие ада сходим.

Потом потаскал, потаскал старуху по двору да по саду — по сучьям, по камням, по пням — да все бегом.

— Скорей, — говорит, — минуем преисподнюю, чтоб не устрашилась душа твоя при виде мук грешников. — А после этого — шлеп старуху в лужу. — Через океан вечности, — утешает ее, — переплываем.

Покатал ее, покатал в луже и поволок ее на голубятню по приставной лестнице.

— Ликуй, — говорит, — праведница: через семь небес возношу тебя в горние выси.

И подвесил мешок в голубятне к балке. Голуби проснулись, залетали кругом. А вор старуху утешает:

— Слышишь, ангелы радуются, крыльями кругом машут. — Запер дверь снаружи на задвижку и ушел.

Наутро является вор к графу и докладывает, что и третья задача исполнена.

— Как? — спрашивает граф. — Ты украл мою тещу, и она не знает, где находится?

— Украл. И она теперь на голубятне, а думает, что в раю.

Пошел граф с мастером-вором на голубятню. Ну и смеху было, когда стали тещу из мешка вынимать!

После этого говорит граф своему крестнику:

— Ну, ты и вправду из воров вор. На этот раз ты выпутался благополучно. Но все-таки уходи из моего графства, куда хочешь, а то здесь не миновать тебе виселицы.

Распрощался мастер-вор с отцом, с матерью и ушел. С той поры и слуха о нем не было.

Кот и лиса

Повстречался Кот с Лисою и думает: "Не из простых, должно быть, Лиса, а важная особа. Говорят, что больно она хитра и свет хорошо знает. Дай-ка я с ней познакомлюсь, ума-разума от нее наберусь". Подошел он к Лисе, поклонился ей низко и говорит:

— Здравствуй, сударыня-барыня Лиса Патрикеевна! Как живешь-можешь, с делами в эти трудные времена управляешься?

А Лиса была гордая, оглянула она Кота с головы до лап, подумала: стоит ли еще с ним разговаривать, — и наконец заговорила:

— Ах ты, мышеед, крыночный лизун, побирушка ты этакий! Как ты посмел ко мне подходить да еще об моих делах справляться? Ну, что ты понимаешь, чему ты обучен, какие науки знаешь?

— Да только одну науку и разумею, сударыня-барыня Лиса Патрикеевна, — отвечал ей Кот.

— Ну, говори, что за наука?

— А вот, как собаки за мной гонятся, я умею от них на дерево залезть.

— Вот так наука, только-то и всего! — говорит ему Лиса. — Ну, а я больше сотни наук, как свои четыре пальца, знаю, да к тому же еще у меня хитрых увертoк целый кошель... Так и быть уж, пойдем со мной, я тебя из жалости научу, как по науке от собак увертываться.

Только Лиса это вымолвила, вдруг, откуда ни возьмись, выскочили собаки, а за ними и охотники бегут. Кот — скок на дерево и был таков, спрятался в листьях и кричит оттуда:

— Эй, сударыня-барыня Лиса Патрикеевна! Раскошеливайся скорей! Живей увертки из кошеля вынимай, не то быть беде!

Куда тут, не успел Кот и договорить, глядь, а Лиса уж у собак в зубах перевертывается.

— Эх, — говорит Кот, — видно с сотней-то наук нелегко справиться. Лучше б тебе, Лиса, одну науку как следует знать — как я на дерево карабкаться уметь, — не попалась бы ты теперь в собачьи зубы!

Отставной солдат

Стоял раз богатый мужик в своей усадьбе и любовался на свое добро. Экие хлеба уродились чудесные! Сколько в саду яблок, даже деревья согнулись! Еще прошлогоднего хлеба полные закрома. Потом пошел в хлев: быков много да все крупные, откормленные, коровы рослые, молочные, лошади гладкие, сильные. Вошел он в свой дом, кинул взгляд на сундуки, в которых лежали его деньги...

Стоит он так-то, на свое богатство радуется, вдруг кто-то сильно постучался к нему, не в дверь его комнаты постучался, а в дверь его сердца... И отворилась та дверь, и слышит он голос, который говорит ему:

— А много ли пользы принесло это богатство твоим ближним? Помогал ли ты бедным? Делился ли ты своим хлебом с голодными? Довольно ли тебе было того, что у тебя есть, или ты желал все большего?

А сердце его в ту же минуту и ответ дало:

— Нет, никогда не делал я добра моим ближним. Когда приходил ко мне бедняк, я отворачивался от него и думал только об увеличении моего богатства. Если бы даже моим весь свет был — мне и того бы мало...

Услышал богач, что его сердце говорит, и страшно перепугался, дрогнули его колена, так что он и стоять не мог, присел на лавку.

Тут кто-то опять постучал, только на этот раз — в двери дома. Это был его сосед, бедный-прибедный, кормить ему шестерых ребят надо, а в доме куска хлеба нет. Вот он и надумал зайти к богатому соседу.

— Знаю я, что тебе нелегко расстаться со своим добром, но мне больше не к кому обратиться: дети мои голодают, дай ты мне взаймы хоть четверть ржи.

Богач долго и пристально смотрел на него, потом ласково улыбнулся и вымолвил:

— Четверти хлеба взаймы я тебе не дам, а подарю тебе лучше целых четыре четверти, только с уговором.

— Что же мне сделать? — спросил бедняк.

— Когда я умру, ты проведи три ночи на моей могиле.

Не очень по сердцу пришелся этот уговор бедняку, но в той нужде, в которой он находился, ему спорить было нечего. Он обещал богачу исполнить его волю и понес хлеб домой.

Будто наперед знал богач, что его ждало: через три дня он умер скоропостижно, никто не знал, как это случилось, да никто и не горевал о нем. Когда богача похоронили, бедняк вспомнил свое обещание. Он бы охотно не исполнил его, да думалось ему, что стыдно не исполнить слово, данное человеку, который спас его детей от смерти...

Как наступила ночь, пошел он на кладбище и присел на могилку богача. Тихо было кругом, только месяц обливал своим светом могилы, да изредка слышался жалобный протяжный крик совы, пролетавшей над кладбищем. На заре бедняк благополучно вернулся домой. Вторая ночь прошла так же спокойно.

С вечера третьего дня бедняку стало как-то особенно жутко: чудится ему, что ночью с ним случится что-то страшное. Прийдя на кладбище, он увидел там какого-то человека, совсем ему незнакомого. Это был уже очень немолодой человек, но с умными, живыми глазами, лицо его было перекрещено шрамами. Весь он был закутан в старый плащ, из-под которого были видны только сапоги со шпорами.

— Что вы здесь делаете? — спросил у него бедняк. — Неужели вам не страшно ночью на кладбище?

— Я отставной солдат, — отвечал тот, — и собираюсь здесь провести ночь, потому что больше мне негде приютиться. А страшно мне нигде и никогда не бывает.

— Коли вы и вправду ничего не боитесь, так пробудьте ночь со мною и помогите мне караулить одну могилу.

— Стоять на карауле — солдатское дело, — отвечал тот. — А коли вдвоем будем сторожить, так поровну и поделим все, что с нами будет.

Ударили по рукам и сели рядком на могилу.

До полуночи все было тихо-тихо. Вдруг в самую полночь что-то вскрикнуло, свистнуло, и, откуда ни возьмись, стоит перед сторожами сам дьявол.

— Вон отсюда! — закричал он им. — А не то я обоим вам головы оторву. Тот, кто в этой могиле, давно уже мой, и я пришел за ним, чтобы унести его с собой.

— Чего ты кричишь-то? — заговорил солдат. — Ты ведь мне не начальник, значит нечего мне тебя и слушаться, а страху на меня тебе не нагнать. Ступай-ка, откуда пришел, а мы здесь останемся.

"Что с ними поделаешь! — думает дьявол. — Не поманить ли золотом этих оборванцев?" И спросил солдата уже тихим голосом по-приятельски, не согласится ли он сойти со своего места, если он даст ему кошелек, полный золота.

— Так-то лучше, — говорит солдат, — только одного кошелька золота нам мало. Вот если ты насыпешь мне полный сапог золота, так мы, пожалуй, и уйдем.

— Да столько-то у меня с собой нет, — говорит дьявол. — Впрочем, хорошо, я сейчас вам принесу: вот тут в городе живет у меня приятель ростовщик, он-то уж не откажет мне одолжить.

Только что дьявол умчался, солдат снял сапог с левой ноги и сказал:

— Давай-ка поднадуем демонова сына: ну-ка, где твой нож, земляк? — Он живо отрезал подошву у сапога и поставил сапог в траву, на край глубокой ямы. — Ну вот и ладно! Теперь милости просим, нечистая сила!

Сели они и ждут. Немного погодя, явился дьявол с мешочком золота в руках.

— Сыпь-ка сюда! — сказал солдат и чуть-чуть приподнял сапог вверх. — Э-э, только этого мало будет.

Высыпал дьявол все золото, оно просыпалось сквозь сапог, а сапог все пустой, как и раньше был.

— Говорил я тебе, — вскричал солдат, — что этого не хватит. Валяй опять туда же, да смотри, побольше приноси.

Почесал дьявол затылок, опять улетел и через час вернулся с порядочным уже мешком золота под мышкой.

— Это все-таки хоть кое-что, — говорит солдат, — только, думается, что всего сапога этим не наполнишь.

Звенит золото, падая в голенище, а сапог все же пустой. Дьявол сам в него заглянул своим огненным глазом и уверился, что сапог и вправду пустехонек.

— Экая у тебя ножища-то! — закричал он, искривив рот от злости.

— А ты, небось, думал, что у меня нога-то лошадиная, как у тебя! — отвечал ему солдат. — Да с каких пор ты таким скупым

стал? Волоки живей денег побольше, а не то ничего из нашего дела не выйдет!

Опять улетел дьявол. На этот раз его долго что-то не было, а когда наконец он явился, то страх как кряхтел под тяжелым мешком, который тащил на плече. Высыпал он золото из мешка в сапог, а сапог точно такой же пустой, как и прежде. Несказанно разозлился дьявол, хотел было вырвать сапог из рук солдата, да как раз в тот миг на востоке блеснул первый луч солнца, и злой дух улетел с воем и угрозами... Грешная душа богача избавилась от адской муки.

Бедняк хотел было поделить золото пополам, но солдат отказался:

— Отдай, — говорит, — бедным мою долю. А мне ничего не нужно. Не за деньгами я по земле брожу. И кто я, лучше меня не спрашивай. А догадаешься, — твое счастье.

И с этими словами исчез у бедняка с глаз старый отставной солдат.

Белая мышка

Жила-была когда-то королевна. У королевны был замок, а в замке, на самом верху высокой башни, была зала с двенадцатью окошками вокруг, так что когда королевна входила в залу, то могла видеть свое королевство со всех четырех сторон. В первое окно она видела лучше, чем могут видеть другие люди, из второго окна — еще лучше, из третьего и того лучше, и так далее, пока, дойдя до двенадцатого, она видела так, что ничто не могло скрыться от нее: она все

видела, что есть над землею и под землею. Но так как прекрасная королевна была очень горда и не хотелось ей никому покориться, хотелось царствовать одной, то она и приказала объявить на весь свет, что только тот будет ее мужем, кто сумеет так хорошо спрятаться, что она не сможет его найти. А кто попытается да будет ею открыт, тому голову отрубят и на коле ее выставят.

Уже девяносто семь столбов, и все с головами, стоят перед ее высоким замком. Но после этого все приутихло, и долго-долго ни один жених не являлся свататься. Королевна была этим очень довольна и думала: "Ну, теперь останусь на целую жизнь вольною птицею".

А тут как раз явились еще три брата и объявили, что и они хотят счастья попытать. Старший залез в известковую яму и думает, что уж очень хорошо спрятался, но королевна сразу увидала его еще из первого окна, приказала вытащить его из ямы и голову ему отрубить. Средний брат запрятался в подвал замка самой королевны, но она увидела его, как только подошла ко второму окну. И среднему пришлось распроститься с жизнью: отрубили ему голову и выставили ее на девяносто девятый столб.

Тогда явился перед королевной третий, меньшой брат и стал просить ее, чтоб дала она ему целый день подумать, куда бы спрятаться. Да еще чтобы простила бы она ему два раза, коли его найдет, а если и в третий раз будет ему неудача, тогда он готов и с жизнью распроститься. Он был так прекрасен и так трогательно просил, что она согласилась.

— Хорошо, — говорит, — только и от этого тебе легче не будет.

На другой день стал думать добрый молодец, куда бы ему спрятаться. Ломал он, ломал себе голову, и все понапрасну. С горя взял он свое ружье и пошел в лес на охоту. Вдруг видит он Ворона и хотел было застрелить его, но Ворон закричал человечьим голосом:

— Не стреляй, молодец, я тебе пригожусь!

Он опустил ружье и пошел дальше. Пришел он к озеру и увидал большую Рыбу, которая плавала поверху воды, хотел было он выстрелить в нее, а Рыба говорит ему человечьим голосом:

— Не стреляй, я тебе пригожусь.

Молодец пошел дальше и вдруг видит на дороге Лису, идет Лиса, хромает. Он прицелился было в нее, а Лиса кричит ему:

— Поди-ка сюда лучше, да вынь у меня занозу из ноги. Я тебе пригожусь!

Он исполнил ее просьбу и отпустил ее потом на свободу, а так как уже вечерело, то и вернулся домой.

На другое утро надо было ему спрятаться, но как он ни ломал голову, а все не знал куда. Пошел он в лес и говорит Ворону:

— Я не убил тебя, так ты за это научи меня, куда бы мне спрятаться, чтобы королевна не нашла меня.

Опустил Ворон голову и долго думал. Наконец прокаркал:

— Ладно. Придумал!

Он вынул яйцо из гнезда, разломил его пополам и спрятал туда молодца. Потом опять сложил яйцо и сам уселся на него.

Подошла королевна к первому окну, — не видать жениха, подошла к другому, третьему и дальше, — все его нет как нет. Королевне стало уже страшно. Наконец в одиннадцатом окне она его увидала. Сейчас же приказала она принести ей вороново яйцо и раскрыть его, молодцу волею-неволею пришлось выйти из него. Королевна сказала:

— Ну, этот раз не в счет, но пропала твоя голова, если ты чего получше не придумаешь.

На другое утро пошел молодец к озеру, кликнул Рыбу и сказал:

— Я тебя помиловал, теперь ты научи меня, куда бы мне спрятаться, чтоб королевна не могла найти меня.

Рыба сильно задумалась, наконец сказала:

— Знаю, куда. Я тебя проглочу.

Она проглотила его и опустилась на дно озера. Стала королевна в свои окна смотреть, — нет молодца, даже в одиннадцатом его не видать. Очень королевна испугалась, однако, заглянув в двенадцатое окно, она нашла молодца. Тотчас приказала она поймать Рыбу, и опять пришлось выйти молодцу на белый свет. А королевна ему говорит:

— Два раза я тебя прощала, но уж наверное на третий раз голове твоей попасть на сотый кол.

В последний день вышел он в поле, тяжело было у него на сердце. Вдруг бежит ему навстречу Лиса. Он и говорит ей:

— Ты мастерица всякие лазейки находить и на выдумки ловка, я тебя пощадил, теперь ты посоветуй мне, куда бы спрятаться, чтобы королевна не нашла меня.

— Это хитрая штука! — отвечала Лисичка-сестричка, и задумалась, наморщив лоб. — Нашла, нашла! — скоро сказала она молодцу, повела его в лес к какому-то волшебному ключу, сама в него

окунулась и ему приказала окунуться. И вышла Лиса из воды рыночным торговцем, который разных зверей продает и показывает, а молодец вышел — Белою ученой Мышкой.

Торговец пошел в город, стал показывать красивого зверька, и на рынок сбежалось много народа, чтобы посмотреть на его штуки. Пришла и королевна, понравилась ей ученая Белая Мышка, она и купила ее у торговца за большие деньги. Прежде чем отдать Мышку, торговец успел шепнуть ей:

— Как пойдет королевна в окна смотреть, спрячься у нее на шейке под косой.

Пришел последний срок, стала королевна искать молодца. Обошла она поочереди одиннадцать окон, а его все нет как нет! Когда и из двенадцатого окна королевна не увидала жениха, она так разгневалась, что с досады стекла во всех двенадцати окнах разбила вдребезги.

Ушла королевна в свои покои, и тут только почувствовала Белую Мышку у себя под косою. Она схватила ее, с досады швырнула на пол и закричала:

— Прочь с глаз моих!

Мышка со всех ног убежала к торговцу, и с ним вместе к ключу, оба окунулись в него и вышли из воды опять в своем прежнем виде. Молодец поблагодарил Лисичку и сказал:

— Куда Ворону и Рыбе тягаться с тобой! Сущая правда, что ты на все руки мастерица.

После этого молодец пошел в королевский замок. Делать нечего: пришлось королевне покориться своей судьбе. Свадьбу отпировали как следует, был пир на весь мир, и стал молодец королем всего государства. Никогда он не открывал своей жене, куда он спрятался в третий раз, и не выдавал того, кто ему помогал. Так она и полагала, что он до всего дошел своим умом, и потому очень уважала его, думая, что он много хитрей ее.

Каша

Жила-была когда-то одна девочка со своею матерью. Такие они были бедные, что часто у них нечего было даже поесть. Пошла раз бедная девочка в лес, а к ней навстречу неведомая старушка.

— За то, что ты добрая девочка, слушаешься своей матери и бедных любишь, вот тебе от меня в подарок горшочек, — сказала старушка и объяснила, что горшочку надо только сказать: "горшочек, вари", и в ту же минуту он начинал варить сладкую пшенную кашицу, а когда скажут ему: "горшочек, перестань", он сейчас же слушался и переставал варить кашицу.

Девочка скорей принесла горшочек матери, и с той поры уже не знали они бедности и голода, ели себе на здоровье сладкую пшенную кашицу, сколько хотелось.

Случилось раз девочке из дому отлучиться, мать без нее и приказала горшочку:

— Горшочек, вари.

Горшочек сварил кашу, старушка наелась досыта. Пора горшочку перестать, а старушка не знает, как остановить его, горшок-то все варит да варит, кашица все кипит да кипит. Вот потекла уж кашица через край, а горшок все пуще варит, весь дом полон каши, дошло и до соседнего дома, там до другого, до третьего, вот и всю улицу залило, словно горшочек весь свет накормить хотел. Загоревали все, но никто не знает, как остановить горшок, как помочь беде.

Наконец, когда во всем городе только один дом не залило еще кашицей, вернулась девочка домой и только сказала: "горшочек, перестань", вдруг он остановился и перестал варить.

Кому надо было вернуться домой, тому пришлось прежде много кашицы поесть.

Вот и всегда так плохо бывает, когда знаешь что-нибудь только наполовину: заварить-то кашу легко, да каково-то ее расхлебывать.

Барабанщик

Раз под вечер шел по большой дороге молодой барабанщик, и пришел он к озеру, а на берегу озера лежат три кусочка белого полотна.

— Какое тонкое полотно! — сказал он и сунул себе в карман один кусок.

Пошел он домой и лег спать, позабыв о своей находке. Только было он задремал, вдруг слышит — кто-то зовет его по имени. Он прислушался, и чудится ему тихий голосок, который говорит:

— Барабанщик, барабанщик! Отдай мне мою рубашечку, которую ты взял вчера вечером у озера!

— Не отдам, — отвечает барабанщик. — Не отдам до тех пор, пока ты мне не скажешь, кто ты.

— Ах! — отвечал голос. — Я дочь сильного короля, но попала в руки злой колдуньи и должна жить на стеклянной горе. Каждый день мне вместе с двумя сестрицами приказано купаться в озере. Но без рубашки я не могу улететь назад на гору. Сестрицы уже вернулись домой одни. Пожалуйста, барабанщик, отдай мне мою рубашечку.

— Господь с тобой, бедняжка, — сказал барабанщик, — я с радостью возвращу тебе рубашечку. — И подал ей в темноте кусок полотна. Она проворно выхватила его и хотела было улететь. — Подожди минуточку, — сказал барабанщик, — может быть, я и могу помочь тебе?

— Ты можешь лишь тогда мне помочь, когда взойдешь на стеклянную гору и избавишь меня от власти злой колдуньи. Но до стеклянной горы тебе не добраться, да если бы ты и дошел до нее, все-таки тебе не взобраться на нее.

— Захочу, так и взберусь, — отвечал барабанщик, — мне жаль тебя, а страха я не ведаю. Вот только беда: дороги-то на стеклянную гору я не знаю.

— Дорога туда идет через дремучий лес, в котором живут великаны-людоеды, больше ничего не могу тебе сказать. — И вместе с этим она исчезла.

Лишь только занялась заря, барабанщик поднялся и стал собираться в дорогу, повесил он через плечо барабан и бесстрашно пошел в глубь леса. Шел он, шел, а все ни одного великана не видал.

— Надо этих ленивцев разбудить, — подумал барабанщик и как ударил тревогу, да так громко, что все птицы с криком взвились с деревьев. Вдруг из-за высоких кустов поднялся великан. Он крепко спал, но как только барабан его разбудил, он и вытянулся во весь рост, вровень с высокой елью.

— Ах ты, клоп этакий! — закричал он на барабанщика. — Чего ты барабанишь здесь? От самого сладкого сна меня разбудил.

— А затем и барабаню, что этим указываю путь большому, храброму войску, которое за мной идет.

— Что им такое нужно в моем лесу? — спросил великан.

— Они хотят, чтобы пришел тебе карачун и лес избавился от такого чудовища, как ты.

— Ого! Да я их всех перетопчу, как мурашей.

— Нет, брат, не справиться тебе! Пока ты нагнешься, чтобы одного схватить, а он увернется у тебя из рук и спрячется от тебя. А как только ты завалишься спать, так они изо всех кустов повыскочут со стальными молотками и живо разобьют тебе череп.

Задумался великан и говорит себе: "Как бы не нажить беды, коли с этим хитрым народом схватишься. Волков и медведей мне душить нипочем, а от этих червяков пожалуй не отобьешься.

— Слушай, мозгляк, — сказал он, — воротись-ка ты назад, а я за то обещаю тебе, что не трону ни тебя, ни твоих товарищей. А если есть у тебя какое-нибудь желание, то я постараюсь исполнить его.

— Да вот какие у тебя длинные ноги, — сказал барабанщик, — отнеси-ка меня на стеклянную гору, а я за то подам своим товарищам знак, чтоб они назад шли и оставили на этот раз тебя в покое.

— Ступай сюда, червяк, — сказал великан, — садись мне на плечо, так и быть, отнесу я тебя, куда тебе хочется.

Великан поднял его на плечи, а барабанщик давай на радостях со всех сил колотить в свой барабан. А великан думает: "Это он своим знак дает, чтобы назад шли".

Шли они, шли, вдруг навстречу им попадается другой великан, взял он барабанщика с плеч своего товарища и заткнул его себе в петличку. Барабанщик ухватился за пуговицу, величиною с доброе блюдо, держится за нее, да весело по сторонам озирается. Потом они встретили третьего великана, который вынул барабанщика из петлички товарища и посадил его на поля своей шляпы. Ходит барабанщик взад и вперед по шляпе, смотрит поверх деревьев, и вдруг вдали что-то блеснуло. "Видно, это и есть стеклянная гора," — подумал он и не ошибся. Шагнул великан еще раз-другой, и они очутились уж у подошвы горы, где великан и спустил его наземь. Барабанщик стал было требовать, чтобы он внес его на вершину горы, но великан только потряс головой, проворчал что-то себе под нос и ушел назад в лес.

Стоит бедный барабанщик перед горою и не придумает, как бы на нее вскарабкаться, а гора такая высокая, точно если три горы поставить одна на другую, и такая гладкая, будто зеркало. Попробо-

вал было он на нее залезть, где там, через минуту скатился вниз. "Эх, будь я птицей! — подумал барабанщик. — Да что толку желать? От одного желанья крылья не вырастут.

Стоит он и не знает, как своей беде помочь. Вдруг видит, неподалеку двое людей горячо о чем-то спорят. Подошел он к ним ближе и слышит, что они спорят из-за седла, которое перед ними лежит на земле, каждому хочется себе его взять.

— Эх вы, дураки, — сказал барабанщик, — чего вы ссоритесь из-за какого-то старого седла, когда у вас и лошади нет!

— Как из-за этого седла не спорить? — отвечают они. — Кто сядет на него и пожелает куда-нибудь перенестись, хоть бы на тот край света, тот в ту же минуту очутится там.

— А, вот в чем дело! Ну, я мигом решу ваш спор, — сказал барабанщик и, отойдя в сторону, воткнул в землю белый кол. Потом вернулся к ним и сказал: — Теперь бегите к цели, и кто добежит первый, тому и взять седло.

Оба пустились бежать что есть силы, но не отбежали они и десяти шагов, как барабанщик, вскочив на седло, пожелал быть на стеклянной горе. И не успел он глазом моргнуть, как был уже там.

На самой вершине горы была равнина, а на той равнине стоял старый каменный дом, перед домом был большой пруд, а позади дома начинался дремучий лес. Ни людей, ни зверей барабанщик не видел, только ветер шумел в лесу, да тучи проносились над самой его головой. Он подошел к дому и стал стучаться в дверь. Когда он постучал в третий раз, то дверь отворилась и показалась желтая красноглазая старуха, на ее длинном носу торчали очки. Она посмотрела прямо ему в глаза и спросила, чего ему надо?

— Укрой от темной ночи, накорми и дай постель, — отвечал барабанщик.

— Можно, — сказала на то старуха, — но за это ты должен мне сослужить три службы.

— Отчего же нет? Я никакой работы не боюсь.

Старуха впустила его, дала ему поесть и приготовила ему постель.

Наутро, когда он проснулся, хорошо выспавшись, старуха сняла со своего корявого пальца наперсток, подала его барабанщику и сказала:

— Теперь отправляйся на работу, вычерпай ты мне этим наперстком всю воду из пруда. К утру работа должна быть кончена, и все рыбы должны быть вынуты и разложены на берегу по породе и величине.

— Вот так работа! — сказал барабанщик, однако пошел к пруду и начал черпать воду наперстком.

Целое утро прошло у него за работою, да много ли наперстком сделаешь, хотя бы черпать тысячу лет? Подошел и полдень: "Ну, что попусту трудиться? Все равно, не кончу, буду работать или нет", — сказал сам себе барабанщик и сел отдохнуть.

В это время подошла к нему девица с завтраком, поставила завтрак перед ним и спрашивает:

— Что ты так печален?

Взглянул он на нее и видит, что она чудная красавица.

— Да вот, — отвечал он, — я и с первой работой не могу справиться, что же будет с другими? Пришел я сюда, чтобы отыскать прекрасную королевну, которая здесь проживает, но ее я не нашел и теперь подумываю дальше идти, чтобы ее разыскать.

— Оставайся здесь, — сказала девица, — я тебе помогу. Ты, видно, устал, приляг-ка, положи голову ко мне на колени да засни. Как проснешься, то работа будет окончена.

Барабанщик послушался ее. Как только закрыл он глаза, красавица повернула на пальчике волшебное кольцо и сказала:

— Вода вверх, а рыба на берег!

Только она это вымолвила, вода тотчас же поднялась кверху белым туманом, который слился с тучами, а рыбы заплескались, выскочили на берег, и сами улеглись одна подле другой, смотря по величине и породе.

Проснулся барабанщик и остолбенел от удивления, увидев, что все уже готово. А девушка говорит ему:

— Видишь, вон одна рыба лежит отдельно, а не подле других? Когда ведьма придет вечером и спросит: "Для чего эта рыба лежит отдельно?" — ты возьми рыбу, брось ей в лицо да и скажи: "Для тебя, старая ведьма!"

И точно, к вечеру пришла старуха и задала ему этот самый вопрос, а он бросил рыбу ей в лицо. Но она сделала вид, будто этого не заметила, и промолчала, только злобно покосилась на него.

На другое утро ведьма говорит ему:

— Вчера тебе была легкая работа, сегодня надо задать потруднее. Теперь выруби-ка весь лес, что позади моего дома, каждое дерево на поленья разруби, потом все в штабеля сложи. Да чтобы к вечеру все было готово.

Дала она ему топор, пилу и клинья. Только топор-то был свинцовый, а клинья и пила жестяные. Ударил он топором, — топор

смялся в комок; схватился за пилу и клинья, — они тотчас согнулись в дугу.

Барабанщик не знал, как ему быть, но в полдень пришла девица с обедом и успокоила его:

— Положи свою голову ко мне на колени и засни, а когда ты проснешься, работа будет готова.

Повернула она свое волшебное кольцо, — вдруг весь лес с треском рухнул, каждое дерево распилилось и раскололось на поленья, и поленья сложились в штабеля, точно невидимые великаны всю работу сразу исполнили. Когда проснулся барабанщик, девушка говорит ему:

— Вот видишь, все в порядке, только одно полено лишнее лежит в стороне. Когда старуха вечером придет к тебе и спросит: "Зачем это полено?" — ты кинь в нее им и скажи: "Это для тебя, старая ведьма!"

Так все и случилось, когда он кинул поленом в ведьму, она сделала вид, будто и не почувствовала удара, а только ехидно захохотала и сказала:

— Завтра рано утром ты должен сложить все дрова в костер, потом подожжешь и все спалишь.

Он поднялся с зарею и начал складывать костер. Но разве один человек сложит в костер целый лес? И тут девица не оставила его: принесла она в полдень ему обед и уложила его спать. Когда же он проснулся, то увидел, что огромный костер пылает страшным огнем, который поднимается языками к самому небу.

— Слушай, — сказала красавица, — когда придет ведьма, то станет тебе приказывать, чтобы ты в костер вошел, и если ты без страха в него войдешь, то ничего дурного тебе не будет, а если побоишься, то тебя огонь не помилует, и ты сгоришь. Ну а коли ты спасешься, знай, что если кинуть ведьму в огонь, он ее не помилует.

Красавица ушла, а старуха как раз и явилась.

— У-у! — сказала она. — Как я замерзла! Вот так огонек! Как славно горит! Как согревает мои старые косточки! Вот так славно! Только что там за полено в середине костра лежит. Зачем оно не горит? Вынь-ка его из огня и подай мне сюда!

Не долго думая, барабанщик бросился в самую середину пламени, но огонь ничего ему не сделал, даже ни один волосок на голове у него не загорелся. Вынес он чурбан и поставил его перед старухой. Но только чурбан коснулся земли, как вдруг он превратился в красивую девицу, которая все время спасала барабанщика от всех бед. По ее

шелковому, блестящему золотом платью он узнал, что она была королевская дочь. Старуха злобно засмеялась и закричала:

— Ты уж думаешь, что она в твоих руках? Нет еще, голубчик, погоди!

И она хотела броситься на девицу и унести ее, но барабанщик схватил старую ведьму обеими руками, приподнял ее в воздух и бросил с размаха в самую середину пламени. Огонь мигом охватил ее, точно обрадовался, что ведьма досталась ему...

Королевна, взглянув на барабанщика, увидела, что он красивый молодец. К тому же она подумала, что он жертвовал ради нее своею жизнью, и протянула ему руку с такими словами:

— Ты смерти не страшился, чтобы спасти меня, и я все сделаю для тебя. Если обещаешь быть мне верным, то будь моим супругом. В богатствах у нас недостатка не будет, довольно с нас и тех сокровищ, которые ведьма здесь накопила.

И она повела барабанщика в дом ведьмы. Там стояли сундуки, полные сокровищ. Не тронули они ни золота, ни серебра, а взяли только драгоценные камни, сколько могли унести.

Затем сели они на волшебное седло, и только королевна вымолвила, куда ей нужно, очутились они во дворце ее отца, старого короля.

Дочь рассказала ему, что молодец сделал для ее спасения, и отец согласился выдать ее за него замуж. Тотчас зажгли свечи во всех парадных залах, заиграли в трубы, забили в литавры. Собрались знакомые и родные, и отпраздновали пышную свадьбу так, что о пире потом целый год разговор шел.

И мне хотелось на свадьбу попасть, — да на грех меня-то и не позвали.

Заяц и Еж.

Раз в воскресенье под конец лета выдалось погожее утречко: яркое солнце взошло на небе, повеяло теплым ветерком, песни жаворонков наполняли воздух, пчелки жужжали среди гречихи, а добрые люди, по праздничному одетые, шли в церковь. Вся тварь Божья радовалась, и Еж тоже. Он стоял у своей двери, сложив лапки и, вдыхая утренний воздух, напевал потихоньку песенку, как уж умел. И пришло ему в голову вот что: "Пока жена детей моет да одевает, не прогуляться ли мне в поле и посмотреть на мою репу". А репное то поле ближе всего к его дому было, и он любил есть репу, а потому и считал ее своею.

Сказано — сделано. Пошел Еж по дороге в поле. Недалеко и от дома-то он ушел, глядь, а навстречу ему Заяц, он тоже вышел в поле, чтоб на свою капустку взглянуть. Увидел Еж Зайца, низко ему поклонился и с добрым утром поздравил. А Заяц и не подумал ответить на поклон Ежа, потому что считал себя уж очень знатным господином. Взглянул он на Ежа свысока и сквозь зубы процедил:

— Чего ты здесь так рано шляешься?

— Прогуливаюсь, — отвечал Еж.

— Прогуливаешься? — засмеялся Заяц. — Не много же ты нагуляешь на своих ногах.

Это обидело Ежа, он многое мог перенести, но намек на свои кривые ноги всегда задевал его за живое.

— Ты-то на своих ногах уж будто много нагуляешь! — сказал Еж Зайцу.

— Да уж наверно больше твоего.

— Бьюсь об заклад, что если мы побежим взапуски, так я тебя обгоню, — сказал Еж.

— Эх, не смеши!.. Ты на своих кривых ногах — и меня обгонишь! — воскликнул Заяц. — А впрочем, я, пожалуй, готов. Какой будет заклад?

— Поспорим на червонец да на бутылку водки.

— Ладно, — сказал Заяц, — ну, побежим!

— Нет, чего нам спешить, — отозвался Еж, — я еще сегодня не завтракал, вот я схожу домой, поем да через полчаса и приду сюда с тобой гоняться.

С тем и ушел Еж. По пути он стал раздумывать: "Заяц надеется на свои длинные ноги, ну а я пущу в дело мою голову, и он, конечно, проиграет заклад". Прийдя домой, Еж и говорит своей жене:

— Жена, одевайся поскорее да пойдем со мной в поле.

— Зачем? — спрашивает жена.

— Я с зайцем об заклад поспорил на червонец да на бутылку водки, что перегоню его, надо и тебе при этом быть.

— Что ты, что ты! — закричала ежова жена на мужа. — Да в своем ли ты уме? Ну куда тебе с Зайцем тягаться?

— Молчи-знай, жена! Это мое дело, а ты в наших мужских делах не судья. Одевайся и пойдем.

Что же оставалось делать ежовой жене? Пошла она вслед за мужем.

Идут они, и говорит Еж жене:

— Слушай, жена, как пустимся мы наперегонки, так Заяц побежит вдоль по одной борозде, а я по другой рядом! А ты стой на конце борозды, куда нам прибежать надо, и когда Заяц добежит до тебя, ты крикни ему: "А я уж тут!"

Дошли они до поля, Еж указал жене, где ей быть, а сам пошел вверх по полю. Заяц уже был на условленном месте.

— Начнем? — спросил он.

— Начнем! — отвечал Еж.

Заяц сосчитал: "Раз, два, три!" — и пустились они бежать вниз по полю. Только Еж всего шага три пробежал, потом и присел в борозде.

Добежал Заяц, сломя голову, до конца поля, а ежова жена высунула голову из борозды и кричит:

— Я уж здесь!

Удивился Заяц: он думал, что кричит-то ему сам Еж, потому что ежа по виду не отличишь от ежихи. "Тут что-то неладно!" — подумал он и крикнул:

— Ну-ка еще раз назад побежим!

И помчался назад, откинув уши на спину. А ежова жена преспокойно осталась на месте. Когда Заяц добежал до другого конца поля, тут Еж ему кричит:

— Я уж здесь.

Рассердился Заяц, страх, и крикнул:

— Побежим еще раз обратно!

— Ладно, — говорит Еж, — сколько угодно.

Так пробежал Заяц семьдесят три раза туда и обратно по полю, и Еж все его обгонял, каждый раз, когда он прибегал на один или на другой конец поля, либо Еж, либо Ежиха кричали ему: “Я уже здесь!”

В семьдесят четвертый раз Заяц уж и добежать не мог: перехва-

тило у него дыханье, повалился он среди поля на землю и ни ногой, ни рукой шевельнуть не может. А Еж взял выигранные им червонец и бутылку водки, кликнул жену свою, и пошли они домой, очень довольные друг другом. Коли их и теперь смерть не настигла, то они наверно еще живы.

Вот так-то и случилось, что еж зайца обогнал, и с того времени ни один заяц уж не хочет больше бегать взапуски с ежом. А с того же случая и пословица пошла: "Что ежиха, что еж, — ни за что не разберешь". Да и мораль у этой сказки есть: коли хочешь жениться, так в жены себе бери ровню, ежом родился — и женись на ежихе, лучше будет. Так-то!

Солдат и разбойники

Получил солдат чистую отставку. Так он ничему, кроме солдатского артикула, не обучался и ничем не умел заработать, пришлось ему бродить по миру и чуть не просить милостыню. Из солдатской амуниции только и осталось у него, что старая рваная шинель да пара форменных сапог без подметок.

Шел он раз, шел — не дорогою, — и забрел в неведомые ему места, в темный лес. Вдруг видит он, что на пенечке сидит человек, одетый в хорошее зеленое охотничье платье. Солдат поздоровался с ним за руку, присел около него на травку и вытянул ноги.

— Эх, приятель, — говорит солдат охотнику, — хороши на тебе, погляжу я, сапоги надсты: на ранту, тонкие и вычищены важно, только недолго бы они у тебя продержались, кабы тебе столько бродить пришлось, сколько мне. Гляди вот, мои сапоги, на что из здоровой кожи сшиты, а все в дырах.

Отдохнул солдат немного и опять говорит:

— Довольно отдыхать, надо хлеба добывать: меня, как волка, ноги кормят... Что, франт, сапоги в рант, не знаешь ли хоть ты тут в лесу дорогу?

— Не знаю, — отвечал охотник, — я и сам тут заблудился.

— Ну что же. Значит, ровня с ровней товарищи, вместе и дорогу разыскивать станем.

Охотник усмехнулся, и пошли они вместе. Шли-шли, уж темнеть стало.

— Вижу я, — говорит солдат, — что нам из лесу не выбраться. Вон точно огонек брезжит, не найдется ли там чего поужинать.

И правда, скоро подошли они к каменному дому, постучались, и им отворила старая старуха.

— Пусти, бабушка, переночевать, — сказал солдат, — да не дашь ли и поужинать, мы совсем отощали.

— Здесь не постоялый двор, — отвечала старуха, — а здесь разбойничий притон, убирайтесь-ка лучше отсюда подобру, поздорову, не то разбойники как вернутся да вас здесь найдут, не сносить вам голов.

— Что ж теперь делать? — говорит солдат. — У меня уже два дня во рту маковой росинки не было. Все равно, что здесь погибнуть, что в лесу с голода пропасть. Я войду.

Охотник было замялся, но солдат тащит его силком да приговаривает:

— Войдем, приятель! Ведь не сейчас за нас возьмутся.

Старуха их пожалела и говорит:

— Лезьте за печку. Коли от ужина что-нибудь останется, я вам остатки подам, когда разбойники уснут.

Только успели они забиться в угол, как в дом ввалились двенадцать разбойников, сели за стол и завопили:

— Эй, ты, старая кочерга, давай есть!

Старуха внесла большой кусок жареного мяса, и разбойники накинулись на него, точно неделю не ели. Почуял солдат запах жареного да увидал, как едят разбойники, и говорит охотнику:

— Не могу больше терпеть! Сейчас выйду, сяду за стол и стану есть. А там будь, что будет!

— Стой! — говорит охотник. — Ты нас обоих погубишь!

А солдат и слушать не хочет, да еще как закашляется...

Только разбойники это услышали, сейчас побросали вилки и ножи, вскочили из-за стола и вытащили обоих незваных гостей из-за печки.

— А, господа честные! Вы что тут делаете? Чего вам здесь нужно? Разведчиками присланы? Вот мы вас научим летать, когда на сук подвесим.

— Ну, ну, ладно, не грубияньте! — говорит солдат. — Я, как собака, голоден. Дайте поесть, а там делайте со мною, что хотите.

Разбойники даже опешили.

— Эге, — говорит атаман, — ты, брат, не трусливого десятка. Ладно, поешь, а там и в петлю.

— Все равно это потом будет, — сказал солдат, присел к столу и принялся уписывать жаркое за обе щеки.

— Ну-ка ты, франт, сапоги в рант, ступай сюда да ешь! — крикнул он охотнику. — Ведь и ты не хуже меня проголодался, а такого славного жаркого ты, пожалуй, и дома не едал!

Однако же охотник не захотел есть. Смотрят разбойники на солдата да диву дивуются: “Бесстрашный малый, нечего сказать!”

Наевшись до отвала, солдат сказал:

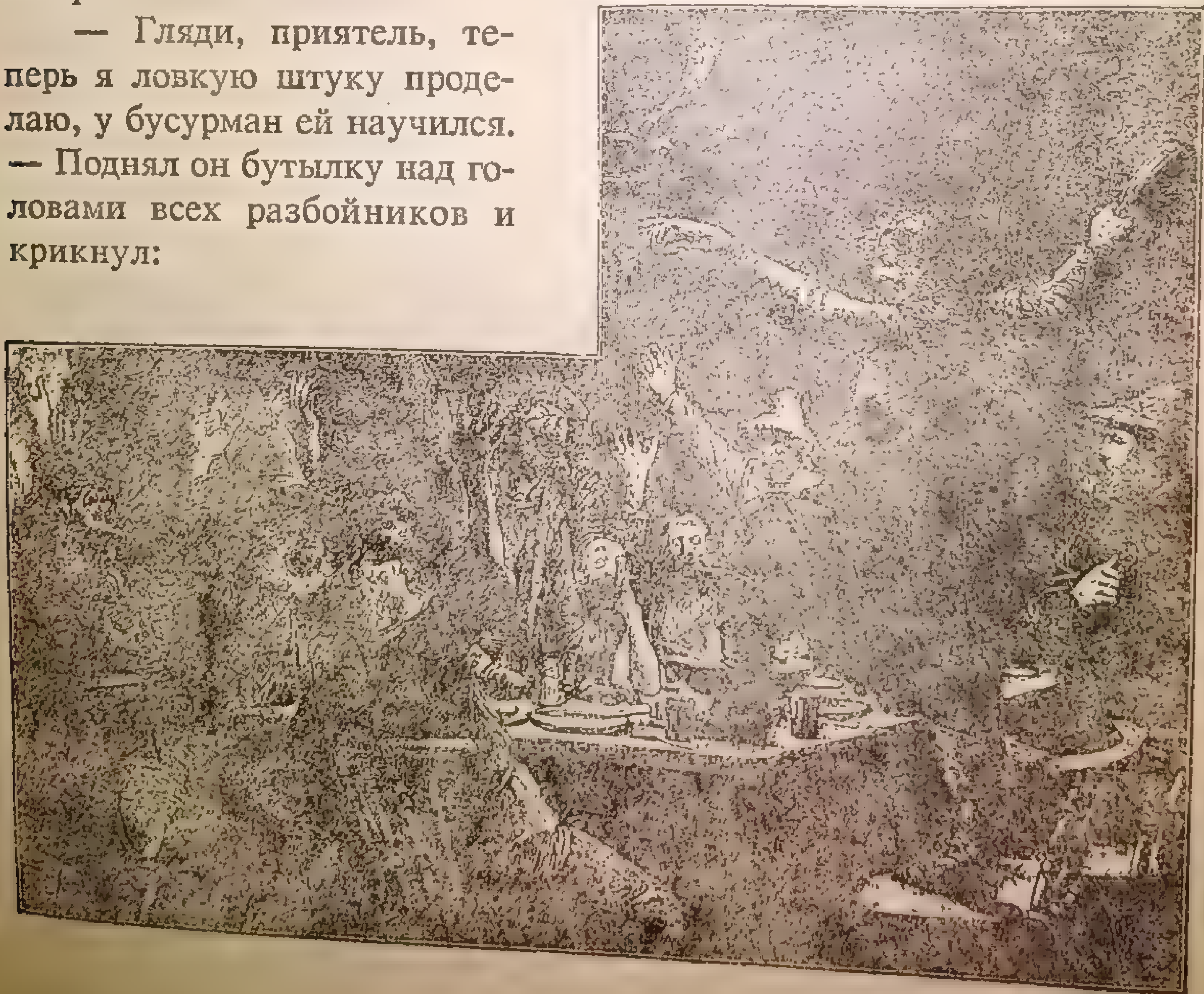
— Ну, теперь я сыт, хорошо бы и выпить чего-нибудь.

Атаман согласился и на это и крикнул старухе:

— Принеси-ка нам из погреба бутылочку да смотри, чтоб хорошее вино было!

Солдат тихо откупорил бутылку, подошел с нею к охотнику и говорит:

— Гляди, приятель, теперь я ловкую штуку проделаю, у бусурман ей научился. — Поднял он бутылку над головами всех разбойников и крикнул:

— Пью, ребята, за ваше здоровье, чтоб сидеть вам рот разинув и правую руку вверх подняв!

И дивное дело: только он это вымолвил, как все разбойники словно окаменели, сидят, не шелохнутся, рот разинув, правую руку вверх подняв.

Посмотрел на эту штуку охотник, и говорит солдату:

— Вижу, что ты умеешь ловкие фокусы проделывать. Однако пойдем-ка отсюда подобру-поздорову.

— Чего еще! — отвечает солдат. — Им теперь, брат, не двинуться, пока я не позволю. Садись-ка, поешь да выпей!

Наконец рассвело. Тогда солдат поднялся и пошел в город ближней дорогой, которую им волей-неволей должна была показать старуха. Дойдя до города, солдат прямехонько пошел к своим старым товарищам и сказал:

— Пойдемте-ка, ребята, за мной, я в лесу накрыл целое гнездо висельников. Поживимся. Да и ты, приятель, пойдем с нами, — обратился он к охотнику, — посмотри, как разбойники у нас в руках завертятся.

Когда пришли они в разбойничий вертеп, он взял бутылку, выпил из нее глоток, потом взмахнул ею и крикнул:

— За ваше здоровье!

В ту же минуту разбойники зашевелились, закрыли рты, опустили руки и кинулись было наутек, да не тут-то было: их тотчас схватили, связали по рукам и по ногам, побросали в телегу, как мешки, и повезли в тюрьму.

Между тем охотник отвел одного солдата из команды в сторону и что-то ему потихоньку сказал.

— Ну, франт, сапоги в рант, — говорит солдат охотнику, — мы свое дело сделали, врага одолели, поели, выпили, теперь поплетемся дальше полегоньку.

Только стали они подходить к городу, вдруг из него высыпали все горожане с радостными криками, а за горожанами выступает и вся королевская гвардия. Удивился солдат:

— Это что такое? — спрашивает он охотника.

А тот ему:

— Разве ты не знаешь, — говорит, — что здешний король долгое время в отлучке был? Вот теперь он возвращается в свое королевство, все и вышли ему навстречу.

— Да где же этот король-то?

— А вот он, — отвечал охотник, — я король. Тут он расстегнул свой охотничий кафтан и показал под ним свое королевское одеяние. Перепугался солдат, пал на колени, просит у короля прощения, что по незнанию с ним как с ровней обходился и называл “франт, сапоги в рант”.

Но король поднял его и сказал:

— Ты храбрый солдат и спас мне жизнь. С этого времени ты нужды не увидишь: живи в моем дворце, ешь, пей в свое удовольствие. Может быть, мое жаркое и не хуже того будет, что ты у разбойников ел. Только один тебе зарок: коли захочешь пить за чье-нибудь здоровье, сначала у меня на то позволенья спроси.

Пестрая шкурка

Много лет тому назад жил на свете король, и была у него жена такая красавица, что рассказать нельзя. У нее были чудные золотистые волосы. Заболела как-то королева, чувствует, что смерть приходит, призвала к себе короля и говорит ему:

— Дай мне слово, что если ты после моей смерти задумаешь опять жениться, то и вторую жену выберешь себе такую же как я, с такими же золотистыми волосами.

Король дал слово, и вскоре умерла королева.

Долго горевал король и не думал о второй женитьбе. Но все его приближенные стали говорить, что не пристало королю быть неженатым, что он должен жениться и дать своим подданным королеву. Король уступил их советам, и вот во все страны были разосланы гонцы искать невесту, которая была бы похожа на покойную королеву и с такими же золотистыми волосами. Но подобной красавицы не могли разыскать во всем свете.

А у короля была падчерица — вылитая покойная мать, с такими же золотистыми волосами. Как выросла она, да посмотрел на нее король попристальнее, так сейчас же и объявил своим придворным:

— Я женюсь на моей падчерице, потому что она — вся в мать, а другой невесты, похожей на покойную королеву, вы сами знаете, во всем свете отыскать не могли!

Испугались придворные и стали уговаривать короля изменить свое решение:

— Это против воли Божьей! — говорили они. — Грех не доведет до добра, и все королевство может погибнуть из-за этого преступления.

Но король стоял на своем.

Узнала об этом падчерица, испугалась и говорит королю:

— Прежде чем стать твоей женой, я желаю получить от тебя в подарок три платья: одно золотое, как солнце, другое серебряное, как месяц, и третье блестящее, как звезды. И еще плащ, сшитый из тысячи кусков всевозможных мехов так, чтобы в этом плаще было по лоскуту от шкуры каждого зверя, какие только водятся в твоем королевстве.

Король отыскал таких искусных мастериц, которые сумели соткать для падчерицы три платья: золотое, серебряное и блестящее, как звезды. Потом он приказал своим охотникам переловить всех зверей в своих владениях и вырезать у каждого из шкуры по лоскуту, из этих лоскутов был сшит плащ. Когда все было готово, король взял платья и плащ, отнес их падчерице и сказал:

— Завтра наша свадьба!

Видит королевна, что не уговорить ей короля, и задумала она бежать из замка. Ночью, когда все спали, взяла она свои три платья, уложила их в ореховую скорлупку, захватила также золотое колечко, сережки и крестик, накинула на себя плащ из разных мехов, а лицо и руки себе сажей вымазала и потихоньку вышла из замка. Целую ночь шла королевна и на рассвете пришла в дремучий лес. Сильно утомилась она, забралась в дупло большого дерева и сейчас же крепко заснула.

В этом лесу охотился королевич. Собаки подбежали к дереву, где спала королевна, и начали лаять. Заметив это, королевич приказал егерям посмотреть, кто укрывается в дупле. Егеря заглянули в дупло и доложили королевичу:

— Там спит такой диковинный зверь, какого нам отродясь не доводилось видеть. Шкура его состоит из тысячи кусочков всевозможных мехов!

— Сейчас же изловить живьем этого зверя и доставить в мой замок! — сказал королевич.

Егеря бросились исполнять приказание, только дотронулись они до королевны, та проснулась и говорит им:

— Я бедная сирота, сжальтесь надо мной, добрые люди, возьмите меня к себе.

— И то правда, — сказали егеря, — ты можешь на королевской кухне пригодиться, пойдем с нами.

Посадили ее на повозку и поехали в замок королевича. Там указали ей под лестницей маленькую коморку. Стали посылать ее на кухню, носить дрова, воду и щипать перья с битой птицы, выгребать золу и делать разную черную работу.

И стала жить Пестрая Шкурка на кухне у королевича.

Справляли раз в замке праздник. Пестрая Шкурка стала просить повара, чтобы он позволил ей сходить посмотреть на гостей, за дверью постоять. И позволил ей повар отлучиться из кухни, только не больше чем на полчаса.

Побежала Пестрая Шкурка в свою каморку, скинула меховой плащ, смыла с лица и рук сажу, потом открыла ореховую скорлупку и вынула оттуда платье золотое, как солнце. Нарядилась она и стала такой красавицей, что, когда вошла в королевский зал, все так и ахнули от удивления. Королевич вышел ей навстречу и танцевал с ней одной целый вечер. Как только танцы кончились, Пестрая Шкурка поклонилась королевичу и убежала, только ее и видели. Куда она скрылась, никто не мог сказать. Королевич допросил всех стражей, что стояли перед замком, но и те отвечали, что никто не выходил из дворца. А Пестрая Шкурка возвратилась в свою каморку, убрала свое золотое платье, накинула плащ и опять обратилась в замарашку. Потом вошла в кухню и хотела было выгребать золу, а повар ей говорит:

— Оставь золу до завтра, свари-ка суп королевичу, а я тоже сбегаю наверх, погляжу на праздник. Только смотри, чтоб ни одного волоска в суп не попало, а то я тебя и кормить не стану.

Повар ушел наверх, а Пестрая Шкурка сварила, как сумела, суп и, когда он поспел, опустила золотое колечко в миску с супом.

Между тем бал кончился, и королевич приказал подать себе ужин. Стал он суп есть, и так ему он пришелся по вкусу, что съел королевич всю миску до дна. Глядь, а на дне лежит золотое колечко. Он никак не мог понять, как оно сюда попало, и приказал позвать к себе повара. Повар, думая, что королевичу суп не понравился и что он хочет его наказать за это, перепугался и говорит Пестрой Шкурке:

— Верно, как-нибудь волос в суп попал? Смотри, не миновать тогда тебе колотушек!

— Кто варил суп? — спросил королевич повара, когда тот пришел к нему.

— Я!

— Неправда, суп сварен совсем по-другому, чем ты варишь, и гораздо вкуснее.

Видит повар, что не миновать правду сказать и говорит:

— Виноват, государь, не я суп варил, а Пестрая Шкурка.

— Поди, — сказал королевич, — приведи ее ко мне.

Пришла Пестрая Шкурка к королевичу, а тот ее спрашивает:

— Кто ты и откуда?

— Я круглая сирота, отвечает Пестрая Шкурка, — нет у меня в целом свете никого близкого. И здесь-то всякий помыкает мною да надо мной издевается!

— А откуда ты взяла золотое кольцо, что положила в мою миску с супом?

Знать ничего не знаю, ведать не ведаю, никакого кольца у меня не было! — ответила она.

Так королевич не смог ничего разузнать и отпустил ее.

Немного времени спустя, в королевском замке снова был праздник, и Пестрая Шкурка, как в прошлый раз, попросилась у главного повара посмотреть на танцующих.

— Ступай! — говорит ей повар. — Но через полчаса ты должна вернуться сюда и сварить для королевича суп, который ему так понравился.

Пестрая Шкурка пошла в свою каморку. На этот раз она надела платье серебряное, как месяц, и пошла наверх. И опять все не могли надивиться красотой ее, а королевич танцевал с нею весь вечер. Когда танцы кончились, она снова исчезла так быстро, что никто и не заметил, и, переодевшись, пришла на кухню. Там сварила она суп для королевича, налила его в миску и положила в нее сережки.

Королю суп еще вкуснее прежнего показался. Как увидел он в миске сережки, так и узнал, что суп варил не повар, а опять Пестрая Шкурка, и приказал позвать ее к себе. Но сколько он ее ни расспрашивал, опять ничего не узнал.

Когда королевич и в третий раз задал бал в своем замке, повторилось то же самое. Только главный повар, хоть и отпустил Пеструю Шкурку посмотреть на пирующих, но сказал ей:

— Ты, Пестрая Шкурка, колдунья и что-нибудь подкладываешь в суп, потому-то он так нравится королевичу!

А Пестрая Шкурка, нарядившись в платье блестящее, как звезды, пошла на королевский бал. Никогда еще она не была так прекрасна, как в этот раз, всех она очаровала, а королевич опять танцевал с ней весь вечер и ухитрился незаметно надеть ей на мизинец золотое колечко. Когда танцы кончились он хотел удержать ее за руки, но она юркнула в толпу и мигом скрылась из глаз. Прибежала она в каморку, но так как

пробыла на пиру более получаса, то и не успела снять своего блестящего платья, а накинула плащ сверху. Впопыхах она не вымазала хорошенько сажей себе лицо и руки, и мизинец ее остался чистым. Сойдя в кухню, она приготовила суп и положила в него золотой крестик.

Суп еще больше королевичу по вкусу пришелся, увидел он золотой крестик и приказал сейчас же позвать Пеструю Шкурку.

Как только Пестрая Шкурка вошла к королевичу, он сейчас же заметил колечко, сверкавшее на ее пальце, и крепко схватил ее за руки. Хотела было она вырваться, но плащ ее распахнулся и из-под него блеснуло ее платье, сиявшее, как звезды. Королевич взял ее за руку, вывел к своим придворным и сказал:

— Вот моя дорогая невеста, а ваша будущая королева!

Скоро и свадьбу сыграли, и хоть я на ней не пировал, а слыхал, что такой пышной свадьбы еще никогда не бывало.

Хитрая наука

У одного мужика был сын. Отец отдавал его в ученье всякому мастерству, но парень был ни на что не способен. Вот пришел раз мужик к соседу и спрашивает:

— Послушай-ка, друг, посоветуй, какому ремеслу обучить сына. Отдавал его всяким мастерам, да все нет толку.

— А ты отдай его колдовству учиться, — говорит сосед, — выгоднее этого ремесла нет. Живи припеваючи и деньги загребай.

— Что ж, это неплохо, — говорит мужик, — отдам его колдовству учиться.

Взял он сына, и пошли они искать колдуна. Идут лесом, видят — маленькая избушка стоит, а из окна старушонка выглядывает.

— Эй, бабушка, — говорит мужик, — не знаешь ли ты, кому мне отдать сына колдовству учиться?

— Этому ремеслу он здесь обучиться может, — говорит старуха. — У меня сын хороший мастер этого дела.

— Ладно, — согласился мужик, — позови-ка своего сына.

Пришел старухин сын, переговорили.

— Я берусь выучить парня колдовству, — говорит мастер, — с тем уговором, что если через год придешь сюда и узнаешь своего сына, я с тебя ничего не возьму за ученье, а если не узнаешь, заплатишь мне двести рублей.

Мужик согласился и отдал своего сына в ученье.

Через год пошел отец брать сына. Идет дорогой и думает: "Как мне сына узнать?" Попадается ему навстречу маленький худой старичок и спрашивает:

— О чем, дядя, задумался? Что голову повесил?

Тот и рассказал ему свое горе.

— Боюсь я сына не узнать, милый человек, — говорит, — придется деньги платить, а где денег взять?

— А ты вот что сделай: возьми корзинку с хлебом, да как придешь к мастеру, стань у печки. Вылетит из клетки птичка — прямо к тебе, это и есть твой сын.

Пришел к колдуну мужик и сделал так, как научил его старичок. Вылетела из клетки птичка — и прямо к нему.

— Вот, мой сын, — говорит мужик.

А мастер ему:

— Это сам черт тебе помог, а то тебе бы не догадаться.

Оборотилась птичка в человека, и говорит сын отцу:

— Пойдем, батюшка, отсюда скорее, а то худо нам будет.

Пошли отец с сыном домой. Видят, по дороге карета едет, а в ней барин сидит. Сын и говорит отцу:

— Слушай, батюшка, обернусь я сейчас борзой собакой, а ты продай меня барину, да подороже.

Обернулся он собакой, а барин выглянул из повозки и кричит:

— Эй, дядя, не продашь ли мне собаку?

— Отчего не продать?

— Сколько?

— Сто рублей.

— Дорого, ну да ладно, собака хорошая, получай деньги!

Отдал барин деньги, собаку с собой взял. Только отъехал немного, а собака как выскочит из кареты сквозь стеклянное окошко, только ее и видели. И опять сын около отца очутился.

Идут они дальше. Пришли в деревню на базар. Сын и говорит отцу:

— Обернусь я конем дорогим, а ты меня продай. Только не забудь при продаже узду снять, а то мне не обернуться опять человеком.

Обернулся сын конем, повел отец коня на базар и продал за двести рублей тому колдуну, у которого его сын обучался. Так обрадовался мужик деньгам, что и колдуна не признал и узду забыл снять с коня. Привел колдун коня домой, поставил в стойло, а узды не снял. Стоит конь, пригорюнившись. Пришла в конюшню служанка, и говорит ей конь человечьим голосом:

— Сними с меня, девица, узду.

Удивилась служанка, что конь говорит человечьим голосом, сняла с него узду. Как раз в ту минуту вошел колдун в конюшню, чтобы с учеником по-своему расправиться, а тот обернулся воробьем и выпорхнул из окна, а колдун за ним черным вороном. Обернулся молодец в реке окунем, а колдун зубастой щукой. Выскочил молодец на берег и рассыпался по песку пшеничными зернами, а колдун обернулся петухом и давай клевать те зерна. Самое последнее зернышко превратилось в лисицу, схватила она петуха за горло и оторвала ему голову.

Золотые дети

У одного рыбака не было за душой ничего, кроме ветхой избушки, и кормился он со своей женой одной рыбой: что добудут, то и съедят. Раз закинул рыбак невод и выловил золотую рыбку. Удивился он, а рыба и говорит ему человечьим голосом:

— Слушай, рыбак! Отпусти-ка ты меня опять в синее море. А я за это твою ветхую избушку обращу в богатейший замок.

— Что мне в твоем дворце, — отвечает тот, — когда у нас с женой есть нечего.

— И об этом не заботься: в замке ты найдешь такой шкаф, в котором, как отворишь его, появятся разные кушанья, — ешь не хочу! Но с одним уговором я тебе дам это все: никому на свете не сказывай, откуда взялось твое счастье. Коли хоть словом обмолвишься, — все пропало!

— Быть по-твоему! — говорит рыбак. — Гуляй себе в синем море. — И отпустил рыбку.

Приходит он домой и глазам своим не верит: на том месте, где была его избушка, стоит прекрасный замок. Вошел он в него и видит — сидит его жена, разряженная в бархат, лицо у нее веселое, довольное.

— Полюбуйся-ка, муженек, — говорит, — откуда столько всего взялось?

— Погоди, жена, мне что-то поесть хочется. Дай-ка чего-нибудь перекусить!

— Да у меня нет ничего, а в новом месте я не знаю, где что и взять!

— Поди-ка, отвори вон тот большой шкаф, может, в нем что-нибудь и найдется из съестного.

Отворила жена шкаф, а в нем всякой снеди видимо-невидимо.

— Вот уж подлинно чудеса, — говорит она, — здесь есть все, чего душа пожелает!

Сели они сейчас же за стол и начали пить и есть. Наевшись досыта, спрашивает жена мужа:

— Голубчик, муженек, скажи ты мне, откуда нам такое счастье привалило?

— И не спрашивай лучше, жена. Не могу я никому про то сказать: скажу — не видать нам нашего счастья, как ушей своих!

— Ну, что ж, муженек, нельзя — так нельзя, я и допытываться не буду! — говорит жена, а сама думает: "Уж не я буду, коли не узнаю, откуда все это взялось". Не давала она мужу ни днем, ни ночью покоя своими расспросами, пока не вывела его из терпения и не рассказал он ей о диковинной золотой рыбе. И как только рассказал, исчез прекрасный замок и очутились муж с женой опять в своей ветхой избушке.

Пришлось мужику вновь рыбачить, чтобы с голоду не умереть. На его счастье, золотая рыба опять попалась ему в невод.

— Слышь-ка! — говорит рыба. — Если ты меня и на этот раз пустишь в море, то я верну тебе прежнее богатство. Только берегись, никому ни словечка! Не то опять все потеряешь!

— Нет, уж теперь меня никому не выспросить! — сказал рыбак и пустил рыбку в море.

Возвратился он домой и видит: вместо избушки опять стоит замок, а жена встречает его радостная и спрашивает:

— Как это тебе, муженек, удалось вернуть наше богатство?

— Молчать! Не смей спрашивать! — прикрикнул на нее муж. — Или опять хочешь в старой избе очутиться да голодать?

Притихла баба, да не надолго, разбирает ее любопытство, и начала она дня через два опять мужа выспрашивать. Разозлился рыбак, выдал тайну, и в тот же миг чудного замка как не бывало.

— Вот на же тебе! — говорит рыбак. — Полюбуйся! Теперь нам опять придется зубы на полку положить.

— Ну что ж, я уж лучше соглашусь нужду терпеть, чем быть богатой и не знать, откуда взялось это богатство... Все равно я не успокоилась бы.

Пошел опять мужик рыбачить, и в третий раз поймал ту же золотую рыбку.

— Вот что, — говорит ему рыба, — видно уж судьба моя попасться в твои руки, неси меня к себе домой и разрежь на шесть частей, две из них дай съесть жене, две — твоей лошади, а остальные две зарой в землю и увидишь, какое счастье получишь.

Рыбак так и сделал. Из двух частей рыбы, зарытых в землю, выросли две золотые лилии, лошадь, съев другие две части, принесла пару золотых жеребят, а жена рыбака родила двух сыновей-близнецов, тоже золотых.

Много лет прошло с тех пор. Сыновья рыбака выросли, выросли и жеребята. Наскучило молодцам дома сидеть, захотелось им людей посмотреть и себя показать, вот и говорят они отцу:

— Батюшка, сядем мы на наших золотых коней да поедем странствовать по белу свету!

— Ох, тяжело мне с вами, детушки, расставаться, — говорит отец. — Уедете вы Бог весть куда, и не буду я знать, живы ли вы, нет ли?

— Нет, батюшка, ты всегда можешь узнать о том, что будет с нами, по золотым лилиям: если они будут свежи, значит, мы живы и счастливы, увянут — с нами или болезнь или беда какая приключилась, а если опадут лепестки с них, ну тогда и нас, значит, в живых нет.

И отпустил отец своих сыновей странствовать.

Долго ли, коротко ли ехали братья и приехали в большой город, где и остановились отдохнуть в гостинице. В той гостинице было много других гостей, увидели они золотых близнецов, окружили и давай подсмеиваться над ними. Один из братьев не стерпел этих насмешек, сел на коня и вернулся на родину, к отцу. Другой поехал дальше. Подъехал он к лесу дремучему, а прохожие и говорят ему:

— Не езди, молодец, этим лесом, в нем разбойники пошаливают, увидят они, что ты и конь твой золотые, живо вас обоих укокошат.

Но молодец не струсил, отправился в лес, и попались ему два медведя. Убил он медведей, снял шкуры, одной накрыл своего коня, а другой сам накрылся. Едет дальше и слышит, в кустах кто-то переговаривается.

— Вот и добыча нам, молодец какой-то едет!

— Ну его! Это лесник. С этого взять нечего.

Едет он дальше и приезжает в город, остановился на ночлег в доме одного купца, у которого были две дочери красавицы. Видит младшая дочь, молодец собой красив и статен, хоть у него лицо грязью вымазано и сверху накинута шкура. Полюбился он ей, улучила она вечером минуту и говорит:

— Уезжай-ка скорее отсюда, а то отец замышляет против тебя недоброе: польстился он на твоего золотого коня и сегодня ночью хочет тебя убить.

Послушался молодец да и девушку уговорил убежать с ним вместе из отцовского дома.

Пришла ночь, взял купец нож и подошел к дверям комнаты, где ночевал гость. Смотрит в замочную скважину и видит: огонь горит, а никого нет. Отпер дверь, стал искать молодца, а того и след простыл, да и дочь вместе с ним убежала.

Долго ли коротко ли, едет молодец с девушкой на золотом коне по дремучему лесу. Видит, избушка стоит, из окна старуха выглядывает.

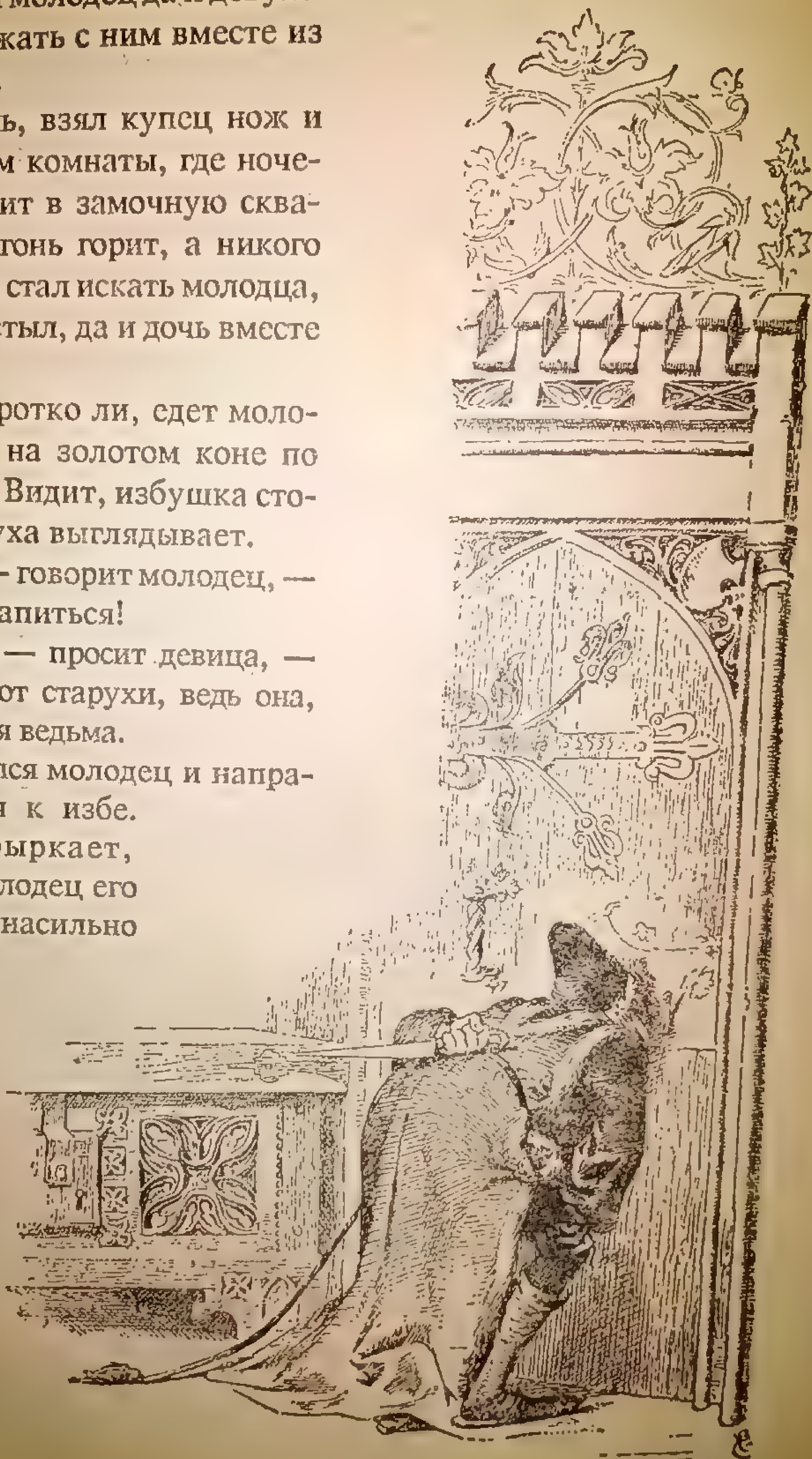
— Заедем, — говорит молодец, — к старухе воды напиться!

— Не езди, — просит девица, — будет тебе худо от старухи, ведь она, говорят, страшная ведьма.

Не послушался молодец и направил своего коня к избе. Конь не идет, фыркает, упирается, а молодец его плеткой бьет, насильно вперед посылает.

— Эй, бабушка, — кричит. — Дай-ка нам воды напиться!

Вышла старуха, подала воды, а сама клюкой до молодца и до коня до-

тронулась, в один миг и конь и всадник оборотились в камни, а девушка стала птичкой.

Полетела птичка к отцу и матери жениха, бьется в окно избушки и кричит жалобно. Вышел брат жениха и видит: лилия совсем засохла, а птичка перед ним порхает, словно зовет куда-то. Понял тогда он, что с младшим братом случилось недоброе, снарядился в путь, сел и поехал: птичка ему дорогу указывает, с ветки на ветку перепархивает. Привела птичка к дремучему лесу, видит молодец — избушка стоит. Стал он коня погонять, а конь фыркает, упирается.

— Ах ты, волчья сыть! — кричит молодец. — Что ты спотыкаешься, или я тебя мало кормил? — И стал бить коня, а пичужка и говорит ему человечьим голосом:

— Не бей коня, молодец, он тебе добра желает, от погибели тебя отводит, слезь, привяжи его, а сам полезай на дуб и слушай, что ночью будут под дубом говорить.

Послушался молодец птички, залез на дуб и сидит. Ровно в полночь собралось под дубом видимо-невидимо всякого лесного народу, все маленькие седенькие старички в зеленых кафтанах, в красных шапочках. Идет между ними разговор, рассказывают, что случилось за день в лесу: какие ведьма пакости собирается творить, в камни людей превращать и как ее выжить из лесу. Между прочим и говорят:

— Кабы знали люди, что, если кто из них съест желудь с этого дуба, на того не подействуют ведьмины чары, и ведьму можно убить. А чтобы оживить камни, стоит только помазать их ее кровью.

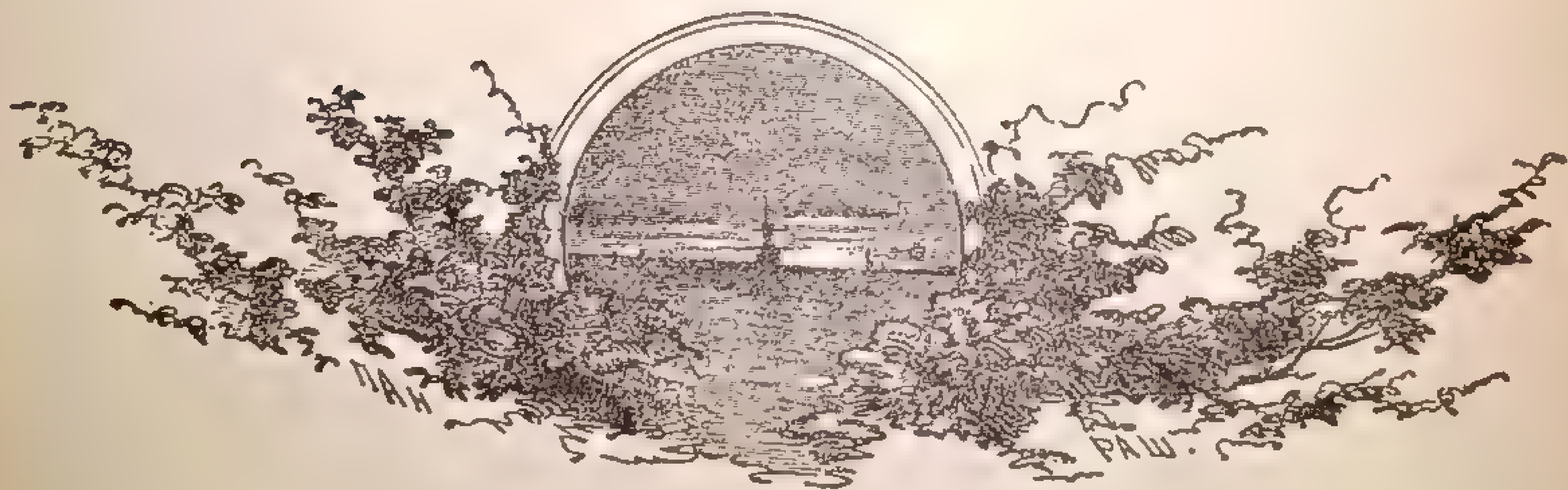
Наутро слез молодец с дуба, съел желудь и поехал к ведьме. Попросил у нее напиться, принесла ведьма воды и коснулась его клюкой. А молодец схватил меч и стал рубить ведьму. Раскинула ведьма черные крылья и бросилась на молодца, а тот ее мечом рубит, конем топчет. Вдруг прилетела птичка, кинулась ведьме в лицо и выклевала ей глаза. Одолел тогда молодец ведьму, помочил в ее крови платок и вытер им камни, которые вокруг избушки лежали. Ожил его брат с конем и все люди, которых ведьма в камни превратила, птичка обернулась красавицей девушкой, и поехали они втроем из леса.

Приехали они все трое в город к отцу невесты. Купец рад не рад гостям, должен был принимать их, а тут и другой брат просит руки сестры невесты.

— Хорошо, — говорит купец, — отдам я своих дочерей за вас, только убейте своих золотых коней и разменяйте золото. А за бедняков я не отдам дочерей по доброй воле.

Что было делать братьям, жаль им своих верных коней, стали они думать да гадать, как поступить, и решили тайком обвенчаться с девицами.

Ушли они потихоньку в церковь, только что их обвенчал священник, как вдруг спало с них золото и рассыпалось около них грудами, а сами они стали молодцами краше прежнего. Собрали золото, пришли домой, смотрят, в конюшне вместо золотых коней стоят белые, как снег, а около них кучи золота насыпаны. Набрали молодцы золота полные мешки, дали еще много купцу и поехали с молодыми женами домой к своему отцу с матерью.

Госпожа и служанка

Была у одного бедного дворянина дочка, добрая, ласковая и собой красавица такая, что весь свет обойти, другой не найдешь. Услышал про нее молодой король той стороны и пишет ее отцу: “Слышал я про красоту твоей дочки. Шлю своего слугу с двумя конями. Немедля посылай дочь ко мне, если она такая, как о ней люди говорят, я возьму ее за себя замуж”. Было это в старые времена, когда люди проще жили, карет не знали, а ездили и в дальнюю дорогу просто, на конях.

Королевского приказа нельзя ослушаться. Отпуская дочку, говорит ей мать:

— Нельзя тебе, дитятко, в дороге без женской прислуги быть, послать нам с тобой, кроме девки Чернавки, некого, но берегись ты ее, чтобы она над тобой ничего худого не сделала, а если случится с тобой недоброе, пришли нам вот это золотое колечко, с кем сможешь, мы тогда сами тебя выручать поедем.

Благословили старики дочку и отпустили.

Едет девушка день, другой, третий и говорит ей раз королевский слуга:

— Подожди меня здесь в лесу около гремучего колодца, пока я в соседнее село куму проведать съезжу.

Осталась девица ждать слугу, захотелось ей воды напиться, и молвит она служанке:

— Дай мне воды.

А та ей:

— Возьми чашку да сама зачерпни.

Стала девица воду черпать, наклонилась над колодцем, а Чернавка схватила ее, бросила в колодец и говорит:

— Отдавай мне твое платье, все твои уборы и будь моей служанкой, не то утоплю тебя в колодце.

Нечего делать, согласилась девица, выбралась из колодца и переоделась в платье служанки, а та отняла у нее золотое материно колечко, в ее уборы нарядилась, набелилась, нарумянилась, и стала хоть куда. Бывшей же госпоже своей вымазала клейкой грязью лицо, руки и все тело ее белое и строго-настрого наказала молчать о случившемся.

Приехал королевский слуга из села. С жары да усталости бросился он к колодцу воды напиться, наклонился, а Чернавка толкнула его в воду, и утонул он в глубоком колодце.

Поехали девицы дальше. Чернавка впереди на борзом коне в дорогом уборе едет, а бывшая ее госпожа сзади на старой кляче тащится. Близко уж и город, где молодой король жил, вдруг видит девица, Чернавкина служанка, около дороги в канаве лежит маленький гусенок, чуть живой, с холоду и голоду умирает. Слезла девица с лошади, подняла гусенка и спрятала его за пазуху. А Чернавка ей:

— Ишь, — говорит, — какая жалостливая, дохлых гусят по канавам собирает. Ну, приедем, будешь у меня, сколько угодно, гусей пасти.

Встретил их молодой король у ворот, снял Чернавку с коня, ввел во дворец, а на настоящую свою невесту и не взглянул, пришлось ей в людскую идти, с судомойками жить. Когда сел молодой король с Чернавкой ужинать, она и говорит ему:

— Взяла я с собою для прислуги в дороге девку Чернавку, теперь она в людской болтается. Прикажи ей дать хоть какую-нибудь работу, чтобы совсем не обленилась: пусть хоть гусей пасет.

И приказал король, чтобы его настоящая невеста гусей пасла вместе с мальчишкой пастушонком.

Время идет да идет. Чернавка все в королевском дворце живет, король уж на ней жениться подумывает, а настоящая его невеста на утренней заре в поле с гусями выходит, на вечерней — домой возвращается, рваным платьишком одевается, слезами умывается.

Гусенок, которого она от смерти спасла, вырос в большого белого гуся, ходит он за своей хозяйкой, ни на шаг не отстает. Раз сидит она в поле, плетет свою русую косу, мальчишка пастушонок около бегает, гуси кругом пасутся, вдруг слышит она, кто-то тихо говорит:

Подуй ветер, ветерок,
Сдуй с мальчишки колпачок!

Откуда ни возьмись, дунул ветер, сорвал с пастушонка его шапку и понес, покатил по полю. Мальчишка за ней, она от него... Смотрит девица на это, улыбается, а ее гусек подошел к ней, вытянул шею и говорит человечьим голосом:

— Слушай, хозяюшка, пока мальчишка за шапкой гоняется. Выручай скорее свое колечко от Чернавки да посылай отцу с матерью, а то скоро король на твоей служанке женится!

— Да как же я, гусек, колечко добуду? — спрашивает девица.

— Ну коли не знаешь как, надо мне за это дело взяться, — говорит гусь. Тут вернулся мальчишка с шапкой, и гусек отошел от хозяйки.

Забрался гусь в густые кусты и давай отыскивать птичье гнездышко. Нашел он гнездо, сидит в нем птичка малиновка со своими птенцами.

— Разорю я твое гнездо и малых деток твоих погублю, — говорит гусь, — коли не сослужишь ты мне службу. Достань из дворца у девки Чернавки золотое колечко, что она на пальце носит, и принеси мне.

Обещала птичка малиновка, вспорхнула и полетела во дворец. Влетела в окно, высмотрела все, — нельзя достать. Прилетела назад и говорит гусю:

— Не смогла я достать кольца, носит девка Чернавка его на пальце: коли снимет она его, тогда я принесу.

Ходит гусь по лугу, нашел мышиную нору и стал ее клювом разрывать. Добрался до мышиного гнезда: сидит в нем мышь с тремя мышатами. Схватил гусь мышонка клювом и говорит маме-мыши:

— Задушу твоего мышонка, коли ты не достанешь мне кольцо с пальца девки Чернавки, что во дворце живет.

Обещала мышь достать кольцо и побежала во дворец. Как пришла темная ночь, легла девка Чернавка спать, а мышь залезла на постель и укусила ее за палец больно-пребольно. Проснулась девка Чернавка, стала мышь ловить, а той и след простыл. Видит Чернавка, палец пухнуть стал, кольцо в тело врезается. Сняла она его и положила на окно. Откуда ни возьмись, влетела птичка малиновка, схватила кольцо и понесла его гусю. Летит она над глубоким озером, а навстречу ей сова. Испугалась птичка, выронила кольцо, и упало оно в воду на самой середине озера.

Как узнал гусь, что кольцо на дне озера лежит, бросился скорее туда, нырнул и поймал рыбку. Взмолилась рыбка, просит помиловать, не губить ее.

— Созови своих подруг, — говорит гусь, — пусть достанут со дна озера золотое кольцо, тогда отпущу тебя!

Созвала рыбка своих товарищей, нырнули они в разные стороны, мигом разыскали кольцо и несут его гусю, а тот принес девице.

— С кем же я отправлю кольцо отцу-матери? — говорит девушка. — Снеси сам, милый гусек, сослужи службу последнюю.

Полетел гусь на родину девушки и принес кольцо ее отцу и матери. Собрались они сейчас же и поехали к королю свою дочку выручать.

Как узнали они от дочери про девку Чернавку, рассказали обо всем королю. Приказал король девку Чернавку схватить и отвести в тюрьму, а пастушку призвал к себе и скоро с ней свадьбу сыграл.

Репа

Жили-были в деревне два соседа — один богатый, другой бедный. У бедного ничего не было кроме грядки земли. Перекопал эту грядку бедняк и посеял на ней репу, посеял и думает: "Ну что ж, вырастет, — воз наберу, в город свезу, деньги получу, себе шубу куплю".

Все бы хорошо, да и тут бедняку неудача. Из всех его семян выросла одна большая-пребольшая репа, всю грядку заняла. "Что мне с ней делать? — думает мужик. — Самому есть — много, людям продать — мало дадут. Лучше подарю я ее королю: у него ведь всяких диковинок много". Взвалил мужик репу на телегу и повез к королю, а лошадь взял у своего богатого соседа. Приехал к королю и говорит:

— Сеял я репу, да выросла она у меня такая диковинная, что ни самому посмотреть, ни людям показать. Только королю на нее и любоваться.

Король был доволен, что мужик о нем помнит, и приказал ту репу убрать, а в телегу золота насыпать, сколько влезет. Поблагодарил мужик, сел на облучок, едет да посвистывает. Подъехал к своему дому, а ребятишки богатого соседа навстречу бегут и кричат:

— Много ли тебе король за репу дал? Небось и теперь спина чешется?

— Эх вы, малыши, — отвечает мужик, — куда вам рассуждать о таких делах! Вот глядите! — И показал мужик на телегу, полным-полнехонькую золотом.

Богато зажил мужисок, стало завидно его соседу. "Погоди ты, — думает, — коли за репину король такую махину денег отвалил, так я и не то ему еще подарю". Выбрал самых лучших лошадей, запряг их в новенькую повозку и поехал к королю.

— Вот, Ваше Величество, — говорит он, — прими от меня этих лошадок на поклон!

— Чем же тебя отдарить? — спрашивает король.

— Да чем твоей королевской милости угодно будет, — отвечает мужик.

— Дал бы я тебе денег, да у тебя и своих много, а вот привез мне недавно один мужичок диковинную репу, так я тебе ее и дарю.

И велел король этому мужику диковинную репу отдать. Что делать? Едет богач домой и чуть с горя не плачет. "Ну, — думает, — отплачу я тебе, сосед, за эту репу!"

Приехал он домой и говорит работникам:

— Изловите мне этого нового богача и утопите в реке.

Тем что? Известно, народ подневольный! Подстерегли они как-то бывшего бедняка соседа, посадили в мешок и тащат к реке. А дорога лесом шла. Идут работники, и тяжело им стало мешок тащить.

— Стоит ли такую тяжесть на себе таскать, — говорят, — он уж, чай, давно в мешке задохся. Повесим-ка мешок на дерево, и баста!

Повесили они мешок да еще веревкой к стволу прикрутили, и пошли домой.

А мужик в мешке не задохся, проделал он в нем дыру, высунул руки и голову и смотрит по сторонам. Видит, едет какой-то молодой барин. Лошадь у него тысячная, а седло и того дороже. Сидит мужик в мешке и кричит:

— Бедный я, бедный! Ни читать, ни писать не умею, а меня судьей хотят сделать.

— Что ты там толкуешь? — спрашивает барин.

— Да вот, — говорит опять мужик, — читать-писать не умею, законы велики, с ними не справишься, а меня судьей выбрали. Я было не хотел, да воля то не наша, посадили меня в мешок и говорят: "Сиди, пока не согласишься!" Скоро, говорили, придут, и, если не вздумаю судьей быть, утопят меня.

— Ну и дурак же ты, — говорит барин. — Сам неграмотен — писаря найми, известно, что писари все законы знают.

— Эх, батюшка барин, вы, известно, люди ученые, вам лучше знать, а наше дело темное, крестьянское.

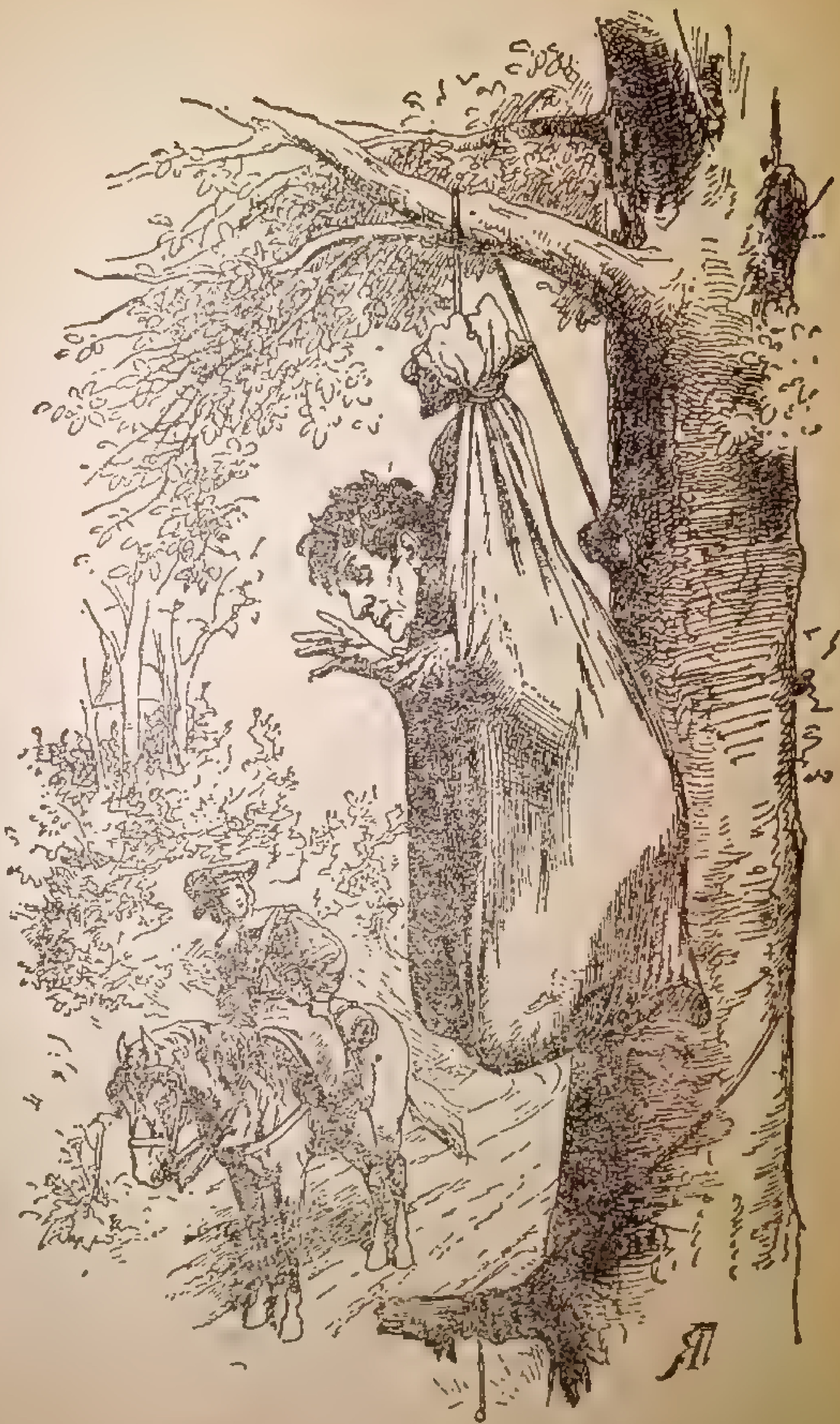
Подумал барин немного и говорит:

— Если тебе уж так не хочется судьей быть, давай я за тебя посижу!

— В ножки поклонюсь, — говорит мужик, — только вот отвяжи скорее веревку и спусти меня на землю, а то скоро за мной придут.

Спустил барин мужика на землю, а мужик ему говорит:

— Что ж, полезай на мое место, там меня не знают, где выбрали судьей. Только вот хорошо было бы, если бы платьем мы поменялись.

— Ладно, — говорит барин, — снимай поскорее свои отрепья и бери мой кафтан, а то, неравно, кто увидит.

Переменились они одеждой, посадил мужик барина в мешок, повесил на дерево, сел на его коня и поехал к себе в деревню.

Едет он по улице да по сторонам поглядывает. А навстречу ему богатый сосед.

— Здравствуй, — говорит, — кум!

— Здравствуй!

— Как живешь-можешь?

— Да ничего, живу помаленьку.

— Откуда это у тебя лошадь?

— Как откуда? Ведь твои же работники посадили меня в мешок да и повесили вон там в лесу на дерево. А тут приходит леший и говорит: "Ладно, что ты ко мне в гости пришел и в другой раз приходи, других с собой приводи, всех угощу и награжу". Тут напоил он меня, накормил, а чтобы пешком мне не идти, лошадь подарил.

Позеленел от злости богатый сосед.

— Ишь, — говорит, — какая тебе во всем удача!

— Что ж, — отвечает ему тот, — не моя воля. Иди в тот лес, там на дереве мешок висит, а в том мешке человек сидит. Ты того человека выпусти да попроси, чтобы он тебя туда посадил.

Послушался богатый сосед, пошел в лес, разыскал мешок, спустил барина на землю да как узнал, в чем дело, так и не захотел сам в мешок лезть.

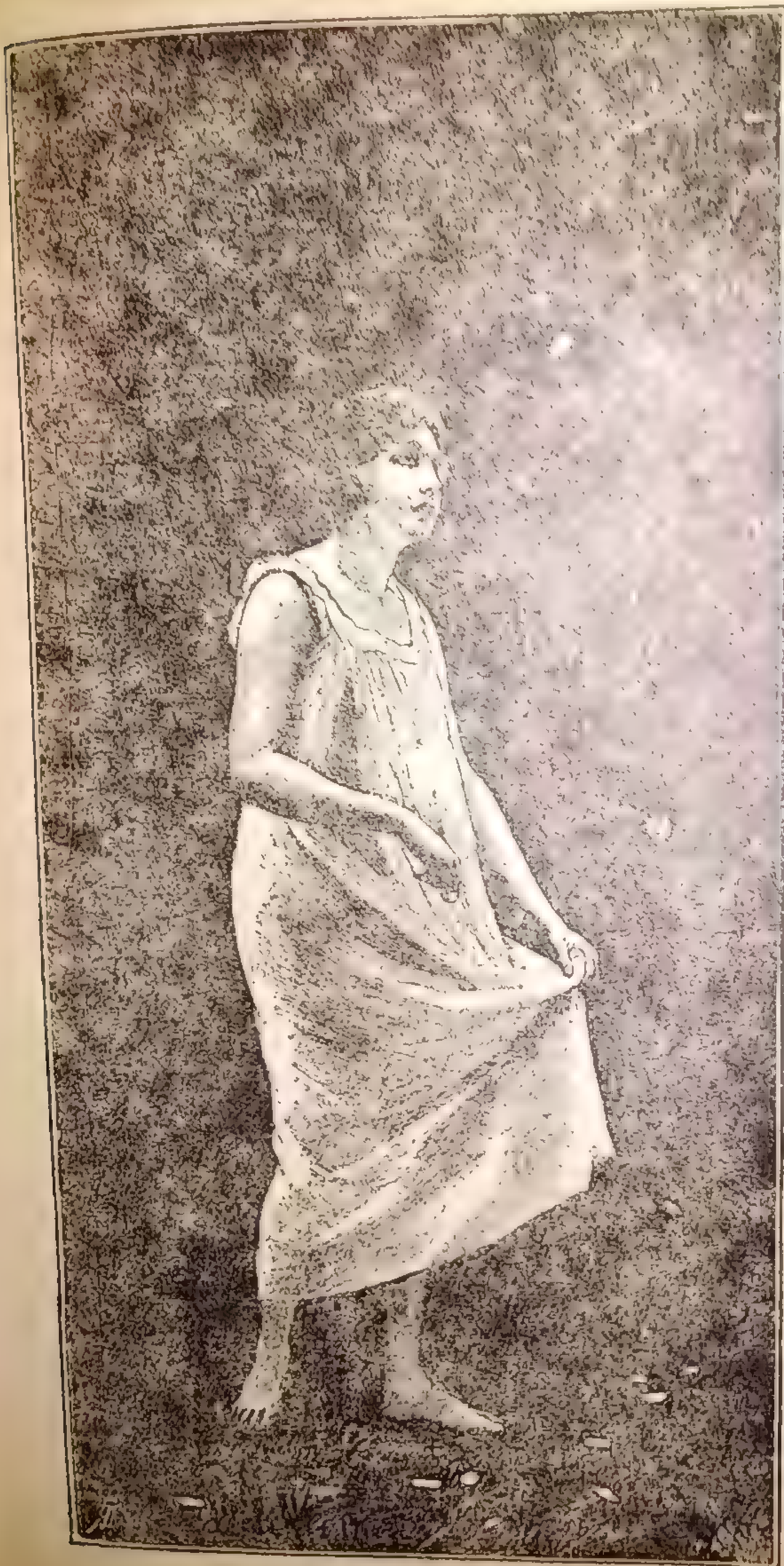
Звезды-червонцы

Девочка бедная где-то жила без родных и знакомых. Умерли мать и отец у нее, и кроме платьишка, что слабое тело ее покрывало, да хлеба кусочка, что добрые подали люди, она ничего не имела: ни домика, где бы ей жить, ни теплой постельки. С надеждой на Бога в поле вышла она, а навстречу ей нищий.

— Ах, как есть я хочу, — он сказал ей, — дай мне хоть хлеба кусочек.

— Кушай себе на здоровье! — молвила девочка, хлеб свой бедняге отдав, и дальше спокойно пошла.

Осень давно наступила, угрюмые серые тучи низко по небу бежали, гонимые северным ветром. Мелкий холодный дождь моросил.

Девочке скоро навстречу попался ребенок с головкой открытой. Жалобно плача, просил он, чтобы головку ему от дождя и от ветра покрыли. Девочка наша его пожалела и, сняв платок с головы, им ребенка прикрыла.

Вновь ей дитя повстречалось только в одной рубашонке. Платье последнее сняв, сиротка одела ребенка, сама ж под дождем по морозу только в сорочке пошла. Вот и вступила она в лес под деревья большие, сразу прояснилось небо, дождь проливной перестал.

Вдруг она видит — звездочка с синего неба упала, за нею другая...

Вот еще и еще. Глазки широко раскрыв, девочка вокруг себя смотрит, а звезды все падают больше и, почвы коснувшись, в червонцы все обратились. Быстро малютка червонцы в подол собрала и, в город прийдя, платье купила себе и на всю свою жизнь стала богатой.

Так-то того, кто с другими последним поделится, щедро Сам Бог награждает. Нищий, того, что ему подаем мы, отдать нам не может, но Бог Всемогущий сторицей нам за него возвращает. Сам Господь наш Спаситель сказал: “Если хотите сами иметь, так другим подавайте”.

Бедняк и богач

На проезжей дороге стояли два дома. Один — маленький, ветхий домишко, а против него большой, красивый дом. В первом жил бедняк, во втором — богач.

Раз поздним вечером шел по дороге прохожий. Остановился он у дома богача и стучит в дверь.

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Прохожий! Пусти переночевать.

— Много вас тут шляется, проходи мимо, — говорит богач.

Ушел от богача прохожий и стучит в дом бедняка, хозяева избушки сейчас же отворили дверь, впустили прохожего, накормили и спать уложили на своей постели.

Прохожий этот был не простой человек, а добрый волшебник. На утро, когда он собрался в путь, говорит он бедняку и его жене:

— За вашу доброту и сострадание к ближнему скажите мне три желания, и они будут исполнены.

— Чего нам больше желать, — говорят муж с женой, — как не вечного блаженства на том свете, а на этом — здоровья и насущного хлеба. А еще чего пожелать, мы и не придумаем.

— Не хотите ли вы жить в хорошем, большом доме?

— Что ж, это не худо, — говорят бедняки.

Ушел волшебник, а ветхий домишко бедняков стал большим новым домом.

В то же утро богач увидал из окна новый дом бедняка. Удивляется он и посылает жену узнать: откуда у его соседа явился такой хороший дом. Бедняк рассказал о волшебнике, как тот ночевал у них и в благодарность за это подарил ему с женой новый дом. Досадно стало жадному богачу, что он не пустил к себе ночевать волшебника. Оседлал он скорее коня, вскочил на него и поскакал догонять. Догнал

и просит его зайти к нему на обратном пути. Волшебник обещал.

— А исполнишь ли ты три мои желания, которые я выскажу?

— Исполню, — говорит волшебник, — только пожелай.

Обрадовался богач и поскакал скорее домой, едет дорогой и думает: чего бы ему такого пожелать. Едет, а конь под ним горячиться стал. Он за поводья тянет, а конь из седла его выбивает.

— Ах, чтоб тебе, проклятому, издохнуть! — кричит на коня богач.

Спотыкнулся конь, упал в канаву, переломал ноги и издох. Что делать богачу? Погоревал он о коне, снял с него седло и потащил на себе, а день был жаркий, дорога — все песок, рытвины, канавы. Из сил выбивается мужик, вспомнил он, что жена его сидит теперь дома. "Хорошо ей там, — думает он про жену, — а мне каково? Желал бы я, чтобы она потаскала седло на своих плечах да в век не снимала его". Только он это сказал, как вмиг седло исчезло с его плеч.

Приходит богач домой, глядит, а жена его ходит по комнатам, охает да плачет, на плечах у нее седло, снять его не может.

— Сними седло! — кричит она мужу. — Да поскорей поворачивайся!

— Погоди, — говорит тот. — Дай мне подумать, чего еще пожелать: ведь осталось сказать одно только желание, не пожелать ли нам богатства?

— Дурак! Куда мне твои богатства? Чай, видишь, как я мучаюсь?

И пришлось богачу высказать третье желание: освободить жену от седла. Так исполнились все желания богача, а бедняк и теперь живет себе в новом доме припеваючи.

Птица-гриф

В некотором царстве, в некотором государстве, — позабыл, на грех, в каком, — жил да был король. И была у того короля только дочь одна, да и та постоянно болела. Вот кто-то и скажи этому королю, что дочка его выздоровеет, если скушает самое лучшее на свете яблоко. Королю что долго думать? Объявил он по всему королевству, что кто ему такое яблоко доставит, тот женится на его дочери, а по смерти его и все королевство получит.

Услышал об этом один мужик, у которого было три сына, и говорит старшему:

— Видишь, какие яблоки нынче у нас уродились. Пойди-ка, набери в корзину тех, что порумянее, да отнеси королю. Авось, поевши их, королевна выздоровеет. Выйдет тогда она за тебя замуж и станешь ты королем.

Послушался сын и пошел к королю с корзинкою яблок. Идет он путем-дорогою и попадается ему навстречу маленький-маленький старикашка.

— Здравствуй! — говорит.

— Здравствуй!

— А что ты в корзинке несешь?

Засмеялся наш парень и говорит:

— Ишь ты, старый хрыч, какой любопытный. Лягушат молодых несу, вот что!

— Ну, лягушат, так лягушат, — сказал старик и пошел своей дорогой.

Пришел парень во дворец и требует, чтобы королю доложили, что он принес яблоки, от которых королевна выздоровеет. Обрадовался король и зовет его к себе во дворец. Вошел парень и только корзинку открыл, а в корзинке лягушата сидят. Рассердился король, приказал прогнать парня. Воротился он домой и обо всем рассказал отцу. Выслушал это отец и послал к королю второго сына, да и с тем не лучше случилось. Встретился и ему тот же старичок и спрашивает, что у него в корзине.

— Свиная щетина, — отвечает парень.

— Ну ладно, — сказал старичок, — пусть и будет щетина.

И правда, принес парень корзину во дворец, глядь, а там вместо румяных яблок — свиная щетина. Тут король уж совсем рассердился: приказал прогнать парня из дворца плетью. Вернулся средний сын домой и рассказал обо всем отцу.

Слышал все это младший сын, по прозванью Иван-дурак, и стал просить отца пустить его с яблоками во дворец.

— Ну уж там только дурака и не хватает! — говорит отец. — Умные и то ничего не могли поделать, а ты-то что? Подлинно уж, куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

А дурак все не отстает, за полы отцовского кафтана ухватился, пусти, да пусти!

— Ах, отвяжись ты! Ну, и иди себе, мне что за дело? Ведь тебя в шею король прикажет прогнать, а не меня!

Обрадовался Иван-дурак, на утро, чуть свет, набрал яблок в корзинку и пустился во дворец. По дороге ему навстречу попался старичок и спросил, что у него в корзине.

— Яблоки, от которых королевна должна выздороветь, — отвечает дурак.

— Ну яблоки, так яблоки. Пускай от них королевна выздоровеет, — сказал старичок и пошел дальше.

Пришел Иван-дурак во дворец, а его и пускать туда не хотят.

— Были, — говорят, — тут двое, хвастались что у них яблоки, а оказалось, что у одного лягушата, а у другого свиная щетина.

— Ну, я не таков! — говорит Иван, — у меня яблоки, да такие, что лучших во всем королевстве не найдешь.

Поверили ему слуги и привели к королю. Открыл король корзину, а там яблоки одно другого краше. Обрадовался он, послал яблоки дочери и сам стал ждать, что будет — помогут ли они. Недолго и ждать пришлось. Скоро пришла и сама королевна, она, как только поела яблок, так сейчас и выздоровела.

Хоть и рад был король, что дочь выздоровела, а как дело дошло до расплаты — за Ивана-дурака дочь свою отдавать, — так он и на попятную.

— Нет, — говорит он Ивану, — ты прежде сделай мне такой корабль, чтобы по воде и по суше ходил одинаково.

— Что ж, ладно, — говорит Иван и пошел домой. Дома он рассказал отцу и братьям обо всем. Отец послал старшего сына делать корабль. Пришел тот в лес, стал деревья рубить да корабль мастерить. В самый полдень приходит вдруг к нему старичок и спрашивает, что он делает.

— Корыто, — отвечает парень.

— Ну пусть так и будет. Корыто, так корыто! — сказал старичок и ушел.

Вот и вечер настал, корабль совсем уж готов, да только что наш мастер хотел сесть в него, как корабль оказался большим корытом. Чего корыто королю показывать? Плюнул парень и пошел домой ни с чем.

На следующий день пошел средний сын, и с ним случилось то же самое. На третий день пошел в лес Иван-дурак и весело взялся за работу. Рубит он, только щепки кругом летят, а сам песенку веселую распевает. Вот в полдень приходит к нему старичок и спрашивает, что он делает.

— Да вот корабль мастерю, чтобы мог и по воде и по суше плавать. Сделаю корабль, на королевне женюсь и сам королем буду.

— Ну вот и хорошо! Пусть такой корабль у тебя и выйдет, — сказал старичок и опять ушел в лес.

Солнце к закату, а у нашего Ивана и корабль готов. Сел он на корабль и поплыл к королевскому дворцу, корабль, точно ветер, и по воде и по суше летит. Увидел король Иваново мастерство, а все ж дочку свою выдавать не хочет.

— Сделай ты вот что, — говорит он Ивану, — с раннего утра до позднего вечера упаси мне сотню зайцев, да так, чтобы ни один не ушел. Упасешь — королевна твоя, а нет — не видать тебе ее, как своих ушей!

Призадумался Иван и пошел в лес зайцев выгонять. Попадается ему в лесу опять тот же старичок и спрашивает:

— О чем задумался, Ваня?

Рассказал Иван о своем горе, а старичок подает ему рожок и говорит:

— Заиграй ты в этот рожок, зайцы сейчас к тебе соберутся.

Взял Иван чудесную дудочку, вышел в поле и заиграл. Собралось к нему зайцев видимо-невидимо, отобрал он из них сотню и стал пасти.

Сидит он на кочке, на зайцев посматривает. Вдруг из замка служанка прибежала и говорит Ивану, что к королю-де гости приехали, так королевна велела взять одного зайца и зажарить к обеду. Понял Иван, в чем тут дело, и говорит:

— Нет, друг, шалишь! Я тебе зайца отдам, а после мне за него перед королем в ответе быть! Нет тебе зайца!

Так ни с чем и ушла служанка, а вечером опять прибегает и требует зайца.

— Ну, — говорит Иван, — если уж в самом деле вам так заяц понадобился, так пусть за ним сама королевна приходит. Ей, так и быть, дам одного.

Служанка ушла в замок, а через некоторое время пришла сама королевна и стала просить зайца. Ни слова не сказал Иван, поймал одного длинноухого и положил королевне в передник. Только она отошла от Ивана, как тот заиграл с свой рожок, а зайчик из передника королевны прыг да прямо в стадо.

Вот и вечер пришел, заиграл в свой рожок Иван-дурак, собрал зайцев и погнал во дворец. Дивится король, как это Ивану удалось зайцев сберечь, а дочери все-таки отдавать ему не хочется.

— Ну вот тебе последняя работа, — сказал он Ивану, — ступай и принеси мне перо от Грифа-птицы.

Недолго думая, Иван согласился и наутро отправился в путь. Вечером того же дня пришел он в один замок. Хозяин принял его ласково, напоил, накормил и спрашивает:

— Куда путь держишь?

— Да вот, к Грифу-птице за пером иду, — отвечает Иван.

— Слышал я про эту птицу, будто она все знает, — говорит хозяин. — Я вот недавно ключи от своей казны потерял и не знаю, где их найти, спросика ты у Грифа, где их искать.

— Хорошо, — говорит Иван, — спрошу.

На другой день Иван-дурак пришел ко второму замку и остался там ночевать. Как только хозяин замка узнал, что Иван идет к Грифу-птице, сейчас стал просить, чтобы он узнал у Грифа, чем можно вылечить его дочь, которую до сих пор никто не может вылечить. Иван обещал спросить и наутро пошел дальше. Шел он, шел и пришел к большой реке. Нет на ней ни моста, ни парома, а людей с берега на берег переносит великан.

— Ты куда? — спрашивает великан Ивана.

— К Грифу-птице.

— Так будь добр, спроси ты Грифа, долго ли мне еще переносить людей через эту реку?

— Ладно, спрошу.

Пришел наконец Иван к Грифу-птице, но не застал его дома, а увидел только его жену.

— Тебе что нужно? — спрашивает жена Грифа.

Сказал Иван, что ему нужно перо из крыла Грифа, да и о всех просьбах вспомнил.

— Хорошо, — говорит жена Грифа, — только тебе самому нельзя говорить с Грифом, он тебя съест. Ты полезай под кровать, я сама спрошу его обо всем, а ты только слушай. Как он крепко уснет, так ты и вытащи у него перо.

Сказано — сделано. Забился Иван под кровать и лежит там. Вечером прилетел Гриф и говорит:

— Эй, жена, тут кто-то чужой побывал!

— Приходил человек один, да ушел давно, — отвечает жена.

Поморщился Гриф, но ничего не сказал, поужинал и завалился спать. Как только он захрапел, Иван осторожно высунулся из-под кровати и вырвал перо. Гриф проснулся и говорит жене:

— Есть здесь у тебя человек! Вот он, кажется, за крыло меня дернул.

— Приснилось тебе! Я говорю, был тут человек, да ушел. А и много он мне тут наговорил! Вот, говорит, в одном замке ключи затерялись, а найти их никто не может.

— Дураки, — ответил Гриф, — ключи лежат под лестницей в старом доме.

— А в другом замке, говорил он, девушка больна и вылечить ее не могут.

— Глупые люди! В комнате под порогом жаба свила себе гнездо из волос девушки. Пусть отнимут эти волосы и отдадут девушке, она и выздоровеет.

— А вот еще на какой-то реке великан вместо парома людей на себе таскает и не знает, когда это кончится.

— Глуп он, потому и таскает! Пусть первого, кто ему сядет на плечи, бросит в воду, так и перетаскивать через реку больше не будет.

На следующий день Гриф улетел рано-рано, а Иван вылез из-под кровати, поблагодарил жену Грифа и пошел в обратный путь.

Пришел он к великану.

— Ну, что сказал Гриф? — спрашивает тот.

— А вот перенеси меня сначала, тогда и скажу, — отвечает Иван.

Великан перенес его на ту сторону и узнал, что сказал Гриф. Хотел было он перенести Ивана обратно и бросить в воду, да тот понял его хитрость и поторопился уйти от него поскорее. В замке он убил жабу, и дочь хозяина выздоровела. Отец с матерью так обрадовались этому, что надавали Ивану столько серебра и золота, что девать было некуда. Наконец в последнем замке он разыскал ключи, и хозяин с радости, кроме золота и серебра, подарил ему много всякого скота, овец, быков, лошадей. Пришел Иван к королю со всеми богатствами, а король и спрашивает:

— Где ты все это взял?

— У Грифа-птицы, он каждому дает, что угодно.

Жаден был король, и решился сам сходить к Грифу, чтобы набрать всякого богатства, да на беду он первым после Ивана пришел к той реке, через которую перетаскивал великан. Донес великан его до середины реки да и бросил в воду... Король утонул, а Иван-дурак на его дочке женился и сам королем сделался.

Иван-богатырь

Вдалеке от жилья жили-были муж с женой и сыном, которого звали Иваном. Вот раз мать и маленький Иван, которому было всего два года, пошли в лес за дровами, зашли очень далеко и попались в руки разбойников. Несмотря на просьбы матери, разбойники повели ее с мальчиком в лес, шли долго и наконец очутились перед входом в пещеру. Открыли дверь и по темному узкому проходу вошли в пещеру, в которой горел огонь. Стены пещеры были увешаны разным оружием, а за столом сидели разбойники и играли в карты. Когда ввели мать с Иваном, старший разбойник сказал ей:

— Ты нас не бойся! Мы тебе ничего худого не сделаем, а если будешь у нас хозяйкой, тебе и совсем у нас хорошо будет.

Тут он указал ей и комнатку, где она должна была жить с маленьким Иваном.

Долго прожила мать в пещере у разбойников, но вот Ивану минуло уже девять лет, он вырос и окреп. Раз выбрал он себе из дров толстую дубинку, обтесал ее и поставил за кровать, а сам подошел к матери и говорит:

— Скажи ты мне, где мой отец? Я непременно хочу знать это.

Мать однако ничего не сказала, и Иван печально отошел от нее, но потом подумал:

— Хорошо же, если так! Попробую я сам узнать, кто мой отец!

Вечером вернулись разбойники, Иван вытащил свою дубинку, стал перед их атаманом и говорит:

— Отвечай мне, кто мой отец, а не то я тебя сейчас этой дубинкой исколочу!

Засмеялся атаман и так толкнул Ивана, что тот с ног свалился и кубарем покатился под стол. "Ну ладно, — думает Иван, — подожду еще год, авось тогда посильнее буду".

Прошел год. Иван еще больше вырос и стал совсем силачом. Вот раз вернулись разбойники домой после удачного грабежа, сели за стол и стали пить вино. Когда они порядочно напились, Иван взял свою дубинку, подошел к атаману и опять спрашивает:

— Говори, где мой отец?

Хотел было атаман опять ударить Ивана, но тот одним взмахом своей дубинки повалил его наземь и принялся за его товарищей. Скоро все разбойники замертво лежали на полу, а Иван стал просить мать отвести его к отцу. Мать с удивлением смотрела на своего силача-сына и согласилась идти вместе с ним к отцу. Взяла она из кармана у атамана ключ от пещеры, и они вышли на волю. Перед выходом Иван разыскал большой мешок, насыпал в него золота и серебра, сколько влезло, взвалил его на плечи и понес.

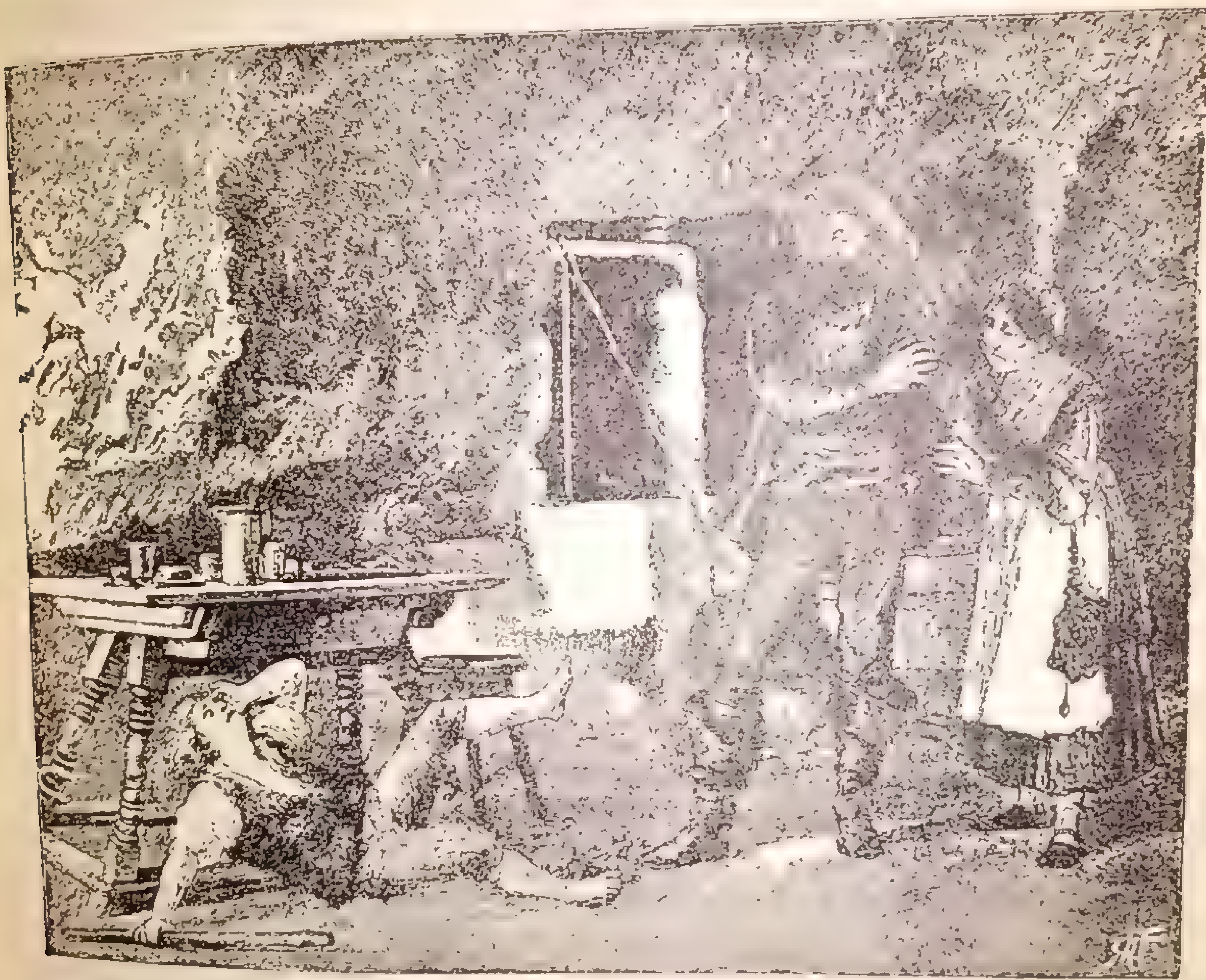
Отец очень обрадовался, увидев их обоих живыми и здоровыми. Вошли они в избу, и Иван бросил свой мешок на пол. Пол проломился, и мешок провалился в подполье. Стал было отец горевать, что Иван ему избу испортил, а Иван вытащил мешок и говорит:

— Пустяки! В этом мешке столько добра, что хватит пол починить да и не один такой дом выстроить.

Вот и принялся Иван с отцом за хозяйство, выстроил новый дом, накупили скота и всего, что нужно, стали жить богатыми господами. Прошел год. Весной и говорит Иван отцу:

— Прикажи ты мне сделать дубинку пудиков на десять весом.

Сделали дубинку, и Иван, попрощавшись с отцом и матерью, пошел по белу свету странствовать, счастья искать.

Идет он путем-дорогою и зашел в дремучий лес. Вдруг слышит треск и шум, будто кто деревья ломает. "Что такое там?" — думает Иван и пошел на шум. Подходит и видит: стоит человек, держит за верхушку огромный дуб и крутит его, словно веревку.

— Что ты делаешь? — спрашивает Иван.

— Да вот набрал я вязанку дровец, так теперь веревку кручу, чтобы их домой принести.

— Ну, парень, вижу я, силенка у тебя есть, — говорит Иван. — Брось-ка ты свои дрова, пойдем лучше со мною по свету счастья искать, стану я тебя теперь звать Крутидубом. Ты мне пригодишься.

Пошли они вместе, шли долго ли, коротко ли, только слышат: кто-то так стучит, что от каждого удара земля трясется. Подходят

они ближе и видят: стоит великан и кулаком бьет по высокой горе. Как ни ударит, так во всю гору трещина.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает Иван.

— Да вот пробую: крепка ли эта кочка, чтобы не свалиться, когда на нее отдохнуть присяду.

"И этот парень ничего себе!" — подумал Иван, позвал его с собой и назвал Дробигорой.

Идут они втроем и дошли до громадного необитаемого замка. Тут решили они остаться и немножко отдохнуть. Переночевали, а утром Иван зашел в сад, что был вокруг замка, и стал его осматривать. Вдруг откуда ни возьмись бросился на него громадный кабан, но Иван не очень-то испугался, хватил его между глаз кулаком, тот и растянулся, как колода. Притащил Иван кабана к товарищам, зажарили они его и договорились так: двое каждый день будут ходить на охоту, а третий дома сидеть.

Сказано — сделано. На следующее утро Иван с Дробигорой пошли на охоту, а Крутидуб остался дома. Вот наложил он дров в печку, мясо приготовил, вдруг отворилась дверь, в комнату вошел маленький сгорбленный старикашка и просит поесть. Обругал его Крутидуб, хотел было уже вытолкать, а старик, как кошка, вскочил ему на спину и давай колотить своими кулачонками, да так сильно, что Крутидуб, чуть дыша, упал на землю. Тут старичок схватил кусок мяса и ушел из замка. Поднялся Крутидуб, кое-как сварил обед, лег на лавку и охает. Вернулись Иван с Дробигорой с охоты, принесли оленя и спрашивают товарища, что с ним.

— Да голова что-то болит, — отвечает Крутидуб, — угорел видно, — а сам думает: "Погодите, и вы угорите".

На другой день остался дома Дробигора, и с ним случилось то же, что с Крутидубом. Не сказал об этом никому и Дробигора: стыдно было ему перед товарищами.

На третий день остался дома Иван, и только что он стал готовить обед, старикашка уж тут как тут и просит мяса.

— Надо дать, — подумал Иван и дал старику кусок. Тот съел и еще просит. Дал Иван еще кусок и говорит:

— Ну, брат, больше не дам, самому ничего не останется.

Разозлился старикашка и хотел было уже на спину к Ивану вскочить, да тот угостил его таким тумаком, что старикашка кубарем скатился с лестницы и, как заяц, бросился в лес. Погнался за ним Иван, а тот юркнул в какую-то яму и скрылся. "Ладно, — думает

Иван, — все равно не минуешь моих рук!" Заметил место и пошел обед варить. Вернулись товарищи с охоты, а Иван рассказал им, что случилось, и спрашивает:

— Не от этого ли угару у вас головы болели?

Задумали они того старичишку поймать, взяли толстый канат, корзину и пошли к яме. Крутидуб с Дробигорой побоялись спуститься в нее, и пришлось спускаться туда Ивану. Спустился Иван до самого дна, смотрит — перед ним дверь. Отворил он ее и видит: в подземелье большая комната, в ней сидит красавица писаная, а рядом с ней старикашка и скалит на нее зубы, словно волк. А красавица вся в цепи закована и смотрит так печально. Жаль стало Ивану девицы, махнул он дубинкой и убил карлика до

смерти. Только что карлик свалился на землю, как спали цепи с девушки, и она рассказала Ивану, что она королевна, что какой-то чародей похитил ее, посадил в эту пещеру, а сторожем оставил карлика.

Тут наш Иван, не долго думая, посадил королевну в корзину и дал товарищам знак, чтобы они подняли ее. Корзинка поднялась и скоро опять спустилась, но Иван не сел в нее.

— Нет, — думает он, — вы уж меня раз обманули, не сказав, как исколотил вас старик. Пожалуй, и теперь еще обманете.

Положил Иван в корзину камней и велел поднимать. И хорошо сделал, что не сел сам, потому что, подняв корзину почти до верху, Крутидуб с Дробигорой выпустили из рук канат, и корзина упала вниз. Сиди там Иван, — разбился бы вдребезги.

Пошел он ходить взад и вперед по пещере и зашел в ту комнату, где лежал убитый старик. Смотрит он и видит, что-то блестит у старика на пальце. Глядь — кольцо. Снял Иван это кольцо, стал надевать на палец и только повернул кольцо, как перед ним очутился Дух громадного роста и спрашивает:

— Что прикажешь, господин? Пока у тебя это кольцо, я должен исполнять все твои приказания.

Иван приказал вынести себя наверх.

Мигом очутился он наверху, но своих товарищей уже не нашел. Они ушли и увели с собой королевну. Вызвал Иван опять Духа и спросил, куда они девались.

— Плывут уже по морю, — ответил Дух.

— Ну так неси меня туда! — сказал Иван.

Глазом не успел он моргнуть, как очутился на берегу моря и видит, что Крутидуб с Дробигорой плывут на корабле.

Рассердился Иван и с дубинкой бросился в море вплавь. Тяжела была дубинка, тянет она его ко дну, и стал уже тонуть Иван, да вдруг вспомнил про кольцо. Повернул он его и приказал Духу доставить его на корабль. Очутившись на корабле, он убил своих нечестных товарищей, а с королевной поплыл в ее королевство.

Там он женился на ней, и стали они жить, поживать да добра наживать, может быть, еще и теперь живут, коли не померли.

Хрустальная гора

Любимая дочка королевы раз расшалилась, надоела матери.

— Ах, хоть бы ты в ворону обратилась, — говорит шутя королева. — Покоя ты мне не даешь своими шалостями!

Только она сказала эти слова, как маленькая королевна превратилась в ворону и вылетела из окна. Улетела ворона в дремучий лес и стала там жить.

Прошло много лет. Шел как-то раз дремучим лесом прохожий молодец. Идет он и слышит, кто-то его зовет. Оглянулся, а на дереве ворона сидит и говорит ему человечьим голосом:

— Освободи меня, добрый молодец, от злого заклятья.

— А ты кто? — спрашивает молодец.

— Я заколдованная королевна, освободи меня, добрый молодец.

— Что же нужно сделать?

— Ступай дальше, в самой чаще леса увидишь избушку. В этой избушке живет старуха, будет она предлагать тебе есть и пить, а ты отказывайся. Коли не стерпишь голода, поешь да уснешь, тогда все пропало, а коли стерпишь, буду я приезжать к тебе в полдень, три дня кряду, в карете, запряженной четверкой белых коней, потом четверкой рыжих и, наконец, — вороных. Только смотри, не спи, а то не избавить тебе меня от заклятья.

Послушал молодец ворону, пошел дальше в лес и набрел на избушку. Встретила его старая-престарая старушка, повела к себе и стала угощать.

— Проголодался ты, я вижу, — говорит она, — поесть, попить тебе, должно быть, хочется.

Ставит она перед ним вкусные кушанья, вино заморское, а молодец все отказывается.

— Ну хоть винца хлебни глоток, винцо хорошее! — опять уговаривает его старуха. Не утерпел молодец и хлебнул из стакана глоток вина. Только что он выпил, как овладел им непробудный сон. Спит он и видит, как в карете, запряженной четверкой белых коней, подъехала прекрасная королевна. Будит она молодца, берет за руку, а молодец спит, не просыпается. Опечалилась королевна и уехала.

На другой день стала старуха опять угощать молодца кушаньями и вином. Не утерпел молодец, выпил вина и заснул. Приехала королевна на четверке рыжих коней, не добудилась его и уехала. На третий день приехала королевна на вороных конях, нашла молодца спящим, надела на его палец кольцо, положила около него хлеб и бутылку вина да письмо и уехала.

Проснулся молодец, погоревал, что не освободил королевну от заклятья, взял письмо и стал читать. А в письме было написано: "Не мог ты освободить теперь меня от злого заклятья, так иди и ищи золотой замок на хрустальной горе, там ты и найдешь меня".

Пошел молодец искать золотой замок на хрустальной горе. Идет день, идет ночь, а лесу конца нет. Наконец приходит он к высокому дому, вошел туда, а там встречает его великан.

— Хорошо, что ты пришел. Поем я человечьего мясца! — говорит великан.

— Смотри, не подавись. Даром я тебе не дамся. А если ты голоден, я тебя покормлю.

Вынул молодец хлеб и бутылку вина, что оставила ему королевна, и стал угощать великана. Много великан съел, а все еще оставалось столько же, сколько было, наконец наелся и повеселел. Тогда молодец и спрашивает у него:

— А как мне пройти в золотой замок, что стоит на хрустальной горе?

— Замок этот далеко отсюда, несколько тысяч верст, да это пустяки, у меня есть часа два свободного времени, пожалуй, я тебя и снесу туда.

Взял его великан, посадил к себе в карман и понес. Донес его верст за сто до замка и говорит:

— Теперь всего два шага осталось, сам можешь дойти.

Пришел молодец к замку. Видит, стоит золотой дворец на хрустальной горе, а кругом замка дорога и по ней ездит в карете королевна. Обрадовался молодец, как увидал королевну, и полез на хрустальную гору. Лезет, карабкается, а все же назад после скатывается. И задумал тогда молодец ждать под горой до тех пор, пока не удастся ему добраться до заколдованного замка, построил себе под горой избушку и стал в ней жить.

Раз из окна своей избушки увидал он трех разбойников. Идет у них спор до драки. Вышел к ним молодец и спрашивает:

— В чем дело? Из-за чего вы ссоритесь?

Один разбойник и говорит:

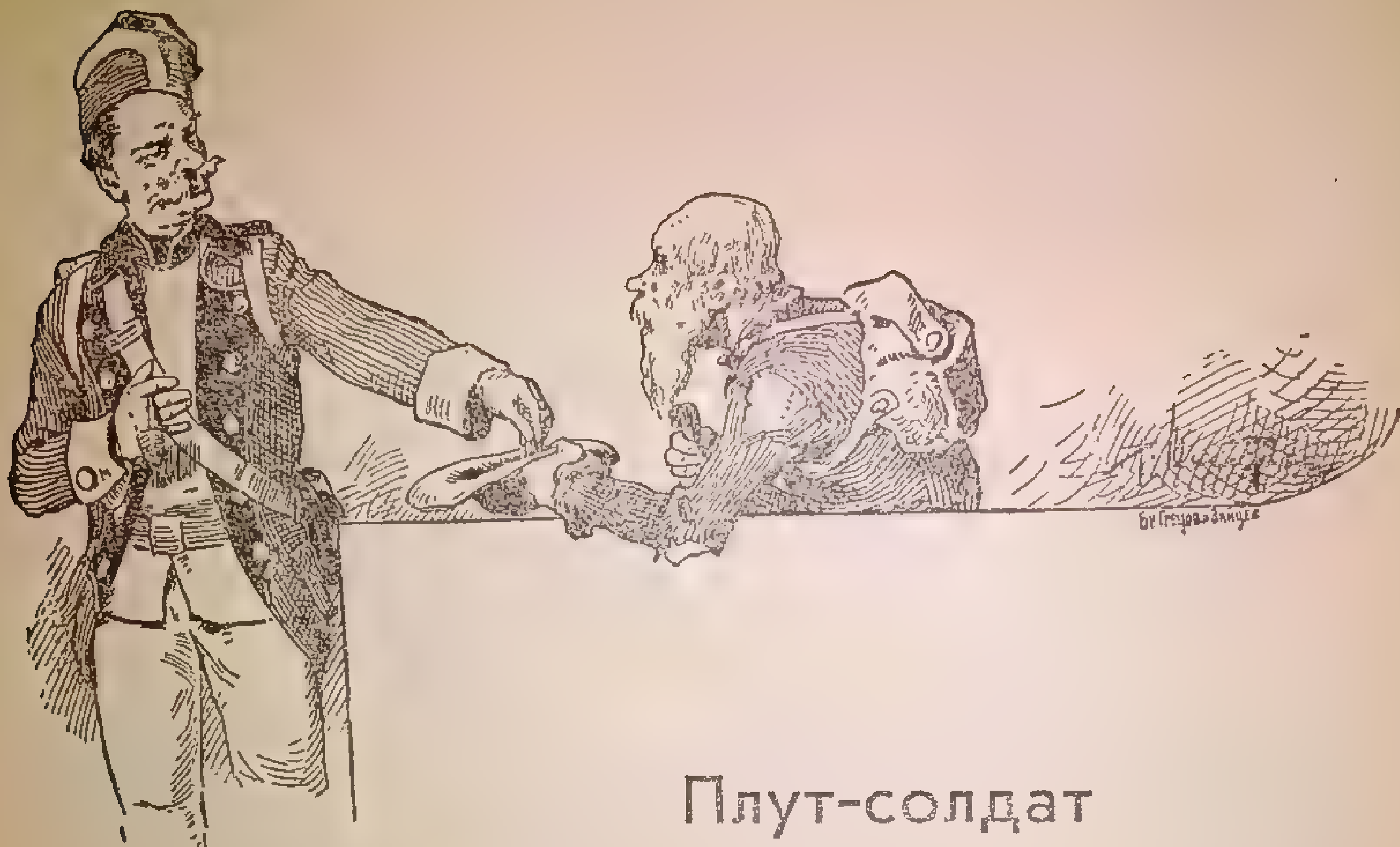
— Добыли мы три диковинные штуки: плащ-невидимку, коня, на котором можно куда угодно добраться, и палицу, которой что ни ударь, все вдребезги разлетится. Вот мы эти диковины и не можем поделить, помоги-ка, добрый человек.

— Ладно, я поделю между вами эти диковины, — говорит им молодец. — Слушайтесь меня: пущу я стрелу, а вы бегите за ней взапуски, кто первый добежит до нее — получит плащ-невидимку, второй — коня, а третий — палицу.

Согласились разбойники, пустил молодец стрелу. Побежали за ней разбойники, а молодец взял все три диковины да и ускакал с ними. Живо взобрался он на хрустальную гору, подошел к замку: двери заперты. Ударил дубинкой, и двери разлетелись вдребезги. Входит он невидимкой в замок, видит: королевна за столом сидит, перед нею кубок стоит с вином. Бросил он в кубок кольцо, что ему подарила королевна, кольцо звякнуло, и со звоном кольца освободилась она от злого заклятья. И говорит ему королевна:

— Отзовись, покажись, добрый молодец, ты избавил меня от заклятья и будь мне милым мужем, а я тебе верной женой.

Молодец скинул с себя плащ и явился перед ней. Обрадовалась королевна, взяла его за руку и повела показывать замок, а после того они скоро и свадьбу сыграли.

Плут-солдат

Получил солдат отставку и пошел на родину. Попадается ему на дороге нищий.

— Подай, служивый, убогому.

— Ну, брат, нашел у кого просить. Что с солдата взять? Всего у меня капитала-то четыре медных пятака да каравай хлеба. Что ж, пожалуй, поделимся!

Разрезал солдат каравай пополам, дал нищему половину да прибавил еще к этому два медных пятака. Поблагодарил бедняк солдата и пошел дальше. Только нищий этот был не простой человек, а волшебник.

Принял он вид отставного солдата, вернулся назад и говорит:

— Здорово, товарищ, нет ли у тебя чего поесть? Да не мешало бы сослуживца и винцом угостить!

— Нет у меня ничего, — говорит солдат, — все проел. Теперь нам с тобою в самую пору выгодным делом заняться — милостыню просить.

— Ну, этим делом всегда успеем заняться. А вот что: я мастер лечить болезни, этим еще кое-что заработаю.

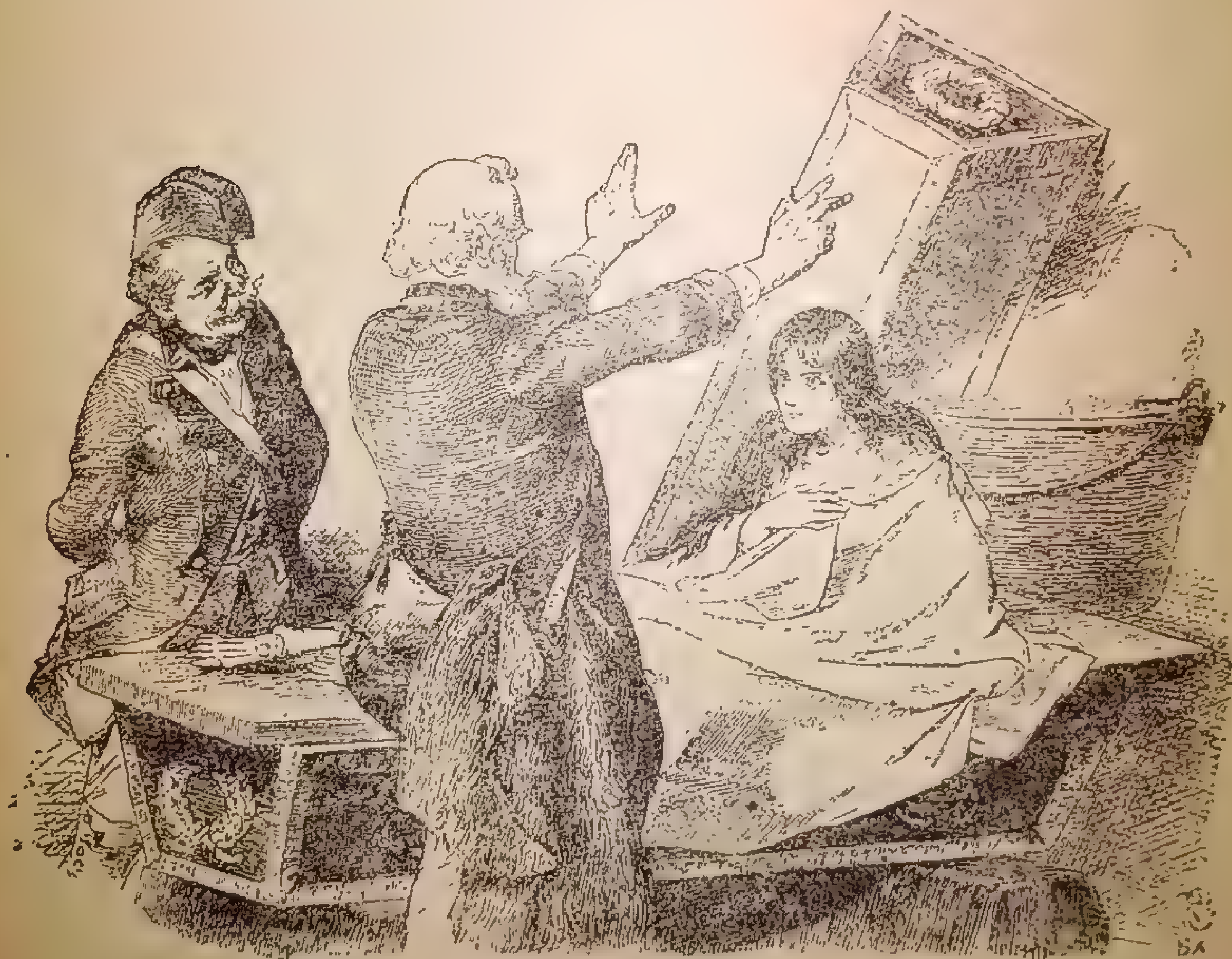
— Гусь свинье, значит, не товарищ: я ни морить, ни лечить не умею, мне и дорога другая.

— Пойдем со мной, я поделюсь с тобой заработком.

— А это дело другое.

И пошел солдат с волшебником вместе.

Пришли они в деревню и слышат в одной избе плач и вой. Вошли туда, видят: там женщина плачет — муж при смерти. Дал волшебник лекарства больному, тот и выздоровел.

— Чем вас наградить, служивые? — говорят муж с женой. — Последнего ягненка рады вам отдать.

Волшебник отказался, а плут-солдат толкает его в бок: "Бери, брат, коли дают, в дороге все пригодится!"

— Ну, ладно, — говорит волшебник, — отдайте ягненка товарищу, пусть он его тащит.

Взял солдат ягненка, и пошли они из деревни. Пришли в лес.

— Давай-ка сварим ягненочка, — говорит солдат, — что-то есть хочется.

— Ладно, вари ягненка, а я уйду ненадолго. Только смотри, станешь без меня есть, оставь на мою долю ягнячье сердце.

Солдат зарезал ягненка, сварил его и стал ждать товарища, ждал-ждал и думает: "Почему это товарищ велел ему именно сердце оставить? Нет ли тут хитрости какой?" Взял да съел ягнячье сердце.

Вернулся волшебник и говорит солдату:

— Ну-ка, дай мне сердечко съесть.

Солдат стал перебирать куски ягнятины.

— Да у этого ягненка и сердца нет.

— Как, разве бывает ягненок без сердца?

— Значит, бывает, такой уж, верно, ягненок.

— Ну, ладно, коли ягненок без сердца, так я и есть его не хочу.

Солдату это и на руку. Съел он половину ягненка, а другую запихал себе в ранец.

Пошли они опять вместе. Пришлось им переходить реку вброд. Пошел волшебник вперед, солдат за ним. Волшебник прошел благополучно, а солдат попал в яму и стал тонуть.

— Дяденька, родимый! — кричит. — Тону, помоги!

— А признайся, съел ты сердце ягненка или нет?

— Нет! — кричит солдат.

Не хотелось доброму волшебнику погубить солдата, и вытащил он его из воды.

Пришли они в одно королевство, где у короля дочь была при смерти. "Вот, пожива-то где будет, как мой лекарь вылечит королевну", — думает солдат, и давай торопить товарища:

— Иди скорей, пока не умерла.

Пришли во дворец, а королевна-то уже и умерла. Загоревал солдат, опечалился и давай товарища корить:

— Говорил я тебе: торопись, вот и прозевали вылечить королевну!

А волшебник ему:

— Я, брат, — говорит, — не только больного могу вылечить, а и мертвого оживить.

— Коли не врешь, так правда. За это полкоролевства взять можно.

Явились солдат с волшебником-лекарем к королю и заявили, что они могут оживить королевну. Пустили их в покои, где лежала умершая. Волшебник спросил котел с водою, развел под ним огонь и сварил королевну. Потом вынул кости, сложил их, как следует, махнул руками и королевна ожила. Король был так рад, что предложил половину своего королевства за оживление дочери.

— Не нужно мне ничего, — сказал волшебник.

— Бери, чего отказываешься! — говорит солдат. — Будет тебе дурака-то строить!

Но волшебник так-таки и не взял ничего. Тогда король, видя, что солдат не прочь взять что-нибудь, велел набить его ранец золотом.

— Давай-ка поделим с тобой деньги, — говорит дорогой волшебник.

— Что ж их делить-то. Известно, одна половина моя, другая — твоя.

— Нет, погоди! — Волшебник разложил червонцы на три кучки. — Вот это твоя доля, — говорит, — это моя, а эти деньги тому, кто съел сердце ягненка.

— Да ведь я же его и съел! — кричит солдат.

— Не может быть. Сам же ты уверял, что у ягненка сердца не было.

— Эх, брат, а ты и поверил: разве бывает ягненок без сердца.

— Ну, ладно, так и быть, бери — все твое. Только больше тебе я не товарищ. Прощай!

— Счастливо оставаться!

Денег у солдата было много, да только ненадолго их хватило, прогулял все живо. Вот и пришел он в одну страну, где у короля сын только что умер. А до короля слухи дошли, что какой-то солдат оживляет мертвецов. Приказал король отыскать солдата и привести во дворец. Пришел плут-солдат и согласился оживить королевича. Велел он принести котел с водой, развел под ним огонь и проделал с мертвецом все, что его товарищ делал с мертвой королевной, только кости разложил не по порядку. Стал он кричать, махать руками, — ничего у него не выходит.

— Да ну, вставай, что ли! — кричит солдат. — Ну, живо! Раз, два, три!

Но мертвец не вставал. Испугался солдат и не знает, что делать. Вдруг откуда ни возьмись явился волшебник:

— Ты что тут делаешь? — спрашивает.

— Видишь, мертвого оживляю.

— Да ты погляди, как ты кости-то разложил? Совсем не по порядку!

— Как умел! Уж ты не взыщи, любезный! Выручи из беды!

— Ну, что с тобой делать, в последний раз выручу! — сказал волшебник и оживил мертвеца. — Только смотри, не смей за это денег брать, — прибавил он и пропал, как в воду канул.

Король предложил солдату взять денег, сколько нужно.

— Не могу взять, ваше королевское величество!

— Отчего же, служивый?

— Совестлив я очень, ваше королевское величество, раз точно так же оживил я королевскую дочку и отказался от денег, а мне их полный ранец тайком от меня насыпали.

Догадался король и велел тайком солдату полный ранец червонцами набить.

Вышел солдат из дворца, глядь, а у ворот волшебник стоит.

— Ах ты, плут, — говорит он. — Обещал не брать денег, а у самого полный ранец.

— Что ты, братец, я ни копейки ни брал.

— А ну-ка покажи!

Солдат раскрыл ранец.

— И впрямь золото, — говорит. — Э, да видно, мне его тайком в ранец насыпали!

— Вижу я, ты плут большой руки, — говорит волшебник. — Горбатого, видно, только могила исправит. Так вот что я придумал, чтобы ты не занимался моим ремеслом: пусть ранец твой обладает чудесной силой: что пожелаешь, все, кроме денег, очутится у тебя в нем. Прощай!

— Счастливой дороги! — кричит ему вслед солдат.

Пошел солдат бродить по свету, деньги тратил без счета и скоро очутился без копейки. Пришел в гостиницу, выпил на оставшийся пятак и сидит так, а есть ему хочется. Заглянул он в печь, нет ли чего съестного. Глядь, в трубе два гуся висят. Вышел он из гостиницы и говорит:

— Хочу, чтобы в моем ранце копченые гуси лежали.

Только сказал, гуси и очутились в ранце. Вынул он гусей и стал есть. Идут мимо него двое мужиков, остановились и глядят солдату в рот.

— Вы что, ребята, — спрашивает солдат, — голодны что ли?

— Да ничего, не отказались бы гуська попробовать.

— Так нате, берите целого гуся.

Отдал солдат гуся мужикам, а те пошли с ним в гостиницу, спросили себе вина и стали закусывать гусятиной. Хозяйка увидала гуся и говорит мужу:

— Посмотри-ка в трубу, не наш ли это гусь?

Хозяин взглянул, видит: гусей нет.

— Ах вы, воры! — кричит, — как вы смели стащить гуся?

— Мы не брали, нам солдат подарил!

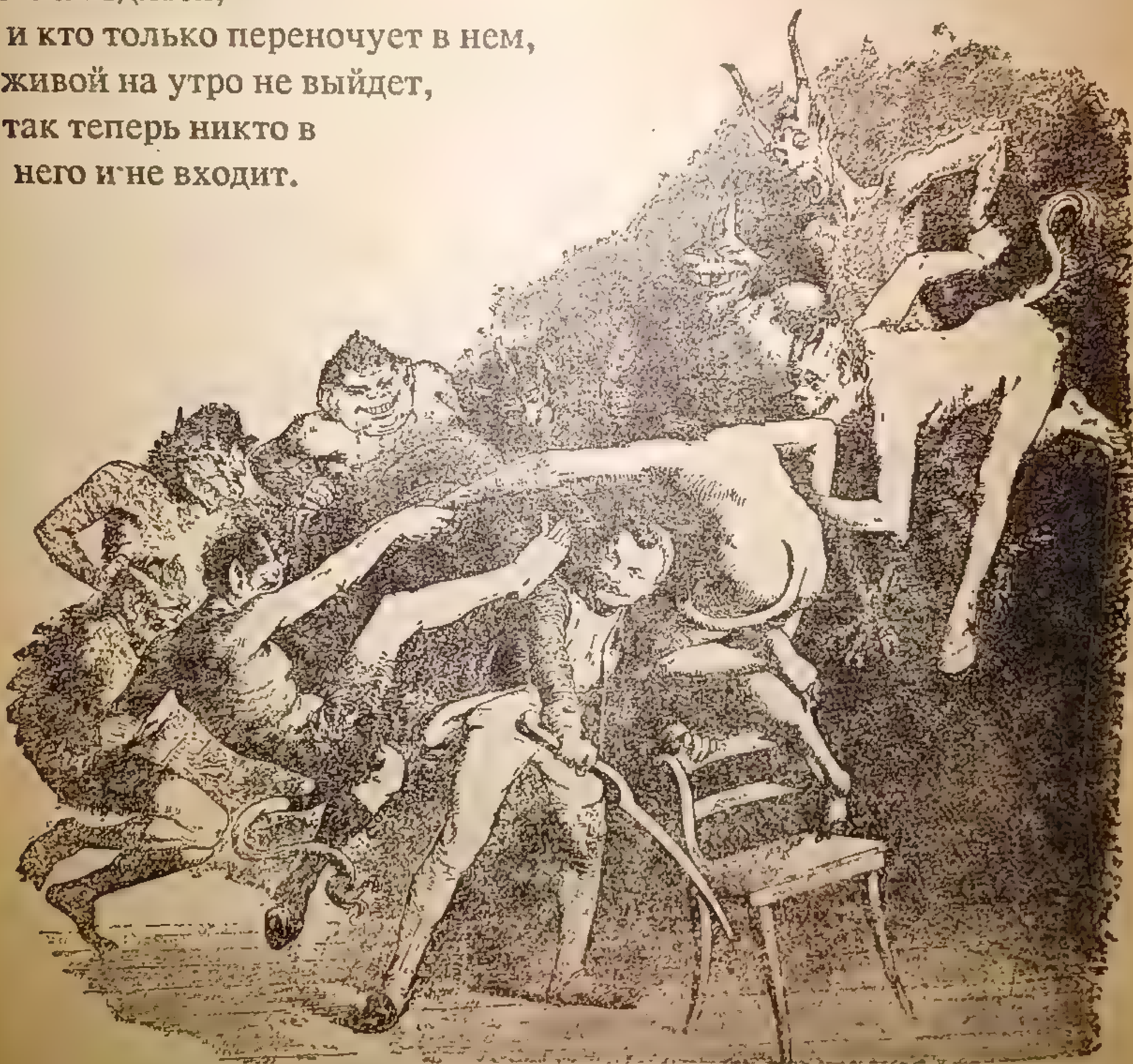
— Какой солдат, врете вы!

Схватил хозяин палку и отколотил мужиков. А солдат наелся гусятины, идет дорогой, песню веселую распевает.

Пришел он раз в один город, сидит в гостинице, трубочку покуривает, в окно поглядывает. Видит, напротив дворец стоит, окна в нем заколочены, двери наглухо забиты, по всему видно, что нежилой.

— Отчего, — спрашивает он хозяина, — этот дворец забит-заколочен?

— Оттого, — отвечает ему хозяин, — что во дворце нечистая сила водится, и кто только переночует в нем, живой на утро не выйдет, так теперь никто в него и не входит.

— Эх, трусы, чертей боятся! Пойду-ка я попрошусь у короля переночевать во дворце ночь.

Явился солдат к королю и говорит:

— Ваше королевское величество, дозвольте мне, старому солдату, ночевать в пустом дворце.

— Что ты, служивый, да тебя черти на клочки разорвут.

— Не посмеют, ваше величество, я им такого трезвону задам, что долго будут помнить солдата!

Как ни отговаривал король, солдат на своем стоит. Приказал тогда король пустить солдата во дворец.

Вечером пошел солдат во дворец, снял с себя ранец, положил его под голову, лег и захрапел на всю залу. В полночь его разбудил страшный шум. Вскочил солдат и видит: окружили его черти, скачут, пляшут вокруг, крик, хохот по всему дворцу гудит. Сосчитал солдат чертей — их девять, один одного гаже. Стали они кружиться вокруг него, хватать за волосы, за нос. Рассердился солдат, схватил стул, отломил у него ножку и давай колотить направо, налево. Трудно, однако, одному солдату справиться с девятью чертями.

— Погодите! — кричит он. — Я вам покажу, как обижать солдата! Живо все ко мне в ранец марш!

Мигом черти очутились в ранце. Затянул покрепче солдат ремни у ранца, швырнул его в угол, лег спать и спокойно проспал до утра.

Утром король посылает слуг во дворец взять тело солдата и похоронить с честью. Смотрят слуги, а солдат живехонек, веселый такой, трубочку покуривает да посмеивается.

— Как же ты, служивый, жив остался, не разорвали тебя черти? — спрашивают его.

— Пробовали было, да я их всех в ранец запрятал. Позовите-ка сюда кузнецов с инструментом.

Пришли кузнецы с молотами, наковальню поставили.

— Кладите ранец, да бейте по нему сильнее, — говорит солдат.

Стали кузнецы ранец тащить, насилу подняли.

— Что у тебя, служивый, черт что ли в ранце сидит? Больно тяжел.

— Не один, а целых девять! Бейте их, окаянных.

Ударили кузнецы молотами по ранцу, подняли черти вой, просят у солдата выпустить их, а солдат знай кричит:

— Бей, ребята, сильнее!

Кончили кузнецы, раскрыл солдат ранец, глядит: восемь бесов околело, а девятый, самый маленький, жив остался, выскользнул из ранца и убежал в преисподнюю.

Наградил король солдата щедро, на службу его звал к себе, да тот отказался и опять пошел бродить по белому свету. Много еще кое-чего видел на свете солдат, да давно это было, и все позабылось.

Поющая кость.

В одной стране появился огромный кабан, и людям и скоту житья от него не было. Поля и луга взрывал, а на кого набежит, как хватит клыками — и конец. Король той страны обещал большую награду тому, что избавит его королевство от этого зверя. Только никто не решился даже к лесу-то подойти, где жил кабан. А у короля была дочка-красавица, за которую уже сватались женихи, король и объявил им, что за того дочку свою выдаст, кто убьет кабана или живым поймает.

Вот и вызвались два молодца-храбреца, два брата родные, один был очень хитер, а другой — силен. Только старший-то, надеясь на свою хитрость, захотел прославиться этим делом, а младший вызвался по доброте сердечной: ему захотелось людей от беды избавить "да и к королю в зятья, — думает, — не худо попасть..." Вот и пошли они в лес: старший с севера, а младший — с юга.

Младший перекрестился, сказал:

— Господи, благослови! — и пошел. Прошел он часть леса, как вдруг попадается ему человек, у которого в руках было острое копье. Молодец поклонился прохожему, а тот подает ему копье и говорит:

— На-ка, вот, добрый молодец, когда увидишь зверя, то это копье направь ему прямо в сердце. Не бойся, смело иди против него, от этого копья — кабану смерть, а тебе награда за то, что у тебя сердце доброе.

— Спасибо тебе, добрый человек! — сказал он и взял копье.

Вдруг послышался треск сучьев, выскочил кабан и, почуя добычу, бросился прямо на него. Молодец подставил копье, а тот налетел на него, и копье и вонзилось ему в сердце. Заревел кабан и, весь в крови, повалился на землю. Тогда молодец взвалил его себе на плечи и понес к королю. Только он вышел на конец леса, как увидел харчевню и думает: "Дай зайду кружку пива выпить". Подходит и слышит там шум, гам, гармонику и пляски... Вошел — там и брат его сидит да винцо попивает. Тот-то из окна еще видел, как он с кабаном за плечами из лесу вышел. Зависть взяла его и задумал он недоброе дело.

— Ну, — говорит, — на радостях выпьем, брат! — и поднес ему чарку-другую крепкого вина.

Тот отказывается, говорит, что зашел отдохнуть только да пивца кружечку выпить с устатку. А старший брат давай с недоброй целью его потчевать... Повеселел молодец и рассказал брату, как добрый человек дал ему копье и как он им зверя зараз одолел.

На дворе уже стемнело, когда они оба вышли из харчевни. Дорога лежала лощиной через мостик, только они дошли до середины мостика, старший брат выхватил из-за пояса топор да как хватит им младшего по голове. Тот упал под мост с кабаном вместе. Старший спустился туда, закопал тело убитого брата под мостом, взвалил кабана себе на плечи и пошел к королю. Пришел и говорит:

— Одолел я кабана, хоть и трудненько было, а брата моего, знать, кабан в лесу уходил, потому что клыки у него в крови были, когда я с ним повстречался.

Все поверили убийце. Король похвалил "удальца" и выдал за него свою дочку. Только человеческая кровь даром не пропадает: люди не узнали, так Бог все видел...

Вот раз случилось одному пастуху переходить тот мостик, где брат брата убил, и увидел он беленькую косточку. “Эка штука-то хорошая, на наконечник к рожку сгодится”, — подумал он, слез с мостика, поднял белую кость и сделал из нее наконечник к своему рожку. Стал настраивать, а кость сама и заиграла:

Брат родной меня из зависти убил,
Мое тело под мосточком схоронил,
Ой, играй ты, дудочка, разноси по воле
О несчастном молодце, его горькой доле.

“Что за диковина? — думает пастух, — отродясь не слыхивал, чтобы рожок сам по себе песни играл! Надо королю эту диковинку показать”.

Король сидел с зятем на балконе, а пастух подошел и заиграл на рожке ту же песенку. Зять побелел весь, как полотно... А король расспросил пастуха, где он взял тот рожок, тот ему рассказал, тогда король велел разрыть под мостом землю, и нашли там остальные кости убитого. Нельзя было королевскому зятю больше таиться, повинился он во всем королю. И приказал король вырыть глубокую яму на том месте, где был зарыт убитый и живым закопать туда убийцу, а кости его брата похоронить с великою честью.

Околдованная королевна

Жил-был один королевич. Захотелось ему по белу свету постранствовать, людей посмотреть, себя показать. "Что, — подумал он, — буду я, словно, баба, дома сидеть?" — и поехал, куда глаза глядят, потому что ему все равно было, куда бы его дорога ни привела.

Так-то ехал он, ехал и наконец добрался до огромного замка, в котором жил великан. Слез королевич с коня и так как сильно устал, прилег отдохнуть во дворе под крыльцом, а коня своего рядом привязал. Выспался, встал и видит, что на дворе расставлены кегли ростом с дерево и лежат два шара с копну величиной, — в них хозяин-великан играл. Вот вздумалось королевичу позабавиться, взял он шар, да как пустит его в кегли, сразу все девять сшиб, полетели они все в разные стороны, словно гром загремел...

Великан проснулся, выглянул в окно и удивился: человек, как все, а его шары катает.

— Эй ты, — кричит, — земляной червяк! Как ты смеешь и можешь в мои кегли играть?

Отвечает ему королевич:

— Я все смею и все могу, чтобы это доказать, уехал я из родного дома и странствую по свету.

Вышел великан во двор, посмотрел, как легко королевич шары кидает, и сказал:

— Коли ты все смеешь и можешь, — я буду тебя очень просить: помоги мне.

— Рад, только чем?

— Достань мне яблоко с Дерева Жизни.

— На что оно тебе? — спросил королевич.

— Мне-то оно не нужно, — отвечает ему великан, — а вот есть у меня невеста, она его непременно от меня требует и без того за меня не хочет замуж идти, но сколько ни бродил я по свету, не мог отыскать того яблока.

— Значит, только в том и дело, — говорит королевич, — чтоб его найти? Ну, я-то найду и сорву и принесу тебе.

— Ох, и найдешь ты его, да сорвать-то очень трудно: сад, в котором растет это яблоко, огорожен железной стеной высотой до облаков, а у ворот лежит страшный лев, который разрывает всякого, кто к ним близко подойдет.

— Ну, меня-то он не разорвет! — отвечал королевич.

— Если ты так надеешься, — сказал ему великан, — может быть, и в самом деле доберешься до яблока. Только это еще не все: сорвать его нужно, просунув руку сквозь золотое кольцо, которое висит перед яблоком на ветке, а этого еще никому не удавалось: кольцо сжимается и отрезает руку.

— Ну, я-то просуну в него руку, и ничего мне не будет, — сказал королевич.

Простился королевич с великаном и пошел искать яблоко с Дерева Жизни. Шел он долго ли, коротко ли, через горы высокие, через степи широкие, через леса дремучие, через пески сыпучие и дошел наконец до дивного сада. И правда: вокруг сада стояла железная стена до облаков высотой, а у ворот лежал страшный, огромный лев. Только лев спал глубоким сном, даже и не пошевельнулся, когда королевич прошел мимо него. Среди сада стояло Дерево Жизни, а на самой верхушке так и рделось дивное красное яблоко за золотым кольцом. Без всякого страха влез королевич на дерево, не задумавшись, продел руку в кольцо и сорвал яблоко. А кольцо крепко-накрепко прильнуло к его руке, точно всегда на ней было, и почуял тогда королевич в себе силу великую, богатырскую.

Смелым шагом пошел он назад через сад к воротам. Лев, что лежал перед ним, поднялся, когда королевич проходил мимо, лизнул ему руку и пошел за ним, словно верная собака.

Вернулся королевич к великану, отдал ему яблоко и сказал:

— Видишь, я ничего не боюсь, знал, что достану яблоко, и достал его без всякого труда.

Великан несказанно обрадовался и сейчас же пошел отдать яблоко своей невесте. Только невеста его была великанша умная и совсем не радовалась, что ей приходится выйти за него замуж. Вот она и говорит:

— Нет, любезный! Ты обещал, что сам достанешь яблоко, а выходит, что кто-то другой за тебя это сделал, потому что у тебя нет золотого кольца на руке.

— Вот пустяки, — сказал великан, — кольцо у меня дома, я сейчас его принесу.

А сам думает: "Отниму кольцо у этого человечишки, если по доброй воле не отдаст, все-таки я вдесятеро сильнее его...

Вернулся к себе и потребовал у королевича кольцо, но королевич не отдал.

— Где яблоко, там и кольцо должно быть! — закричал великан. — А коли ты не хочешь его отдать мне добром, выходи против меня, будем за это кольцо биться.

Королевич согласился.

— Если ты, — говорит ему опять великан, — на себя надеешься, так давай один на один биться. Чтобы тебе твой лев не помогал, запрем его в моем замке за семь железных дверей.

— Хорошо, — сказал королевич и позволил великану запереть льва за семь железных дверей.

Стали бороться великан с королевичем. День они борются, другой борются, ничего великан поделать не может, потому что у королевича кольцо на руке, и оно ему силу придает... Вот пустился великан на хитрости:

— Жарко! — говорит. — Сделаем роздых да выкупаемся, а потом опять бороться станем.

Королевич о хитрости великана не подумал, пошел с ним к реке, раздевшись, снял с руки и кольцо и бросился в реку. Великану только того и надо: он схватил кольцо, надел себе на палец, а королевичу выколол глаза и покинул его одного на берегу.

Остался королевич на крутом обрыве слепой. Шаг бы ему шагнуть, — и полетел бы он с берега в глубокую, быструю реку, да на счастье его лев прогрыз семь железных дверей, прибежал к нему и оттащил его за руку подальше от беды.

А великан пришел к своей невесте:

— Вот тебе, — говорит, — и кольцо.

— Все-таки, — отвечает она, — я не верю, чтоб ты сам яблоко добыл: тому, кто его достал, кольцо как раз впору на руку приходится, а тебе — только на палец.

— Ну вот глупости! — говорит великан.

— Да уж это такое кольцо: до смерти своего настоящего хозяина оно одну меру имеет, как раз ему по руке; только когда его хозяин умрет, оно станет впору тому, кто его из вторых рук получит.

— Пустяки, — говорит великан, — я сейчас его себе как раз по руке сделаю.

И ушел. Подошел он к обрыву, на котором слепого королевича оставил, и говорит королевичу чужим голосом:

— Что ты здесь, бедный, делаешь? Пойдем, я тебя к себе отведу, накормлю, успокою.

Сам взял его за руку и повел прямо к обрыву, чтобы туда столкнуть. Только было изловчился великан толкнуть королевича с кручи в воду, вдруг лев как прыгнет великану на грудь, так тот и загремел вниз с обрыва... Пока летел, на куски разбился о камни. А лев обежал кругом, спустился вниз, поймал в воде руку великана, на которой золотое кольцо было, и принес кольцо хозяину.

Затем ухватил лев королевича за полу и повел от реки. Долго ли, коротко ли вел лев королевича и привел в густой дремучий лес. В том лесу, в самой чаще, был чистый, как хрусталь, родник. Королевич присел у родника, а лев лег на бережок и стал лапой брызгать королевичу в лицо водой. Лишь одна капелька попала в глаз королевичу, и он стал видеть — чуть-чуть, словно в густом тумане. И видит он, что бредет лесом большой, старый медведь, бредет, головой мотает, на деревья натыкается, как слепой. Добрел до родника, окунул в него голову — и пошел назад, прямо да быстро. Понял тут королевич, что родник-то волшебный, вымыл в нем лицо — и стал видеть лучше прежнего.

Поблагодарил он тут Бога за великую милость и пошел со своим львом, куда глаза глядят. Шел долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, дошел до голых каменных гор. На самой высокой горе стоит-высится богатый замок. Взобрался королевич со своим львом на гору, вошел в замок, — пусто кругом, ни души, а убранство богатое. "Что такое?" — думает королевич.

Вдруг из самой последней комнаты вышла ему навстречу девица в королевской одежде, в золоте, в самоцветных камнях, только вся как уголь черная, и говорит:

— Ах, молодец! Зачем ты пришел? Ведь это заколдованный замок, и теперь тебе уж нет спасения если ты не нарушишь заклятья, назад тебе выхода нет.

А королевич ее спрашивает:

— Чем же замок можно расколдовать?

— У тебя есть чудесное кольцо, — говорит ему королевна, — и лев твой при тебе, может быть, тебе и удастся. А зарок вот какой:

надо в этом замке, в большой зале, переночевать три ночи, и что бы с тобой ни случилось, какие бы мучения тебе не пришлось перенести, ты не должен за всю ночь ни слова вымолвить, голоса не подать. Если выполнишь зарок, — и меня от тяжкой муки и себя от смерти спасешь.

— Хорошо, — говорит королевич, — я ничего не боюсь и за все возьмусь.

Настала ночь, остался королевич только со своим львом в большой зале замка. Сперва все тихо было, а как пришла полночь, вдруг зашумело, завизжало... Откуда ни возьмись, явилось в зале видимо-невидимо бесенят. Разожгли они огонь и сели вокруг него в карты играть. Королевич со львом в углу тихо лежат. Вдруг говорит один чертенок:

— Эх, все я проигрываю! Это, должно быть, оттого, что сюда чужак забрался. Разорвем его, братцы, на мелкие части!

Тут кинулись бесенята на королевича: кто его кусает, кто бьет, кто льва за хвост тащит... Как они ни оборонялись, никак справиться не могли, очень уж много нечистой силы на них навалилось. Так их били, так таскали, что к утру, как петух пропел и как сгинула нечистая сила, лежал королевич словно пласт, ни рукой, ни ногой двинуть не может, а рядом и его лев ногами кверху валяется...

Вдруг отворилась дверь и вошла черная королевна.

— Спасибо, — говорит, — тебе витязь! Одну ночь ты выдержал, потерпи еще две, спаси меня.

Вынула она из кармана бутылку с живой водой, напоила ею королевича и его льва, и сразу всю боль с них как рукой сняло.

На другую ночь опять набежало в залу, где был королевич со львом, видимо-невидимо чертей. Поднялся крик и визг:

— А, мало тебе досталось? Еще хочешь? Ну-ка, ведите, братцы, Запечного, он с этим чужаком расправится!

Привели Запечного беса — большой, страшный... Кинулся было Запечный на королевича, чтоб его разорвать, да не тут-то было: лев с ним схватился, не даст хозяина в обиду... Прочие бесенята на королевича накинулись, мучили его, мучили еще больше вчерашнего, — чуть-чуть живы остались королевич и его лев к утру. А все-таки как его ни мучили, ни слова не вымолвил королевич, голоса не подал. Утром опять околдованная королевна их живой водой на ноги подняла.

— Ох, — говорит, — жаль мне тебя, бесстрашный витязь! Лучше оставь ты меня в моей беде, потому что едва ли тебе третью ночь выдержать, очень уж страшно и тяжко будет.

— Я ничего не боюсь, — отвечал королевич, — и назад не отступлю.

— Если так, — сказала королевна, — вот тебе мой совет: когда увидишь, что невмоготу уж тебе терпеть, сними с руки кольцо и кинь его в угол. Увидишь, что будет.

Опять остался королевич со своим львом на ночь в большой зале замка. В полночь страшно завыло, заревело, завизжало снаружи, вся зала так наполнилась бесами, что и булавкой некуда ткнуть. Накинулись бесы на королевича и его льва, мучили, мучили...

— Стойте, братцы, — сказал Запечный бес, — коли нам с этим чужаком не справиться, приведем ведьму, она его защекочет...

Откуда ни возьмись вдруг выскочила ведьма — маленькая, серенькая, точно из одних костей. Ухватили бесы королевича, растянули, а ведьма давай его щекотать... Королевич крепился-крепился, — видит, что нет сил терпеть, сейчас закричит. Кое-как, вырвав от бесов руку, стянул с нее свое волшебное кольцо да и швырнул его в угол... Как кинутся все бесы с ведьмой вместе за кольцом! Пошла тут между ними такая свалка, драка, что и представить невозможно. До тех пор они из-за кольца дрались, пока не закричал петух и не пришлось им сгинуть в преисподнюю.

Только сгинули бесы, вдруг отворилась в залу большая дверь и вошла в нее прекрасная королевна, — личико ее снега белей, щечки розы алей. А за королевной вошли придворные целой толпой. Подняли королевича под руки, посадили на золотой трон рядом с королевной, и пошел тут радостный пир на весь мир.

А вечером и свадьбу бесстрашного королевича с прекрасной королевной сыграли.

Помолодевший старик

Давно это было, очень давно. Раз зашли к кузнецу двое странников, и кузнец пустил их к себе ночевать. Как раз в это время пришел к дому кузнеца старый-престарый старичок-нищий и стал просить милостыню. Вот один странник пожалел его и говорит другому:

— Облегчим судьбу этого старика, дадим ему силу трудом себе хлеб зарабатывать.

— Что ж, — сказал другой странник, — пожалуй. — Потом обернулся к кузнецу и говорит: — Положи-ка, хозяин, побольше углей в горн да дай мне на время твои кузнечные клещи: хотим мы этого старичка омолодить.

Кузнец сейчас все изготовил, младший странник стал мехами работать и когда большая куча углей жарко разгорелась, старший странник ухватил старика клещами и сунул в самый жар, так что старик скоро докрасна накалился. Потом странник вынул его из жара и окунул в лохань с холодной водой. Как зашипит он в воде... А когда его из лохани вынули, он встал сразу на ноги — молодой, крепкий, резвый, совсем как парень в восемнадцать лет.

А у кузнеца была теща, старая-престарая. Она все это видела и давай помолодевшего парня расспрашивать, каково ему в огне было, не очень ли жарко, не больно ли? Тот говорит ей:

— Ничуть не жарко, — хорошо да прохладно, — и ушел, своей дорогой, поблагодарив странников.

Переночевали странники у кузнеца и ушли, а теща давай к зятю приставать, чтобы он ее омолодил.

— Эх ты, кузнец тоже называешься, а такой простой штуки не знал! Неужели теперь не сумеешь, ведь видел, как этот странник старика омолажоивал?

— Видел, — говорит кузнец, — мудреного нет.

— Ну, молоди меня сейчас.

— Ладно, — говорит кузнец, — только, чур, не кричать и не брыкаться.

Старуха поклялась, что смирно в огне сидеть будет. Тогда кузнец разжег уголья в горне, ухватил старуху клещами да как сунет в жар... Взвыла старуха благим матом и давай из горна рваться. А кузнец ее клещами придерживает да приговаривает:

— Ничего, сиди, старая, вот я сейчас мехами поработаю, чтоб ты докрасна раскалилась.

Только глядит он, — на старухе вся ее одежда вспыхнула. "Эх, — думает, — что-нибудь не так, не обжечь бы мне старуху..." Выхватил ее клещами из огня — да в лохань с водой. Тут уж она так заревела, завопила, что и ее дочь, кузнецова жена, услыхала и вбежала в кузницу.

Глядь, лежит старуха в лоханке вся скрюченная, опаленная... Так-то: дожила до старости, не ищи молодости.

Гора Симели

Жили-были два брата, один богатый, а другой бедный. Богатый ничем не помогал бедному, так что бедняге, как он ни работал, не покладая рук, часто не на что было прокормить жену и детей. Случилось раз ему идти лесом. Идет он, идет и вдруг видит неподалеку в стороне гору, совсем голую, без единой травки, без кустика. Эту гору он видел первый раз в жизни, а потому и остановился, чтобы вдоволь на нее наглядеться.

Стоит он так да смотрит, как вдруг видит, что лесом идут двенадцать высоких молодцев, да такие страшные, что бедняк подумал, не разбойники ли они, и скорее залез на дерево. Сидит он на дереве да и

смотрит, что-то дальше будет. Подошли двенадцать молодцев к горе, стали все в ряд и, что есть силы, закричали:

— Гора Семси, гора Семси, отворись.

В ту же минуту гора открылась в самой середине, и двенадцать молодцев вошли в гору, а за ними гора тотчас затворилась. Скоро гора опять отворилась, двенадцать молодцев вышли из нее с тяжелыми мешками на спине, стали перед горою на прежнее место и опять закричали:

— Гора Семси, гора Семси, затворись!

При этих словах гора опять закрылась, так что не осталось никакого следа того, что она растворялась, и двенадцать молодцев ушли в чащу леса.

Когда они скрылись из вида, бедняк тотчас же спустился с дерева, горя желанием узнать, что такое в горе таится. Подошел он к горе, стал перед нею и закричал:

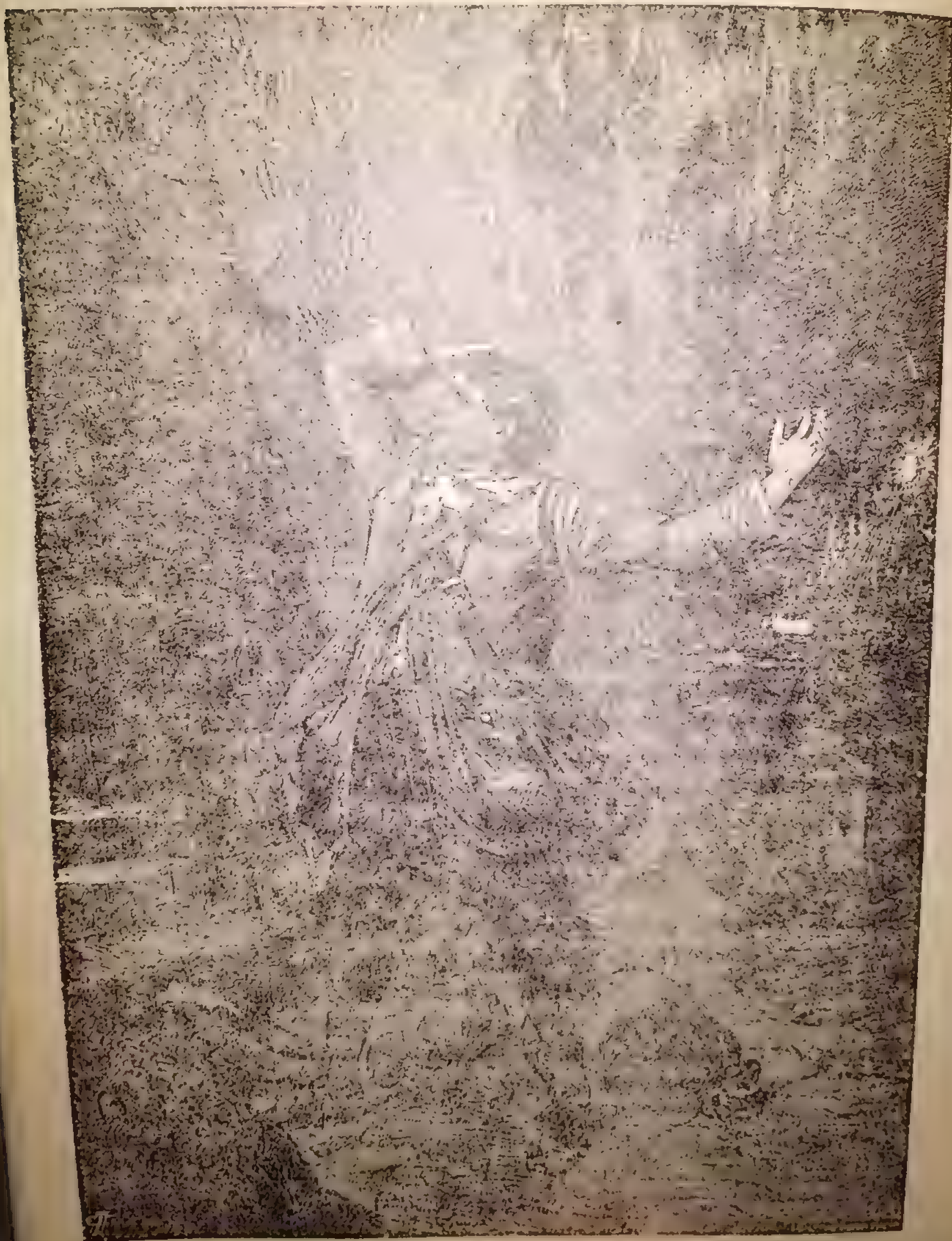
— Гора Семси, гора Семси, отворись!

И гора отворилась. Он в нее вошел и увидел, что в ней — огромная пещера, полная серебра и золота, а вокруг золота и серебра лежат кучи жемчуга и драгоценных каменьев, — ни дать, ни взять, как зерна на гумне. У бедняка и глаза разбежались, как увидел он такие сокровища, смотрит он на них и не знает, с чего начать, а тут еще и сомнение его взяло: можно ли ему касаться до этих сокровищ? Наконец он решился набить себе золотом полные карманы, не касаясь однако груды с жемчугом и драгоценными каменьями. Потом вышел он из пещеры, стал перед горою и закричал:

— Гора Семси, гора Семси, затворись!

Гора затворилась, и бедняк возвратился домой с золотом. С той поры ему не о чем уже стало заботиться: золота у него было вдоволь для того, чтобы купить жене и детям хлеба, а иногда и вина, и стал он жить да поживать, Бога благодарить, да бедных не забывать.

Когда же все золото у него пришло к концу, он пришел к своему брату и попросил у него взаймы меру. С этой мерой он опять отправился к горе, но и на этот раз не дотронулся ни до жемчуга, ни до драгоценных каменьев. Точно так же и в третий раз, идя к горе, он опять брал у брата меру. А богач давно уже стал завидовать его достатку. Все он ломает себе голову, откуда, дескать, бедняку пришло этакое богатство и зачем он занимает у него меру? Думал, думал он да и придумал хитрость: обмазал богач дно меры смолою.

Когда брат возвратил ему меру, то он, взглянув на дно, увидал, что к смоле прилип один золотой. Он сейчас же к брату, с вопросом:

— Что ты мерил моей мерой?

— Хлеб и овес, — отвечал тот.

Тогда богач показал ему золотой, прилипший ко дну меры, и пригрозил стащить его в суд, если только он не скажет ему всей правды. Делать нечего, пришлось бедному рассказать все, как было. Узнав в чем дело, богатый брат сейчас же приказал дома запрячь повозку и отправился с нею прямо в лес, решив забрать сразу не такие пустяки, как дурак его брат забирал. Приехал он к горе, стал перед нею и закричал:

— Гора Семси, гора Семси, отворись!

Гора отворилась, он вошел в пещеру, да как увидел такие богатства, глаза-то у него и разбежались, слюнки так и потекли — не знал он, за что ему и схватиться. Наконец, схватил он в охапку столько жемчуга, бриллиантов и других дорогих камней, сколько хватило сил нести и тащит их вон из горы. Но богатства так ему голову заполонили, что название горы совсем выскочило из его памяти, желая выйти, он закричал:

— Гора Симели, гора Симели, отворись!

А гора ни с места, не слушается — да и только, потому что назвал он ее не по имени. Испугался завистливый богач, стал ломать себе голову, как бы вспомнить настоящее название горы, только чем больше он думал, тем больше его мысли от страха запутывались, и никак не мог он вспомнить имени горы, не мог заставить ее отвориться.

Но к вечеру гора вдруг отворилась и двенадцать разбойников вошли в пещеру. Как увидали они злого богача, давай хохотать да приговаривать:

— А, попалась птичка в западню! Ты думаешь, что мы не заметили, как ты тут гостил уже три раза. Ну, теперь ты в наших руках и не выйдешь живой из пещеры.

Напрасно злой богач уверял их, что это не он бывал в пещере, а его брат, напрасно он молил и просил помиловать его. У разбойников расправа короткая — мигом сняли они ему голову с плеч.

Гвоздь

Выгодно купец поторговал на ярмарке, продал все свои товары, туго набил кошелек и заторопился в обратный путь, чтоб в тот же день к ночи приехать домой.

Едет он верхом на своей лошадке с тяжелым чемоданом, крепко привязанным к седлу. В полдень он остановился на постоялом дворе и когда, пообедав, опять собирался в путь, конюх подал ему лошадь и говорит:

— А вы, верно, господин купец, не заметили, что у вашей лошади на правой задней ноге не достает одного гвоздя в подкове?

— Пустое дело, — отвечал купец, — двадцать-то верст подкова продержится, а мне некогда, я тороплюсь.

К вечеру купец опять остановился, чтобы покормить лошадь. Конюх скоро отыскал его да и говорит:

— Господин купец, у вашей лошади недостает правой подковы на задней ноге. Не прикажете ли отвести лошадь в кузницу?

— Ничего, — отвечал купец, — всего-то остается каких-нибудь десять верст, лошадь дойдет и без подковы, а мне некогда, тороплюсь.

Он опять пустился в путь. Только лошадь скоро захромала, еще немного погодя она стала спотыкаться, споткнувшись раза три-четыре, она упала и ногу себе сломала. Пришлось купцу поневоле бросить лошадь. Снял он с нее тяжелый чемодан, взвалил его на плечи и пешком поплелся дальше.

“Из-за этого проклятого гвоздя тащись теперь пешком в глухую пору”, — думал он. И только поздно ночью добрался до своего дома.

Дочь Короля-Великана

Жил-был когда-то на свете король, и был у него сын, которому еще в колыбели предсказано было, что пятнадцати лет он погибнет от оленя.

Шестнадцатый год шел юноше, и отправился он раз на охоту, да как-то отстал от своих егерей. Вдруг перед ним мелькнул громадный красивый олень. Королевич погнался за ним и так увлекся, что и не заметил, как очутился в самой глуши леса. Тут вместо оленя явился перед ним человек громадного роста и сказал:

— Ну долго ж пришлось мне тебя ждать, зато уж больше ты от меня не вырвешься. После этого великан взял под уздцы лошадь королевича и повел за собою.

Немного спустя, пришли они в громадный королевский замок, где великан познакомил королевича со своими дочерьми, угостил его по- королевски, а потом сказал:

— Эту ночь ты должен будешь простоять на часах у комнаты моей старшей дочери, и каждый час я буду окликать тебя. Если ты все время будешь отвечать мне, — получишь ее в жены, а нет — не прогневайся: мой меч — твоя голова с плеч.

Наступила ночь, отвели королевича к спальне старшей дочери и оставили одного. Стоит он и думает, как бы не проспать да вовремя на зов великана ответить. Вдруг выходит старшая дочь и говорит:

— Не горюй, королевич, я тебе помогу.

А сама обратилась к большому каменному истукану, что стоял тут же, и сказала ему:

— Каждый час будет окликать мой отец королевича, так ты вместо него отвечай.

Кивнул истукан головой и опять замер. Дочь великана ушла к себе, а королевич положил голову на порог и заснул как убитый. Только истукан-то верно выполнил свою службу, потому что на следующее утро великан говорит королевичу:

— На этот раз ты хорошо сделал свое дело, но дочери своей я тебе не отдам. Ты должен эту ночь стоять на страже у спальни моей средней дочери. Я снова стану окликать тебя и, если ты на этот раз не откликнешься, прощайся с жизнью.

Отвели королевича вечером к спальне средней дочери, но и здесь по ее приказанию откликался истукан, а королевич до утра проспал преспокойно.

Однако великан заставил королевича караулить еще у спальни третьей дочери, но и здесь с ним случилось то же самое: по приказанию младшей дочери истукан отвечал великану, а королевич спал до самого утра.

Видит великан, что королевич все три задачи исполнил, а дочери все-таки не отдает. Дал он королевичу стеклянный топор, такой же клин и такую же пилу и говорит ему:

— Этими инструментами ты должен вырубить мне в один день весь лес, что растет вокруг моего замка, тогда, может быть, я и выдам за тебя мою дочь.

Пошел королевич в лес, ударил о дерево топором раз — и разлетелся топор вдребезги. То-же случилось с клином и пилой. Видит королевич, дело плохо, сел на пень да сидит, пригорюнившись, сам не знает, что делать. Подошло время обедать и приносит ему обед младшая дочь, приносит и спрашивает:

— Ну что, королевич, невесел, что головушку повесил?

Рассказал ей королевич, в чем дело, а она и говорит:

— Не печалься, поешь да отдохни немного, все будет сделано.

Послушался королевич, поел, прилег на мягкий мох и заснул сладким сном. Младшая дочь достала свой платочек, ударила им три раза о землю и проговорила:

— Эй, мои работнички, станьте передо мной, как лист перед травой!

Тут появилось из земли много-много подземных человечков, один из них подошел к ней ближе и спросил:

— Что прикажешь, госпожа?

— Чтоб ровно через три часа весь этот лес был срублен, спилен и в штабеля сложен.

Мигом принялись человечки за работу, и через три часа все было готово. Тогда младшая дочь отпустила человечков, а сама разбудила королевича, показала ему, что все сделано, велела ему вечером идти домой и сама ушла.

— Ну что, срубил лес? — спрашивает вечером великан королевича.

— Срубил, — отвечает он.

— А все-таки дочери за тебя я пока не отдам. Ты должен мне исполнить еще одну работу. Есть у меня громадный пруд, да весь он зарос. Ты должен этот пруд очистить и сделать так, чтоб в нем всякие рыбы водились. К шести часам вечера завтра чтоб все было готово.

Утром дал великан королевичу стеклянные лопату и кирку и отправил на работу. Пришел королевич к пруду, стукнул раз лопатой — лопата пополам, ударил киркой — кирка вдребезги. Что делать? Бросил королевич работу и, пригорюнившись, уселся на берегу. Ровно в полдень принесла ему обед младшая дочь великана и спрашивает:

— Ну что, как дела?

— Погибать приходится, — отвечал ей королевич и рассказал о своем горе.

— Не печалься, — говорит она, — поешь лучше да отдохни немного, авось дело-то и обойдется. Поел королевич и заснул на зеленой муравке, а дочь великана снова вызвала земляных человечков и велела им пруд очистить. Те сейчас же взялись за работу и через три часа пруд был чист, как зеркало, и в нем всякая рыба плавала. Разбудила дочь великана королевича, а сама домой пошла. Королевич обрадовался, увидев, что пруд очищен, и вечером пришел к великану.

— Ну что, очистил пруд? — спрашивает великан.

— Очистил, — отвечает королевич.

— Теперь сделай мне еще одну работу, тогда отдам за тебя младшую дочь, — говорит великан.

— А в чем работа? — спрашивает королевич.

— Вот видишь перед замком громадную гору, заросшую терновником? На этой горе ты должен выстроить мне великолепный дворец, а вместо терновника там должен быть сад. Завтра к вечеру все должно быть готово, а нет — так не только дочери моей не получишь, а и головы на плечах не сносишь.

Утром дал великан королевичу стеклянные топор и такой же бурав и послал на гору. Начал было королевич работать, но при первом же ударе топор разбился, а бурав сломался. Сел королевич под кустик и стал поджидать свою будущую невесту. Ровно в полдень принесла она ему обедать и, узнав в чем дело, приказала королевичу

лечь спать, а сама вызвала подземных человечков. Пришло их еще больше, и один по-прежнему спросил:

— Что прикажешь, госпожа?

— Чтоб через три часа на этой горе дворец был, а вместо терновника чтоб роскошный сад рос, — приказала младшая дочь.

Как муравьи принялись подземные человечки за работу и раньше срока все было готово. Отпустила она человечков, разбудила королевича и, немного погодя, повела его к отцу. Узнав, что замок готов, великан сказал королевичу:

— Раньше старших я младшей не выдам, погоди, пока просватаю старших, а теперь оставайся у меня.

Сильно опечалился королевич и младшая дочь, стали думать, как бы им горю пособить, и решили бежать. Выбрали они ночку потемнее, потихоньку вышли из дворца и пустились в путь. На рассвете заметила дочь, что догоняет их отец и говорит королевичу:

— Отец догоняет нас. Сделаю я тебя розовым кустом, а сама стану розой и спрячусь в твоих колючках.

Прибежал великан к тому месту и видит — никого нет, только розовый куст стоит, а на нем роза. Хотел он розу сорвать, да шипы больно кололись, и вернулся он домой ни с чем.

— Ну что, привез дочку? — спрашивает его жена.

— Нет, — отвечает он, — потерял их след, а видел только розовый куст, а на нем розу.

— Ну вот это и были они, — говорит жена, — нужно было тебе только розу сорвать, а куст и сам бы пришел. Иди опять.

Пустился великан, а наши беглецы успели уже далеко уйти. Прибежал великан к тому месту, где розовый куст был, а там уже ничего нет. Погнался великан дальше, а царевна, заслышав погоню, обернула себя церковью, а королевича около нее как старенького священника поставила. Добежал великан до церкви, спросил священника, не видал ли он беглецов, да как услышал, что сюда уже десять лет как никто не заходил, вернулся назад. Пришел он домой и говорит жене:

— Ни куста, ни розы я не нашел, а видел только церковь, а около нее старенького священника.

— Эх ты, — отвечала ему жена, — это они и были. Нужно было священника взять, а церковь и сама бы пришла. Ну да пойду я сама лучше, уж от меня-то они не уйдут.

Погналась жена великана за ними, и дочь, заслышав погоню, говорит:

— Беда нам! Сама мать за нами гонится. Оберну я тебя прудом, а сама сделаюсь рыбкой.

Добежала мать до того места, где они были, и видит пруд, а в пруду рыбка резвится. Хотела она рыбку как-нибудь поймать да не удается. Билась-билась она, наконец и говорит:

— Нет, вижу, ничего не поделаешь с вами. Выходите оба — ничего вам худого не будет.

Обратились пруд и рыбка в королевича и дочь великана и явились его жене. Она их простила, отпустила домой и на прощанье дала дочке три ореха.

— Возьми, — говорит, — доченька, в нужде разгрызешь.

Пошли наши молодые своей дорогой и скоро пришли в деревню, которая была недалеко от замка королевича. Королевич и говорит своей невесте:

— Ты подожди меня здесь, а я пойду вперед и пришлю за тобой слуг и карету.

— Хорошо, — отвечает дочь великана, — да смотри: во дворце не целуй матеь. Поцелуешь — забудешь обо мне.

Поклялся королевич, что никогда ее не забудет и пошел во дворец. Там ему все очень обрадовались, да и он не меньше и, здороваясь с родителями, забыл и поцеловал мать. Сразу вылетела у него из памяти и дочь великана и что она для него сделала, и остался он жить по-прежнему во дворце.

Ждала-ждала дочь великана своего жениха, а его все нет и нет. Догадалась она, что поцеловал он мать и забыл ее, и нанялась служанкой на мельницу. Живет она на мельнице почти год, а королевич в это время жениться задумал и невесту себе подыскал. Вот и день свадьбы назначили, и стал народ собираться поглазеть на королевскую свадьбу. Напросилась посмотреть на свадьбу и дочь великана, и отпустил ее мельник. Она разгрызла один орех, достала оттуда такое платье, что и у королевы такого прекрасного не найдется, надела его и пошла в церковь. Пробралась она сквозь толпу народа и стала как раз против того места, где должны были стать жених с невестой. Вот приехали и они, осмотрелась невеста кругом да как увидела на дочери великана ее роскошное платье, сейчас к жениху.

— Не хочу, — говорит, — венчаться, пока и у меня точно такого же платья не будет.

Нечего делать, отложили свадьбу. А невеста призвала к себе дочь великана и спрашивает:

— Что возьмешь за платье?

— Не напродажу платье, а заветное, — отвечает та.

— А какой завет?

— Одну ночь у двери спальни твоего жениха переночевать.

Согласилась невеста, только на ночь опоила королевича сонным зельем, а потом уж впустила дочь великана. Целую ночь проплакала бедная у двери королевича, напоминала ему обо всем, что для него сделала, но он ничего не слышал. Однако плач ее услышал слуга, и хотя ничего не понял, но сказал об этом королевичу.

На следующий день опять поехал королевич венчаться, а дочь великана достала из второго ореха еще лучшее платье. Снова невеста отказалась венчаться и за ту же цену выменяла у дочери великана платье. В эту ночь королевич ничего не пил и лишь только дочь великана стала плакать и причитать, он вспомнил все, вышел к ней, просил простить его, что он так долго не мог вспомнить о ней, и повел ее к отцу.

Здесь он рассказал, как он был у великана и как эта девушка спасла его от верной гибели. Старый король был очень рад, и на следующий день велел повенчать их, а прежнюю невесту отослали домой. На своей свадьбе дочь великана была одета в новое платье, которое достала из третьего ореха. Свадьба была настоящая, королевская, а потом молодые зажили счастливо и жили очень долго, а может быть, живут и теперь, да я в их стороне давно не был, а вы — никогда.

Солдат на службе у черта

Дали солдату отставку и пустили на вольный белый свет. Команду выполнять — солдат умеет, а работы, ремесла — никакого. Идет он, голодный, лесом, пригорюнившись, вдруг навстречу ему черт.

— Эй, — говорит, — служивый! Чего ты нос повесил?

— Повесишь нос, коли зубы на полку положить приходится, и сам не знаю, где голову приклонить.

— Иди ко мне на службу, у меня в аду хорошо, служба легкая и жалованьем не обижу. А прослужишь семь лет — ступай, куда хочешь.

— Ладно, — говорит солдат.

Привел черт солдата в ад и рассказал, в чем его служба будет состоять.

— В этих, — говорит, — котлах грешники сидят. Ты под ними огоньку тухнуть не давай, чуть что, — охапочку дров подкинь. А тех, что на сковородках жарятся, с бочка на бочок переворачивай, чтобы

кругом зарумянивались, да смотри, смолой почаще поливай, чтобы, не ровен час, не пригорели. Само собой, если какой грешник с крюка сорвется, ты его опять аккуратно за ребрышко подцепи, или вот из этих баб, что за язык подвешаны, если какая оборвется, ты ей в языке-то новую дырочку просверли да опять ее легонько подвесь. Так-то вот все и правь, во всем порядок соблюдай. Да смотри, гарнизонная крыса, не очень в котлы заглядывай, чтобы какой грешник не выскочил, в котлах-то самые тяжкие грешники варятся.

Ушел черт из преисподней на землю добрых людей с пути сбивать, а солдат в аду остался и стал свою службу служить. Время идет да идет, солдат вокруг котлов похаживает, дрова под них подкладывает, а в котлах что-то варится, бурлит, кипит... "Дай, — думает солдат, — посмотрю, кто в этих котлах муку терпит"

Взял кочергу, приподнял крышку одного котла, а оттуда его бывший фельдфебель выглядывает.

— Здравствуй, дяденька, — говорит солдат, — вот ты теперь где? Видно, отозвались тебе наши солдатские слезы: ты нас без милости бил да наш солдатский приварок вместе с артельщиком воровал.

Открыл другой котел, а артельщик там и есть, в котле поворачивается... Ну, солдат их с фельдфебелем не обидел: под обоих по хорошей вязанке дров подкинул, так они и закипели белым ключом. Подошел он и к третьему котлу, открыл крышку, — а оттуда его бывший ротный выглядывает.

— Эй, — кричит, — рядовой! Отвори крышку пошире, мне выйти надобно.

Солдат сейчас вскинул кочергой на плечо и говорит:

— Никак невозможно, ваше благородие, мое новое начальство не приказало, и должен я его теперь слушаться, как вас слушался, когда на службе был.

Захлопнул он над ротным крышку и пошел дальше свою службу служить.

Так в работе прошло семь лет — точно семь дней для солдата.

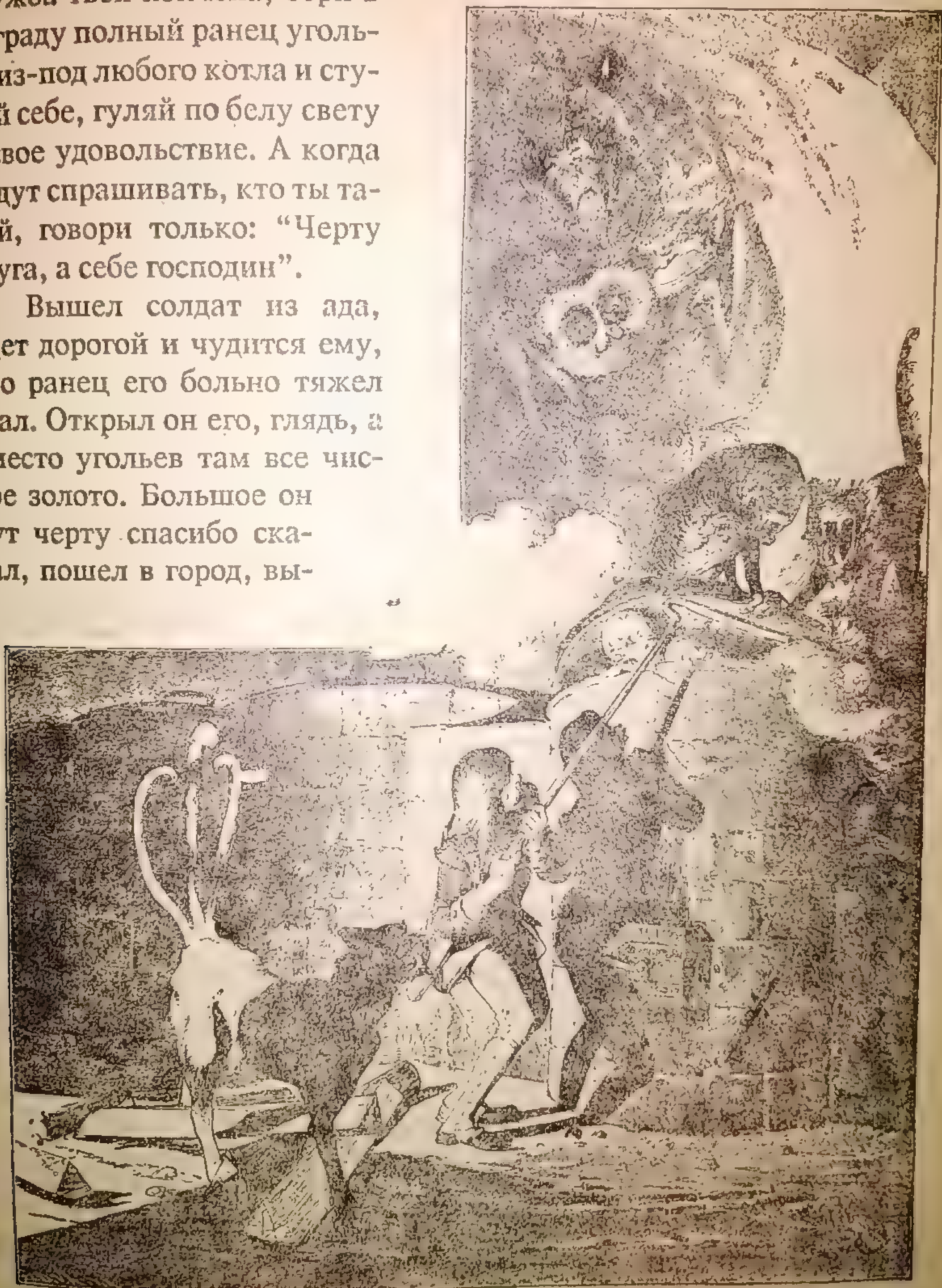
Воротился черт в ад, закончив свои каверзные дела на земле, и говорит солдату:

— Ну, служивый, вижу: свое дело ты хорошо делалл. Везде порядок, ни одному грешнику ты не дал поблажки, всем, что следует, — отпускал. Только зачем в котлы заглядывал?

— Виноват, господин черт.

— То-то, виноват, ну, счастье твое, что ты старых знакомых не миловал, а то не миновать бы тебе самому в котел попасть. Теперь служба твоя кончена, бери в награду полный ранец угольев из-под любого котла и ступай себе, гуляй по белу свету в свое удовольствие. А когда будут спрашивать, кто ты такой, говори только: "Черту слуга, а себе господин".

Вышел солдат из ада, идет дорогой и чудится ему, что ранец его больно тяжел стал. Открыл он его, глядь, а вместо угольев там все чистое золото. Большое он тут черту спасибо сказал, пошел в город, вы-

брился, выстригся, в бане вымылся, купил себе франтовскую одежду и засел в трактире, погулять после службы у черта. Сидит солдат в трактире, песни поет, ест, пьет, — и напился. Как пришло дело к расплате да раскрыл он свой ранец, полный золота, разбежались глаза у трактирщика на солдатское богатство, подхватил он солдата под руки, точно важного господина, свел его в лучшую комнату и спать уложил на мягкой постели. А ночью забрался к нему да и украл у него ранец с золотом.

Проснулся поутру солдат, хвать за ранец — нет ранца. Он к трактирщику, трактирщик солдата в шею, он к начальству, начальство спрашивает:

— Откуда у тебя были такие деньги — целый ранец с золотом, и сам ты кто такой?

А солдат только ответил:

— Черту слуга, а себе господин.

Ну и отсюда его прогнали да пригрозились еще в тюрьму посадить.

Пошел солдат из города, опять гол, как сокол. Идет лесом и говорит сам себе:

— Вот, не успел черту спасибо сказать, — все его жалованье опять к нему пошло.

А черт тут как тут.

— Все от того, служивый, — говорит, — что ты мне "спасибо" сказал, очень мы, черти, этого слова не любим. Ну, да не горюй: служил ты мне верой и правдой, и я тебя не оставлю. На вот тебе кочерга, которой ты у меня в аду головешки разбивал. Махнешь ею на своего неприятеля — как подкошенный с ног свалится да так и будет лежать, словно колода, пока ты его не помилуешь. Только знай: не стриги себе волос и ногтей, не брейся, не чешись и не умывайся, пока будешь ходить таким чумазым, до той поры и сила в твоей кочерге держаться будет.

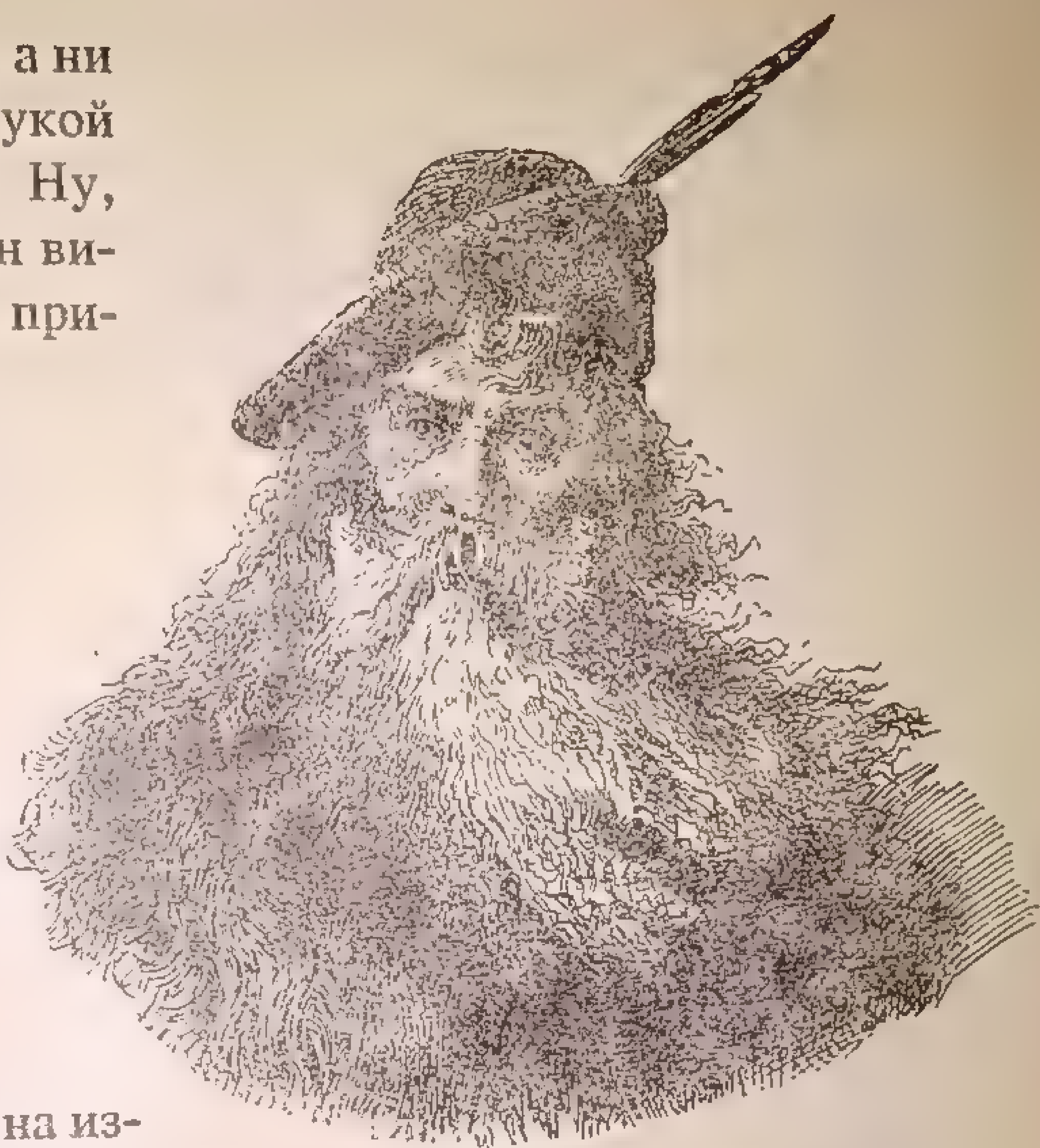
Сказал черт, отдал солдату кочергу, и сгинул, точно сквозь землю провалился.

А солдат пошел быстрым шагом назад в город, прямо в трактир, где его обворовали, подошел к хозяину:

— Признавайся, ты мои деньги украл?

А трактирщик ему: — Хоть бы и я, — говорит, — чем ты доказать можешь? Гоните его, молодцы, в шею!

Наскочили на солдата половые, а он как махнет кочергой на них и на хозяина, так все они врозь головами и повалились, лежат да

только глазами поводят, а ни встать, ни ногой, ни рукой пошевелить не могут. Ну, лежали, лежали, хозяин видит, что дело плохо, признался солдату:

— Виноват, — говорит, — лукавый попутал, я твои деньги взял.

Забрал солдат свой ранец с золотом и пошел по городу гулять. С деньгами нашлось у него друзей-приятелей — хоть отбавляй, пьют, едят за его счет, на извозчиках катаются. Не прошло и года, — прогулял солдат все свои деньги и остался нестриженный, чумазый, без денег и без товарищей.

Что тут делать? Взял он свою кочергу и ушел в темный дремучий лес. Выстроил себе избушку, стал в ней жить и за дикими зверями охотиться. Выследит медведя, подберется к нему, махнет на него кочергой, — медведь так кверху лапами и кувыркается. Так и жил солдат: ел медвежатину, в медвежьи шкуры одевался, не стригся, не мылся и таким стал скоро красавцем, что люди его пугались и лошади от него шарахались. Да людям он редко и показывался.

Прошло немало времени. Повел король той страны войну с соседним королем, да только неудачно. Ворвались неприятели в его королевство, войско его разбили, самого загнали в столицу и столицу кругом обложили. И кликнул клич король, что если найдется такой молодец, который поможет ему неприятеля разбить и столицу освободить, он за того свою дочь замуж выдаст и после смерти отдаст ему все свое королевство.

Как услыхал солдат про это, сейчас взял свою кочергу и явился к королю:

— Так и так, ваше королевское величество, я могу ваше государство освободить.

Глядит на него король и диву дается, — не то человек, не то зверь, в медвежью шкуру обернут, волосы свалялись, ниже плеч висят, бородой все лицо заросло, а там, где лицо видно, оно черное да грязное, хоть репу на нем сей, ногти, как звериные когти, длинные да загнутые.

— Кто ты такой, — спрашивает солдата, — и как ты неприятеля победишь? У меня войска нету.

— Я черту слуга, — говорит солдат, — а себе господин. А войска мне вашего величества не надо, я один справлюсь, только не забудьте вашего королевского слова.

Вышел солдат против неприятельского войска и давай своей кочергой размахивать; махнет вправо — рота с ног валится, махнет влево, — целый полк кувырком летит. Живо все неприятельское войско лоском положил, а самого короля в плен взял и к своему королю во дворец привел.

Увидала молодая королевна, за кого ей замуж выходить приходится, горько заплакала и говорит отцу:

— Государь мой, батюшка, лучше предай меня лютой смерти, чем за такое чудище замуж выдавать.

А король ей:

— Что ж делать, дочь моя любезная, это было мое королевское слово, а королевское слово тверже булата стоит. Нельзя его не исполнить.

Как услыхал это солдат, сейчас вышел в другую комнату, вымылся, постригся, выбрился и вышел таким молодцом, что королевна, увидавши его, сразу утешилась и пошла за него замуж охотно.

У короля, известно, не пиво варить, не вино курить — скоро веселым пирком да за свадебку. Женился солдат на королевне и стали с ней жить да поживать. А кочергу — чертов подарок — сжег, потому что и толку в ней больше не было никакого.

Великан и портной

Вздумал один портной, большой бахвал, по свету побродить, людей посмотреть, себя показать. Вот ушел он из мастерской и побрел, куда глаза глядят: через горы высокие, через степи широкие, через леса дремучие, через пески сыпучие. Шел он, шел и вдруг видит далеко-далеко крутую гору, поросшую лесом, а из-за леса виднеется будто высокая башня. "Чтоб-ы это за башня такая могла быть?" — спросил себя портной и так как он был очень любопытен, то прямиком и пошел к горе.

Ну и вытаращил же он глаза, увидав, что эта башня вдруг шевельнулась, перешагнула через гору — и перед ним стал страшный огромный великан.

— Чего ты, клоп этакий, сюда приполз? — крикнул великан.

— Да вот, — пролепетал портной, чуть живой от страха, — смотрю: нет ли здесь в лесу мне какого заработочка.

— Ладно, иди ко мне в слуги.

— А какое мне будет жалованье? — спросил портной, оправившись от испуга.

— Жалованье? — засмеялся великан. — Триста шестьдесят пять дней жизни в простой год, а в високосный еще одним днем больше. Довольно?

— Ну, я согласен, — отвечал портной, потому что больше и отвечать ему было нечего.

Великан разлегся на кустах, будто на самой мягкой травке, и говорит своему новому слуге:

— Эй ты, плут! Принеси-ка мне воды напиться!

А хвастун портной его спрашивает:

— Не прикажешь ли, хозяин, уж кстати весь колодец принести?

И, взявши кружку, ушел за водой. "Что это он сказал? — задумался великан. — И весь колодец принести... Ах ты, скажите на милость, какой ловкий! Уж не колдун ли он?" И глупый же преглупый был этот великан!.. "Эй, берегись, старина, — говорит он себе, — не по тебе этот слуга!"

Вернулся портной с водою, хозяин приказал ему нарубить в лесу дров. А бахвал портной говорит ему:

— Не лучше ли уж весь лес сразу принести, как есть с корнями, с листьями и с сучьями?

И ушел за дровами. А великан еще пуще задумался: "Это что ж такое? И кстати весь колодец он хочет принести, да и весь лес, как есть с корнями, с листьями и с сучьями обещается приволочь... Эй, берегись, старина, наверное, это колдун!"

Когда портной вернулся с дровами, великан приказал ему застрелить парочку-другую кабанов или медведей.

— Не лучше ли уж сразу сотни две? — спросил его портняга. — Да и зажарить их на одном вертеле.

— Что ты, что ты! — закричал совсем перетрусивший великан. — Нет, уж на сегодня будет с тебя работы. Ступай-ка ложись спать.

Всю ночь не спал глупый великан, все обдумывал, как бы ему избавиться от слуги, который, само собой разумеется, страшный колдун. А так как утро вечера мудренее, то наутро великан и повел портного к озеру, на берегу которого росло много ивняка.

Привел хозяин слугу туда и говорит:

— Слышь-ка, портной! Сядь, голубчик, на ивовую ветку. Смерть мне хочется посмотреть, согнется она под тобою или нет.

— Ишь ты, ловкий! — отвечает портной. — Мне не долезть до ветки. Нагни сам какую-нибудь.

Как только портной сел на пригнутую вниз ветку, великан и отпустил ее... И-и-их ты! как портной кверху взвился! Из глаз скрылся, да и теперь еще с земли его не видать, если он давно уже не свалился.

Муж да жена

Иван был ленив, так ленив, что даже ему было лень горевать о том, что приходится козу пасти. А как-никак, пришлось-таки на тяжелую жизнь пожаловаться один раз, когда ему сильно досталось за то, что коза в чужом огороде всю капусту поела. Вот и заохал Иван:

— Что это за житье: утром спал бы да спал, а тут вставай да в поле вслед за козой иди; днем не успеешь два-три часика заснуть, — козу из чужого огорода надо выгонять, а вечером не заснешь, пока солнце не сядет. Женюсь-ка я лучше на толстой Кате: у нее тоже коза есть, она и мою, кстати, гонять будет, а я стану спать в свое удовольствие.

А Катя еще ленивее Ивана была. Как завалились они оба спать, — и совсем уж некому коз пасти. Вот и говорит муж жене:

— Э, ну их, этих коз! Променяем их на улей пчел. Пчел пасти не надо, а меду они нам наготовят.

— Чего лучше, — отвечает жена, — кстати, у соседа и пчелы есть.

Сосед с охотой дал колоду пчел за двух коз. Пришла осень, выбрал Иван из улья целый горшочек меда и поставил на полку.

Раз лежит Иван на постели среди бела дня, — это он от долгого сна отдохнуть прилег, — и говорит жене, которая в то время на лавке отдыхала:

— Эх-эх-эх! Что-то мед у нас в горшочке очень скоро убывает. Пока еще ты его весь не съела, давай-ка лучше выменяем на него хоть курицу с цыплятами.

— Ну что ж, — отвечает жена, — выменяем, только подожди, пока у нас сын родится да подрастет, чтоб курицу пасти, а то не мне же этим себя утруждать.

— А ты думаешь, что так наш сынишка и захочет пасти курицу?

— Мало ли чего не захочет, — говорит жена, — прикажем.

— Ну нынче тоже дети-то не очень родителей слушаются, умнее их себя считают, — подзадорил ее муж.

— Только пусть меня не послушается! Я тогда эту палку как возьму да как начну его учить... Вот так, вот так! — закричала жена, схватила палку, замахала ей да кружку с медом и разбила.

— Вот тебе и курица с цыплятами! — говорит ленивый Иван. — Ну да, слава Богу, пасти их не придется. Давай-ка подлижем мед с черепков да отдохнем еще часок-другой с перепуга.

Поотдохнули они еще часика три до вечера. Спали-спали, — тут ночь подходит, а у них и сон прошел.

— Знаешь, Ваня, что я придумала? — спрашивает жена.

— Нет.

— Вот кабы я один рубль нашла, другой бы мне подарили, к ним призаняла бы я третий, да четвертый ты бы мне дал, так я бы себе телочку купила.

— Вот это дело, — говорит муж, — хоть я и не знаю, откуда бы мне рубль для тебя взять, ну коли ты сама денег подкопишь, так коровку купить чего лучше. Принесет коровка телочку, смотришь, и я молочком иной раз полакомлюсь.

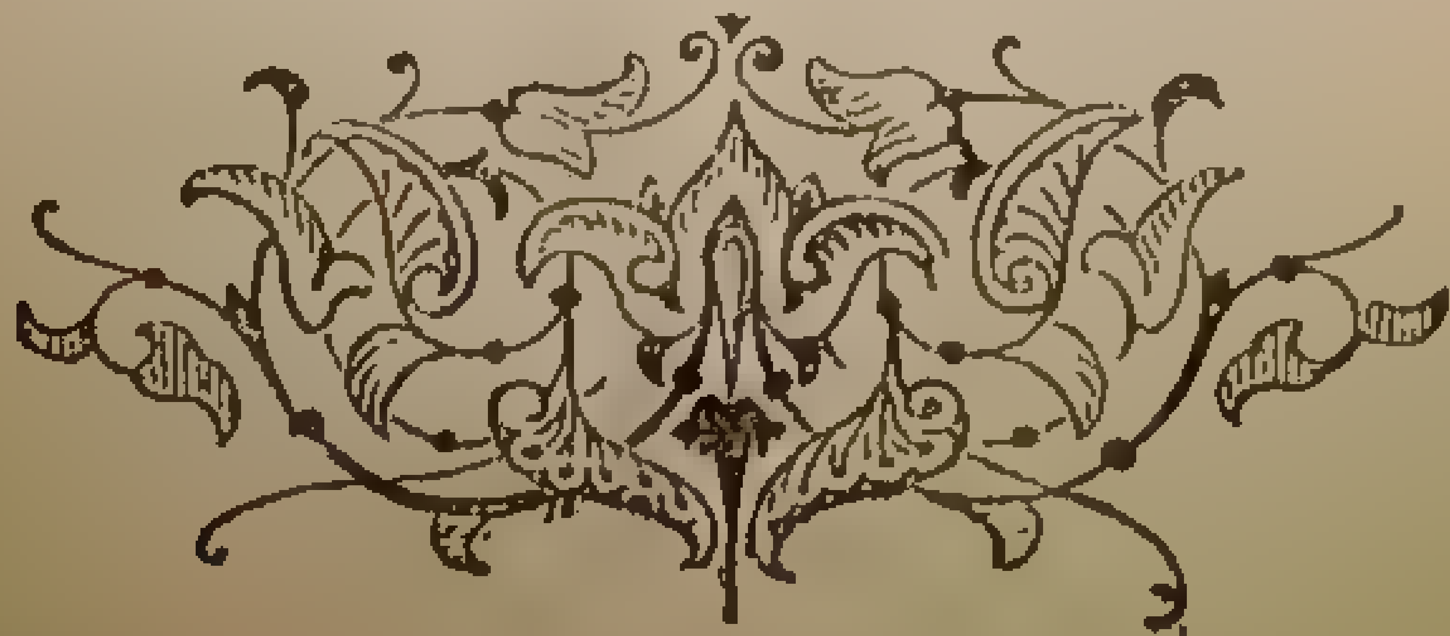
— Ишь ты какой, — говорит жена, — так я тебе молока и дала! Молоком я теленка выпою да продам, а ты хоть пропадай, — ни капли молока не увидишь. Знаю я тебя, обжора, ненасытная твоя утроба! Ты рад все проесть, что я недосыпными трудами скопила.

Рассердился ленивый Иван:

— Молчи, баба! Не то, я тебе покажу, как мужу в стакане молока отказывать.

— А, ты мне еще грозишь, разбойник ты этакий!

И передрались ленивый Иван со своей женой, толстой Катей, из-за молока от той коровы, на покупку которой у них и денег-то не было.

Подарки подземных человечков

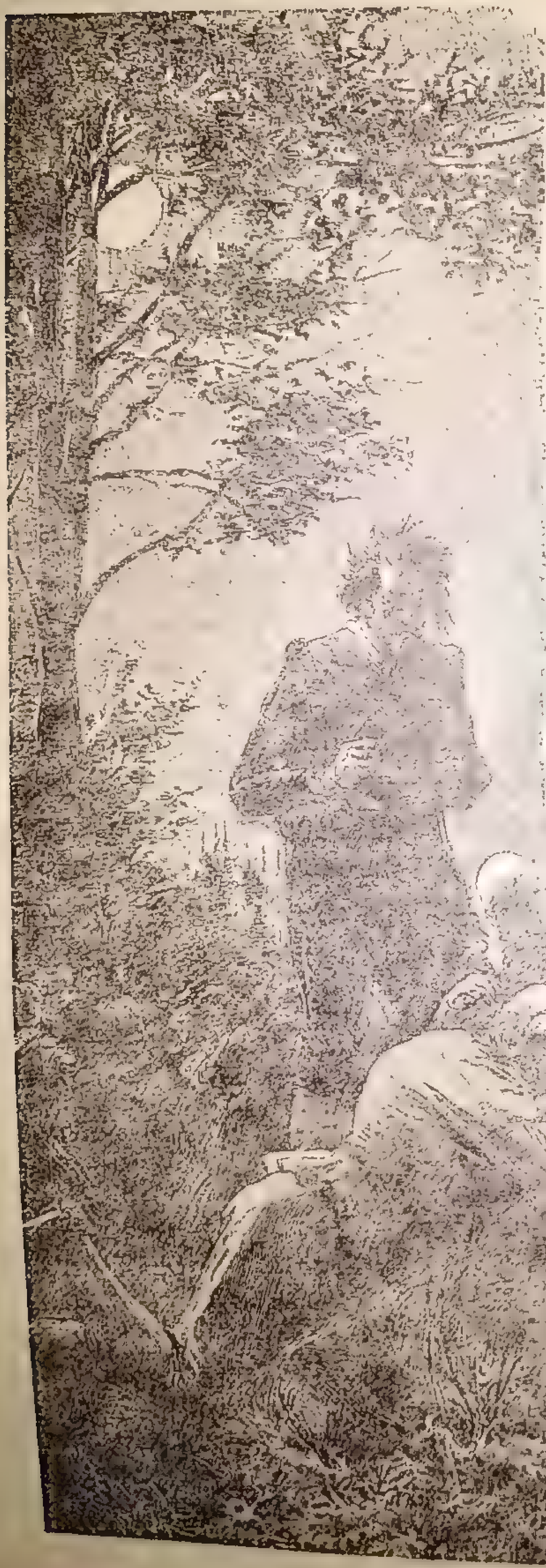
Шли как-то вместе портной и сапожник. Дело было поздним вечером, вдруг слышат они, точно недалеко от дороги в лесу музыка играет, очень какая-то странная, но такая веселая, что путники, позабыв об усталости, быстро пошли в ту сторону, откуда она слышалась. Перебравшись через пригорок и выйдя на лесную полянку, они увидели много маленьких подземных человечков, которые при свете полного месяца весело кружились и танцевали посреди поляны. Среди их хоровода на пне сидел старик, немного побольше отальных, одетый в богатое цветное платье, лысый, с длинной до пояса седой бородой.

Портной и сапожник в изумлении остановились, а старик, увидав их, встал и пригласил их подойти к нему. Сапожник был горбат и как все горбатые любил храбриться, поэтому он смело вошел в круг танцующих, а портной сначала побаивался, с ноги на ногу переминался, и только тогда решился подойти к старику, когда тот раза два его ласково поманил.

Когда они подошли к старику, он снял с пояса широкий нож и стал его точить, поглядывая на незнакомых гостей. Потом вдруг встал, кинулся на сапожника, повалил его, и не успел тот и пикнуть, как старик наголо обрил ему голову, сбрил бороду и усы. Покончив с сапожником, старик проделал то же и с портным, который и не противился, потому что был еле жив от страха. Все это старик делал молча, но когда сапожник, придя в себя, решился спросить его: "Зачем вы меня так оголили, господин? — он ласково отвечал:

— Нам, подземным людям, нельзя обойтись в нашем деле без человеческих волос... Но не бойтесь, выбритые этим ножом волосы ваши завтра же отрастут по-прежнему, а за беспокойство и за то, что вы не противились, берите себе из нашего костра, сколько хотите, угольев.

Портной с сапожником набили себе угольями карманы, хоть и не знали, какой от них будет толк. В эту минуту на ближней колокольне пробило полночь, и подземные человечки исчезли вместе с костром, точно ничего и не было.

Поздно ночью добрались путники до постоялого двора и улеглись спать на соломе, укрывшись своими кафтанами, из которых от усталости они позабыли и уголья вынуть. Но проснулись они очень рано, потому что уж очень тяжело им было, точно какая-то тяжесть их обоих давила. Хотели было они с себя скинуть кафтаны, глядь, а все карманы их набиты вместо угольев чистым золотом, да при этом оказалось еще, что и волосы у них на головах и в бородах отросли, словно и обриты не были.

Оба они сразу разбогатели, однако у сапожника, который

был очень жаден, денег оказалось много больше, чем у портного. А уж известно, что жадный человек, сколько бы ни получил, все большего желает, и потому сапожник стал подговаривать портного, чтобы вечером опять сходить в лес к подземным человечкам да набрать у них угольев как можно больше.

— Нет, — говорит портной, — с меня довольно и того, что у меня есть, теперь я мастером сделаюсь, женюсь, свою мастерскую заведу.

Однако ради товарища он согласился подождать на постоялом дворе еще одни сутки.

Вечером сапожник, захватив с собою два большущих мешка из-под хлеба, чтоб их полные золотом насыпать, отправился назад по дороге к лесу. Подземных человечков он нашел, старик его опять наголо выбрил, он насыпал к полуночи оба свои мешка полным-полнехонько угольями и совершенно довольный и счастливый вернулся к товарищу.

— Вот смотри, — говорит ему, — какие мешки я притащил да еще как легко, а завтра, как уголья золотом станут, пожалуй, нам две подводы придется нанимать, чтобы отвезти.

И завалился спать в сладкой надежде проснуться богачом. Но каково было его огорчение, когда, проснувшись на утро, он увидел свои мешки полные по-прежнему черными угольями. Погоревал он, погоревал: "Ну что делать, — думает, — придется быть довольным тем золотом, что раньше получил". Глядь, и вместо того золота стали уголья... Схватился сапожник за голову. Да что ж это? Голова лысая, как колено, ни бороды, ни усов точно и не бывало!.. Да и того мало: сверх прежнего горба на спине у него вырос еще другой горб — спереди на груди...

Горько заплакал сапожник, поняв, что все это — в наказание ему за жадность. Разбуженный его плачем, портной стал утешать своего несчастного товарища:

— Не горюй, друг, — говорил он ему, — я тебя не покину: живи и раздели со мной мои деньги.

И он сдержал слово. Но все-таки сапожник остался на всю жизнь с двумя горбами и должен был всегда ходить в шапке, чтобы прикрывать свою совсем лысую голову.

Месяц

В старину была такая сторона, где ночью всегда было темно, как в могиле. И не мудрено: на том небе никогда не бывало месяца, и ни одна звезда не блистала на нем. Видно, на долю той стороны не достало ночных светил при сотворении мира.

Вот из самой этой стороны отправились раз четыре молодца странствовать по белу-свету. Долго ли, коротко ли, и пришли они в такое царство, где каждый вечер, когда солнце заходило, на дубу выставлялся светлый шар, который на далекое пространство проливал свой свет. При этом свете все можно было видеть и хорошо различать, хоть он далеко не был так ярок, как солнечный свет.

Путешественники даже остановились от удивления и спросили у проезжавшего в телеге мужика, что это за свет.

— Это месяц, — отвечал тот. — Наш староста купил его за три рубля да и подвесил к дубу. Каждый день он должен подливать в него масла и содержать его в чистоте для того, чтоб он всегда ясно горел. За это староста получает с нас рубль в неделю.

Когда мужик уехал, один из путников и говорит:

— А ведь и нам не худо бы обзавестись таким месяцем. Дома у нас тоже есть дуб и такой же высокий, стало быть, повесить его есть на чем. Вот радость-то будет, как у нас кончатся ночные потемки.

— Знаете что? — говорит другой. — Найдем-ка телегу с лошадью да и увезем с собою этот месяц. Здешние могут себе другой купить.

— Я мастер лазить, — заметил третий, — живо сниму его.

Четвертый привез телегу с лошадью. Тогда третий влез на дерево, просверлил дыру в месяце, продел в него веревку и спустил вниз.

Когда месяц был уложен на телегу, молодцы покрыли его платком, чтобы никто не заметил их воровства, и благополучно довезли месяц на родину. Там поставили они его на высокий дуб. Вот было

веселье! Старый и малый не знали, как и радоваться, когда новая лампа засияла над всеми полями и лугами и разлила свой свет и в хижинах и палатах. Подземные человечки вылезли из своих пещер, и маленькие эльфы в своих ярких платьицах заплясали на полях и стали водить хороводы.

Четыре молодца старательно наливали в месяц масла, чисто держали светильню и получали за то каждый по рублю в неделю. Так они и состарились, а когда один из них заболел, то завещал, чтобы четвертую часть месяца как его собственность положили с ним в могилу. Когда он умер, староста влез на дуб, большими ножницами отрезал четверть месяца и положил ее покойнику в гроб.

Свет месяца уменьшился, но еще только чуть заметно.

Умер второй молодец, ему положили в гроб вторую четверть месяца — света стало еще меньше. Еще слабее стал он по смерти третьего, который тоже взял с собою в могилу свою четверть. Когда же умер четвертый и взял с собою последнюю четверть, — тогда наступил в том краю прежний мрак. Если люди выходили из дому без фонарей, то стукались друг с другом на улице лбами.

А в подземном царстве, где был прежде вечный мрак, четверти месяца опять соединились в целый. Тогда мертвые встревожились и проснулись. Удивились они, что опять могут видеть. Для них сияние месяца оказалось слишком сильным, и не мудрено: глаза их так ослабли, что не могли бы вынести солнечного блеска. Проснувшись, мертвые встали, разгулялись и захотели жить по-прежнему. Один пошел играть, другой плясать, а некоторые разбежались по трактирам, потребовали вина, подняли шум, брань, и наконец схватились за палки и подрались.

Ну тогда этим беспорядкам пришлось положить скорый конец. Прилетел Ангел с неба, велел мертвым опять лечь в свои могилы, а месяц взял с собою и повесил его на небе, чтобы он давал свет всем людям, живущим на земле.

Четверо мастеровых.

Жил когда-то на свете бедняк и было у него четверо сыновей. С трудом мог прокормить он своих детей, а когда они выросли, он посоветовал им идти в люди, выучиться какому-нибудь ремеслу и самим зарабатывать себе на хлеб. Дети послушались, попрощались с отцом и вышли из дому. Дойдя до перекрестка, от которого дороги шли в разные стороны, они решили разойтись с тем, чтобы ровно через четыре года вновь сойтись на этом месте.

Попрощались братья и разошлись в разные стороны. Старшему скоро попался навстречу какой-то человек и, узнав, что он хочет научиться ремеслу, предложил ему выучиться воровать.

— Нет, — отвечал старший брат, — с таким мастерством и до виселицы недалеко.

— Не бойся, — говорит ему встречный, — я научу тебя не простому воровству, а уменью доставать то, чего никто не может достать, да выучу и деньги хорошо прятать.

Согласился старший брат, стал учиться и скоро сделался таким искусным вором, что ничего от него спрятать было нельзя.

Второй брат встретил человека, который предложил ему стать звездочетом.

— Лучше этой науки нет, — говорил он, — потому что ты будешь видеть все, что делается на небе и на земле.

Понравилось это второму брату, поступил он в ученье к звездочету, учился прилежно и так угодил своему учителю, что тот при прощании подарил ему подзорную трубу, в которую можно было видеть все, что делается на небе и на земле.

Третий брат встретил егеря, поступил к нему в ученье и скоро научился так хорошо стрелять, что никогда не делал промаха.

Четвертый брат встретился с портным, который и предложил ему научиться портняжному ремеслу.

— Ну нет, — отвечал тот, — какое это ремесло! Всю жизнь сиди над иглой и утюгом.

— Ошибаешься, — ответил учитель, — у меня ты сделаешься таким портным, каких еще и на свете не бывало.

Поступил четвертый брат к портному, работал хорошо, а на четвертый год портной подарил ему иголку и сказал:

— Этой иглой можешь ты сшить все, даже железо, да так хорошо, что и шва не будет видно.

Ровно через четыре года сошлись братья на перекрестке и, поздоровавшись, пошли к отцу. Обрадовался им отец, угостил, чем Бог послал, и говорит:

— Теперь я хочу испытать вас, посмотреть, кто что может сделать.

Вышли они за ворота и сели под деревом, на котором было гнездо зяблика. Отец приказал звездочету узнать, сколько в гнезде яиц. Посмотрел звездочет в свою трубу и говорит:

— Пять яиц.

— Ну, — сказал отец старшему сыну, — достань-ка мне из гнезда эти яйца, да так, чтобы птица, что сидит на них, не заметила.

Мигом слазил искусный вор на дерево и вытащил яйца так тихо, что зяблик даже не встрепенулся. Положил отец яйца по углам стола, а пятое посредине и велел третьему сыну одним выстрелом разбить все их пополам. Не долго думая, егерь взял ружье, выстрелил, и все яйца оказались разбитыми именно так, как было приказано.

— Теперь твоя очередь, — сказал отец младшему сыну, — сшей ты эти яйца и тех птенцов, что были там, так, чтобы им от этого никакого вреда не было.

Портной взял иглу и принялся за работу, через минуту все было готово. Искусный вор снова положил яйца под птицу, и через несколько дней птенцы вылупились, словно с ними ничего не было. Только на шейках, где портной их сшил, у зябликов с той поры красная полоска.

— Ну, молодцы! — сказал отец. — Видно, что вы недаром учились, настоящими мастерами сделались. Теперь вам только надо ждать случая себя показать.

Скоро и случай представился. Разнесся по стране слух, что королевну похитил дракон, и король обещает ее руку тому, кто спасет ее. Подумали братья и решили идти спасать королевну.

— Вот я сейчас увижу, где она, — сказал звездочет, достал свою подзорную трубу, посмотрел в нее и говорит: — Далеко отсюда есть на море скала: королевна сидит на ней, а дракон стережет ее.

Пошли братья к королю, взяли у него корабль и поехали к этой скале. Действительно, королевна сидела на скале, а дракон спал, положив голову ей на колени. Хотел было егерь застрелить дракона, да побоялся вместе убить и королевну.

— А ну-ка, я попытаюсь, — сказал вор, подкрался к дракону и вытащил из-под его головы королевну да так тихо, что дракон даже не шевельнулся. Быстро сели они на корабль и поплыли на родину. Но дракон скоро проснулся и, заметив, что королевны нет, взвился вверх и полетел за ними. Вот он уже догнал корабль и хотел на него спуститься, но егерь выстрелил ему прямо в сердце. Дракон упал мертвый прямо на корабль и так сильно ударился о него, что корабль разбился вдребезги. Братья и королевна попадали в воду и кое-как держались за плававшие доски. Им уже грозила неминуемая гибель, но тут взялся за дело портной. Он достал свою чудесную иглу и в

какую-нибудь минуту так искусно сшил корабль, что он стал совсем целым, и братья с королевной благополучно прибыли на нем в родную сторону.

Обрадовался старый король и сказал:

— Моя дочь принадлежит одному из вас, но кому — решите сами.

Стали братья спорить, звездочет говорит:

— Мне принадлежит рука королевны, потому что я увидал, где она.

— Нет, мне! — возразил вор. — Что-бы вы сделали, если бы я не вытащил ее из-под головы дракона?

— Почему же не мне? — говорит егерь. — Не убей я дракона, он наверное сожрал бы вас.

— По всей справедливости она мне принадлежит, — сказал портной, — ведь все вы погибли бы в море, если бы я не сшил корабль.

Видит король, что конца их спору не будет и говорит:

— Всякий из вас имеет право на руку моей дочери, но не могу же я отдать ее всем четверым. Дам я вместо нее каждому из вас по четверти царства.

Братья согласились, получили свою часть царства и счастливо жили с отцом до тех пор, пока не умерли.

Три черные женщины

На берегу моря жил-был когда-то старый рыбак, а у рыбака был сын — совсем еще молодой и красивый парень. Раз отец послал его рыбы наловить. Выехал он в море и закинул удочку, сидит, клеву дожидается. Вдруг как дернет что-то за удочку да так, что рыбак чуть

из лодки не вывалился. Однако же уперся он ногою, стал тащить лесу и вытащил в лодку рыбу, преогромную камбалу. “Как бы, — думает рыбак, — по теперешней жаре не начала рыба скоро портиться, надо ее выпотрошить”.

Стал он камбалу потрошить, глядь, а внутри у нее золотое колечко с драгоценным камнем, такое красивое колечко, что не утерпел рыбак, чтоб сейчас же его на палец себе не надеть.

Только надел молодой рыбак кольцо, вдруг завертелось, замутилось у него в голове, в глазах зелень выступила, — и упал он, словно подкошенный.

Долго ли, коротко ли, пришел он в себя. И видит рыбак: сидит он в большой комнате, в которой все — и стены, и столы, и лавки, — черным сукном обтянуто: на столе три черные свечи горят, а перед ним стоят три женщины, все в черное одетые, и лица у них, хоть и красивые, но черные-черные, словно уголь. Испугался рыбак и спрашивает:

— Где это я и кто вы такие?

Отвечали ему три черные женщины:

— Ты в середине горы, которую вы называете Черной горой. — А такая гора действительно была рядом с домом рыбака. — И попал ты сюда силою кольца, которое вынул из слуги нашей, рыбы-Камбалы. Кто мы такие, — тебе знать не надобно. И будешь ты жить здесь в счастии и довольстве, чего ни потребуй, ни в чем тебе отказа не будет. Ходи, гуляй по нашим палатам и по всем нашим садам. Только нельзя тебе пока до времени из горы выйти.

Хлопнули они в ладоши, — отворились большие двери и вошло в комнату многое множество слуг и служанок, — все как смоль черные. Они внесли богато убранный стол с кушаньями и напитками, принесли для рыбака богатое платье, все в золоте и драгоценных камнях, и когда он переоделся, — сел с тремя черными хозяйками за стол пировать: музыка гремела, плясуны и плясуньи танцевали, кушанья и напитки были самые лучшие, лучше и у королей не бывает... На другой день то же, на третий — то же.

Полюбилось молодому рыбаку такое житье, катается он, как сыр в масле, ничего не делая после тяжелой домашней работы. Только раз вечером и спрашивают его черные хозяйки:

— Что, молодец, нравится тебе у нас?

— Чего лучше, хоть век бы так прожил.

— Ну, надо чтоб и ты нам послужил, молодец, коли мы тебе угодили. А услугу мы от тебя попросим небольшую: позволь нам тебя вечером в щеку целовать.

— Сделайте милость, хоть и утром и в полдень целуйте.

Наступил вечер, кончился пир, встали хозяйки из-за стола и подошли к молодому рыбаку. Старшая поцеловала его, — словно жалом в щеку ужалила, вторая поцеловала, — чудится ему, будто она крови из его щеки глотнула, а когда третья от его щеки губы отняла да он щеку утер, так на платке даже большое пятно крови осталось.

Идут дни один за одним все в пирах да в забавах. И стало казаться молодому рыбаку, будто его хозяйки много белей стали против прежнего и с каждым днем все больше белеют. А с ним самим что-то худое приключилось: начал он недомогать, слабеть силами и сердцем тосковать. Стал он скучать по родному дому, по белу свету.

Вот однажды и рассказал он хозяйкам про себя. Они переглянулись между собою, подумали и говорят:

— Нечего делать, видно, придется тебя отпустить на время домой, чтобы ты не захирел да не умер... Только отпустим мы тебя с уговором: о том, что ты был здесь и что с тобой здесь было, никому не смей ни слова говорить. Скажешь, — сейчас умрешь. А назад к нам вернуться — ты и сам вернешься.

И вывели они его на белый свет. Очутился он, и сам не знал как, на склоне Черной горы около отцовского дома. Увидали его отец с матерью, увидали и устрашились: худой он, бледный, страшный — краше в гроб кладут. Стали они его расспрашивать: где был, что с ним приключилось, — молчит. Так ничего и не дознались, а он все хиреет да чахнет день ото дня. Наконец однажды вечером совсем ему худо стало, так худо, что вот-вот умрет. Подозвал он к себе мать да перед смертью и рассказал ей все, что с ним было в середине Черной горы. А мать его была знахарка, и говорит она ему:

— Эх, сынок, сынок! Напрасно ты погибаешь. Тебе бы, как заметил ты беду, снять с пальца это проклятое кольцо да кинуть им в этих черных женщин, и вся власть их над тобою пропала бы.

Однако не умер в ту ночь молодой рыбак, а даже стало ему лучше, начал он телом поправляться. Скоро он поправился и начало его тянуть назад в Черную гору, нет сил удержаться, так и тянет, так бы и побежал туда. Как его отец с матерью ни отговаривали, даже попробовали запирать, он раз ночью убежал и очутился на Черной горе у того места, где на свет вышел. Вдруг раскрылась гора, явились три черные женщины и ввели его внутрь.

Опять началось прежнее житье, пиры да веселье, опять стали молодого рыбака хозяйки целовать, и скоро опять заболел он попрежнему, захирел и затосковал. Раз так невыносимо ему без родного дома стало, что он вспомнил совет матери — снять кольцо и в своих хозяек его кинуть. Только подошли они к нему, чтоб его поцеловать, он сорвал кольцо с пальца да как швырнет им прямо в лицо старшей.

Загремело, загрохотало кругом... Громко вскрикнули черные женщины, и все кругом стало рушиться и проваливаться... Молодой рыбак упал без сознания, а когда очнулся, увидал себя у порога родного дома. Взглянул на Черную гору, — ее как не бывало, провалилась она и на ее месте — бездонная пропасть. И теперь эту пропасть видеть можно, и дна ее и теперь еще не достали.

Семеро удальцов

Собралось семеро удальцов — все могучие богатыри: первый — колбасник, другой — портной, третий — мельник, четвертый — сапожный подмастерье, пятый — кузнец, шестой — извозчик да седьмой — пастух. Собрались они, сошлись и стали друг другу на худые времена жаловаться: у колбасника никто его товара не покупает, потому будто, что он колбасу тухлой говядиной набивает; портному никто шить не дает, потому будто он материал крадет; у мельника в понедельник вода плотину и мельницу разорила, не чинить же плотину в Воскресенье; сапожного мастера хозяин прогнал за то, что он заказные сапоги потерял; кузнецу не до работы — его лошадь брыкнула и скулу ему на сторону свернула; у извозчика тоже беда, не было такой никогда — у него лошадь неладно ступила и ногу себе переломила, а пастух в обиде — с места его хозяин прогнал, потому что много он, вишь, скотины растерял. Всем незадача.

Стали молодцы советоваться, как им теперь быть, чем жить. И порешили удальцы идти по белу свету странствовать, искать встреч богатырских и великие подвиги совершать. А чтоб иметь на случай опасности защиту, добыли они себе копье, хоть на всех одно, зато такое длинное, что всем семерым за него держаться можно. За это

копье они всемером ухватились и пошли. Впереди всех — колбасник, он самый храбрый был, а сзади всех — пастух, не было его хитрее.

Скоро разошелся слух о семи удальцах, которые по свету рыщут, богатырских подвигов ищут. И когда проходили они мимо одного города, вышли из него все горожане и стали их молить, чтоб выгнали они из одной житницы страшное чудище, которое прошлой ночью туда забралось, сидит на балке в углу, глазами вращает, каждого проглотить готово и уходить не хочет.

А чудовище то был филин, который, залетев ночью в житницу мышей ловить, побоялся на рассвете вылететь оттуда, чтобы не увидали его дневные птицы да, как всегда бывает, не подняли бы крика и не собрались бы стаями — его бить.

Наслушались удальцы про страшное чудище, и загодя их страх забрал:

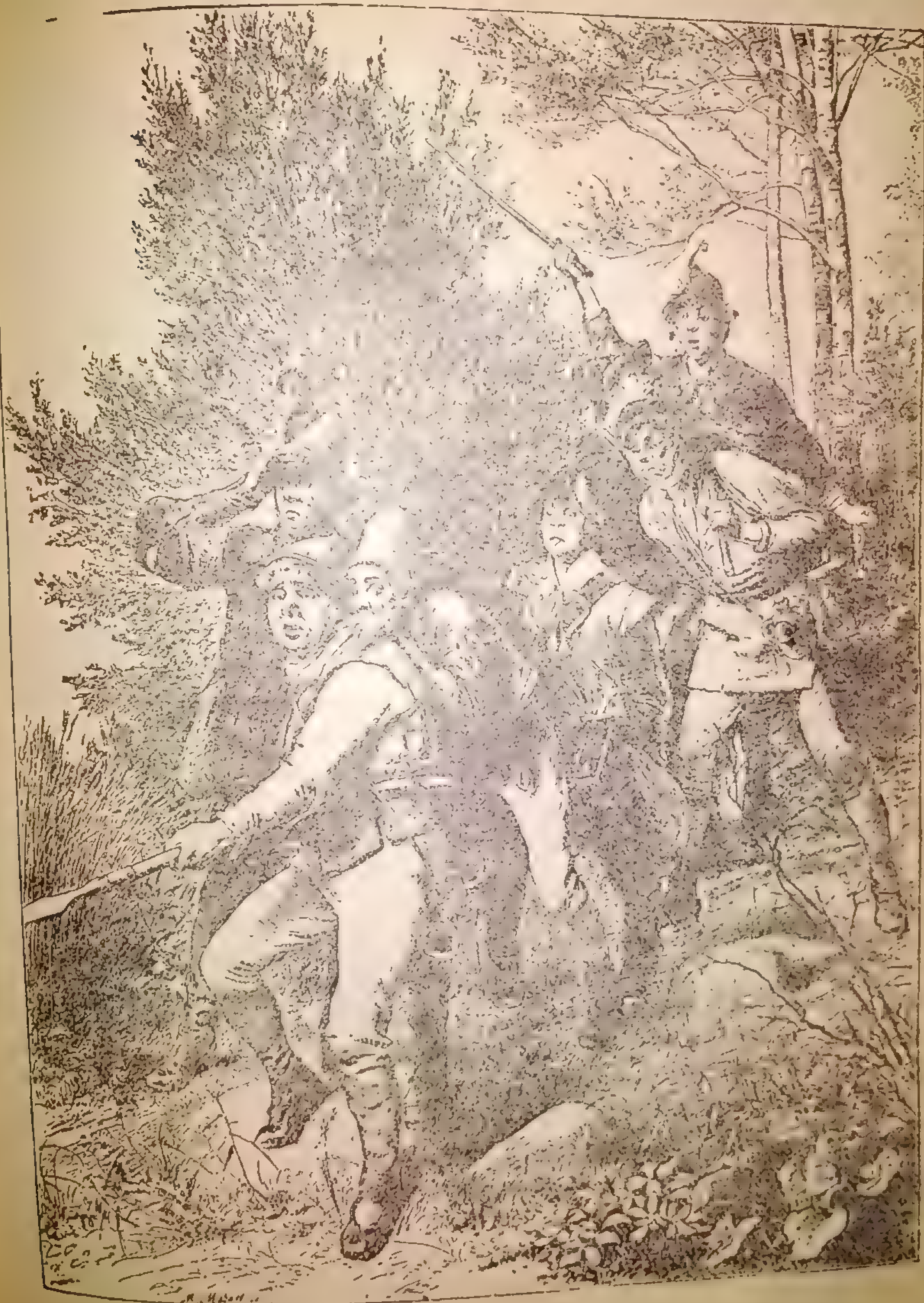
— Хоть мы и пойдем вас выручать, — говорят они горожанам, — да и вы не плошайте, нам помогайте.

И поднялся тут в городе шум да крик, барабаны забили, рожки затрубили, стали горожане собираться с косами, с вилами, с дубинами, кто с чем. Собрались и построились кругом житницы. А семеро удальцов, — впереди всех храбрый колбасник, — двинулись, все за одно копье держась, внутрь... Вошли да тотчас и выскочили назад, как смерть, бледные, кричат, а слова вымолвить не могут. Опомнились немного, стало стыдно колбаснику, он самый храбрый был, и говорит он горожанам:

— Так нельзя, господа, дело вести. Коли будем чудище приступом брать, — несите лестницу да вина притащите побольше, для храбрости.

Принесли. Колбасник выпил, сколько мог, лестницу всунули в амбар и прислонили к балке, на которой чудище сидело. И занес ногу колбасник на лестницу. В ворота народ заглядывает, всячески его ободряет. А филин с испугу захлопал клювом и крыльями, топорщит перья да как закричит — "шугу, шугу!"... Так и грянулся храбрый колбасник вниз и обмер с перепугу.

Вытащили его из житницы баграми, и уж после того больше не нашлось храбрецов лезть туда. Зато появился искусный выдумщик-пастух: он из семерых удальцов самый хитрый был. Говорит пастух горожанам:

— Страшное дело, господа! Если такого храбреца чудище своим дыханьем отравило, так, пожалуй, и весь ваш город отравит... Надо скорей решиться откупить житницу у хозяина, чтоб одному ему не нести убытки, да и сжечь ее вместе с зерном, с сеном, с соломой и с чудищем дотла.

Тут уж не до скупости, так и сделали, подожгли житницу со всех четырех углов, а с нею сгорел и филин.

После этого еще громче пошла повсюду слава о семерых удальцах, могучих богатырях, которые город от страшного чудища освободили и теперь опять по свету странствуют, чтобы великие подвиги совершать. О стольких их подвигах молва прошла, что и не пересказать. Всюду их радостно принимали, угощали, щедро одаривали...

Раз, в самые сенокос, шли они вечером путем-дорогою, вдруг прогудел мимо их ушей большой жук: "ж-ж-ж!" Они так и присели.

— Ох, — говорит портной, — ведь это пуля прожужжала.

А тут другой жук: "ж-ж-ж!" Как крикнет мельник:

— Не робей, братцы, удалые молодцы! Бежим кто куда!

И кинулись семеро богатырей в ближний город через плетень. Впереди всех колбасник — он самый храбрый был, через плетень перескочил и прямо наступил на зубья грабель. Как треснет его ручка грабель по лицу, он повалился и взвыл:

— Сдаюсь, сдаюсь! Бери меня в плен!

За колбасником другие кувырнулись носом в гряды.

— Коли ты, — кричат, — сдаешься, и мы все сдаемся!

Лежали-лежали, никто их в плен не берет. Поняли они тут, что напрасно испугались, и порешили об этом никому не рассказывать никогда, до самого того времени, пока кто-нибудь из них случайно не проболтается.

Чуть было не стряслась над ними беда еще пострашней этой. Идут они полем, все за копье держатся, а впереди на меже сидит заяц. Солнцем-то его пригрело, он и задремал, а уши из межи кверху торчат и глаза открыты, точно стеклянные. Увидали молодцы этакое чудище и перепугались не на шутку. Что делать? Назад бежать — пожалуй, дракон за ними кинется и проглотит их всех с кожей и с костями. Приходится в бой вступать... Долго они топтались на месте, наконец задние на средних стали нажимать, средние на передних надавили, передние — на самого переднего, колбасника... Тот крестится, молится да как завопит со страха, — заяц вскочил и давай улепетывать.

— Слава Богу, — говорит колбасник, — что дракон зайцем оказался, не то плохо бы нам всем было!

И вправду — из какой беды вывернулись!

И после этого не унялись молодцы, пошли дальше искать богатырских подвигов. Пришли к реке, — моста нет, как перебраться? На другом берегу мужик сено косил, вот они все сразу и давай ему кричать, спрашивать: как перейти? Мужик тоже руками замахал, кричит:

— Отыщите там около вас в тростинке плот!

А колбаснику послышалось: "Идите в брод!" он и пошел да увяз в тине, его водой и покрыло. Только шапка с его головы всплыла и ветром понесло ее к другому берегу. Вылезла на шапку лягушка, плывет точно в лодке да квакает:

— "Ква-ква!" А остальные шестеро удальцам подумали, что с шапкой-то и колбасник к тому берегу идет да приговаривает: "так, так!" Они все попрыгали в воду и перетонули.

Хоть и храбрые были удальцы, могучие богатыри, а из-за лягушки понапрасну пропали.

Ученый охотник

Жил-был в старину добрый молодец, по ремеслу — слесарь. Как кончил он учиться своему делу, так и говорит отцу:

— Хочу я, батюшка, по белу свету побродить, людей посмотреть да себя показать.

— Что ж, — отец ему в ответ, — я этому не противлюсь, - и даже дал ему сколько-то денег на дорогу.

Вот и пошел добрый молодец по белу свету бродить, себе работы искать. Работы он нашел вдоволь, только скоро надоело ему слесарное ремело. "Стану-ка я лучше охотником", — думает он раз, идучи путем-дорогою. Только он это подумал, вдруг навстречу ему попадается охотник в зеленом кафтане и спрашивает:

— Откуда, молодец, и куда путь держишь?

— Да вот был подмастерьем у слесаря, а теперь надоело мне это ремесло. Не возьмешь ли ты меня к себе в ученье?

— Ладно, возьму, отчего не взять. Пойдем за мной.

Стал молодец учиться охотничьему ремеслу, не один год у своего мастера в ученьи пробыл, а как сам стал искусным охотником,пришло ему на ум по белу свету постранствовать, счастья поискать, и чудно: никогда то ружье промаху не давало и стреляло без всякого шума.

Пошел с ним молодец, куда глаза глядят. Шел-шел и добрался до дремучего леса. Такой большой лес, что хоть брел им молодец с раннего утра до позднего вечера, а все конца не видно. Наступила ночь темная, непроглядная, завыл в чаще серый волк... Делать нечего, влез молодой охотник на дерево, чтоб от диких зверей схорониться.

В полночь показалось ему, будто вдалеке среди леса огонек светится. Он, чтоб знать, в какую сторону на огонь идти, кинул с дерева в ту сторону шапку, потом слез, отыскал шапку и пошел прямо вперед. Чем дальше шел он, тем свет все ярче становился, наконец, когда подошел, увидел огромный костер, а у костра сидят три великана, насадили они быка на толстую жердь и жарят его. Вдруг говорит один великан:

— Ну-ка, попробую, готово ли наше жаркое, — отодрал кусок мяса и только поднес ко рту, охотник выстрелил из своего ружья и выбил у великана кусок из руки...

— Вот так штука, — говорит великан, — у меня ветер из рук мясо выхватил!

Он оторвал еще кусок от быка и только разинул рот, чтобы откусить, охотник другим выстрелом опять выбил у него кусок. Рассердился великан и закатил своему соседу оплеуху, а сам кричит:

— Вот тебе, не шути со мной в другой раз, не вырывай кусок изо рта!

— Что ты! — отвечает тот. — Я и не думал с тобой так шутить. Это, наверное, какой-нибудь меткий стрелок пулей у тебя куски выбивает.

Великан оторвал третий кусок, но и с этим то же случилось: охотник его из зубов у великана выбил.

— Вот ловкий стрелок, — говорит великан, — такой-то нам и нужен.

И принялись все три великана кричать во всю глотку:

— Ступай сюда, меткий стрелок, садись к нашему огню с нами ужинать! Мы тебе ничего худого не сделаем, коли сам придешь, а если станешь упрямиться, мы тебя насильно вытащим и тогда уж на себя пеняй!

Охотник вышел из-за деревьев и подсел к огню. Рассказал он великанам, кто он, откуда и какая сила в его ружье, а великаны ему и говорят:

— Оставайся-ка, брат, с нами, при нас тебе хорошо будет и ты нам поможешь.

И рассказали они тут ему, что на краю леса, на берегу широкого моря стоит дворец, а в том дворце живет прекрасная королевна и что вот эту-то королевну им непременно надо добыть.

— Какая же в этом мудрость, — говорит им охотник, - пойдемте, хоть сейчас я вам эту королевну добуду.

А великаны на то:

— Вот в том-то и мудрость: есть там одна собачка, такая чуткая, что как только кто ко дворцу подходит, она издали учует, залает и все королевство на ноги поднимет. Оттого-то и не удалось нам до сих пор добыть королевну. Вот кабы ты взялся подстрелить эту собачку?

— Отчего не застрелить, — согласился охотник, это для меня сущий пустяк.

Сейчас пошли они в путь-дорогу. Шли всю ночь, весь день и вечером вышли из лесу на берег синего моря. На берегу стоит золотой дворец, весь дорогими каменьями украшенный, высокими стенами огороженный. Подошли великаны с охотником к стенам, вдруг выскочила из подворотни собачка и только хотела было на них залаять, охотник прицелился и застрелил ее.

Приказал он великанам остаться за стеной, чтобы они, войдя внутрь, не разбудили бы всего королевства, а сам пошел во дворец. Во дворце все крепко спят, так все тихо, что слышно, как муха пролетит. Отворил он первую дверь. В большой зале на стене висит сабля из чистого серебра с золотой звездой и бриллиантовым царским именем на рукоятке, а около сабли на стене написано, что кому достанется эта сабля, тот ею может одним махом срубить любую голову. Снял охотник саблю, надел на себя и пошел дальше.

Через несколько комнат вошел он в ту, где в то время почивала прекрасная королевна. Загляделся на нее охотник: такая королевна была писаная красавица, что он как остановился, так и с места двинуться не может, все любуется, даже дух захватило, а сам думает: "Ну уж не будет того, что я такую красоту отдал лютым великанам, у которых, наверно, зло против нее на уме".

Осмотрелся охотник кругом и видит: под королевниной кроватью стоит пара туфель и на правой туфле — королевский вензель со звездой, на шее у королевны золототканный шарф и на одном конце королевский вензель из драгоценных камней. Охотник, не долго думая, взял ножницы, отрезал конец шарфа с вензелем, поднял правую туфлю, и сунул взятое себе в сумку. А прекрасная королевна все спит, не шелохнется, не проснулась она и тогда, когда охотник у ней правый рукав с ее королевской меткой от сорочки отрезал.

После этого охотник вышел из дворца. Глядит, великаны все стоят за оградой и ждут-не дождутся: вот он сейчас так и выдаст им прекрасную королевну. "Ладно, — думает охотник, - так вам королевна и достанется.

— Эй, вы, — закричал он им, — дело сделано, королевна у меня, только ворот никак не могу отворить, да все равно, в стене есть узкий пролом, лезьте по одиночке сюда мне на подмогу".

Полез первый великан, молодец ухватил его за волосы, одним взмахом сабли снес ему голову, а затем втащил внутрь и все туловище. Зазвав в пролом второго великана, он точно так же отрубил и ему

голову, а за ним — и третьему. Тут от души порадовался молодец, что избавил королевну-красавицу, потом отрезал у великанов языки, спрятал их в свою котомку и задумался: что теперь делать? Явиться перед королем, — как бы не приказал казнить за то, что без спроса во дворец забрался. "Лучше, — думает, — подожду где-нибудь в стороне, посмотрю, как дальше дело пойдет". И пошел в ближнее село, стал там жить, охотой промышлять.

А король как проснулся, тотчас увидел трех убитых великанов во дворе. Он скорее в спальню своей дочери, разбудил ее и спрашивает:

— Кто это отрубил головы у великанов?

— Дорогой батюшка, — отвечает королевна, — ничего про то не знаю, ведь я спала крепким сном.

Тут она встала, хотела было обуться, глядь, а правой туфли как не бывало, взглянула на шарф — и шарф испорчен, одного конца недостает, посмотрела на рубашку, а от рубашки рукав отрезан.

Король тотчас приказал собираться своему двору, солдатам и всем, кто там был, и когда все собрались, он спросил:

— Кто освободил королевну и великанов убил?

Был тут один кривой капитан, урод уродом, он вышел и говорит:

— Это я, ваше величество!

Тогда сказал старый государь, что коли кривой капитан это сделал, жениться ему на прекрасной королевне. А королевна на то:

— Дорогой батюшка, уж лучше я уйду на край света, чем быть его женою.

—Раз так, — сказал король, — коли не не хочешь быть женою капитана, то приказываю снять с тебя королевские одежды, надеть мужицкое платье, и уходи ты вон из дворца, ступай к горшечнику и торгуй по ярмаркам глиняною посудою.

Сняла с себя королевна королевские одежды, пошла к горшечнику и стала у него просить в долг глиняной посуды, обещая заплатить ему вечером, как только распродаст все горшки. Когда она села на площади и стала продавать там свои горшки, король велел мужикам в телегах наехать на ее лавочку и всю посуду вдребезки разбить... Те точь-в-точь так и сделали. Горько заплакала королевна, плачет и приговаривает:

— Ах, Господи! Чем же я заплачу горшечнику?

А король опять стал ее принуждать: выходи да выходи замуж за капитана. Пошла королевна опять к горшечнику и давай просить у него, чтобы он дал ей еще посуды в долг. А горшечник отвечал:

— Заплати сперва за прежнее, без того не поверю!

Опять пошла королевна к отцу, стала плакать, рыдать, просить, чтоб отпустил он ее идти по белу свету странствовать.

— Я прикажу выстроить тебе избушку в лесу, — говорит король, — и ты должна там всю жизнь свою прожить и для каждого, кто бы ни зашел, кушанье стряпать, но денег за то не смей брать.

Скоро избушка была готова, и над нею повесили вывеску с надписью: "Сегодня даром, а завтра за деньги."

Сидит царевна в избушке, а по всему королевству молва разнеслась, что в лесу живет королевна и даром для всех кушанье стряпает и об этом даже над дверью прибита вывеска.

Дошла эта весть и до ученого охотника, и подумал он: "Кажись, теперь время и мне показаться королевне". Взял он свое ружье, царскую саблю, надел охотничью суму с приметами из спальни королевны и пошел в лес. Видит он в лесу избушку, а на избушке вывеску: "Сегодня даром, завтра за деньги". Вошел он в избушку и попросил чего-нибудь перекусить, а сам загляделся на королевну: да уж хороша она была так, что и пером не написать. А королевна стала его спрашивать, куда ему путь лежит и откуда он пришел.

— Хожу я по белу свету, чтобы людей посмотреть да и себя показать, — отвечал он на то.

— Откуда ты достал саблю с именем короля, моего батюшки? — спрашивает королевна.

— Этою саблей, — отвечал охотник, — я отрубил головы трем великанам.

В доказательство своих слов он тут же вынул из сумки три языка, а потом показал королевне туфлю, конец ее шарфа и рукав от рубашки. Несказанно обрадовалась королевна, когда увидала, кто ее настоящий избавитель.

Пошли они сейчас вместе к старому королю и вызвали его в королевскую спальню, тут королевна рассказала отцу все. Как посмотрел король на приметы, так и сомнения у него не стало, и он тут же сказал, что признает охотника за избавителя своей дочери и согласен выдать ее за него замуж. Сердце королевны так и запрыгало от радости.

Охотника нарядили, точно заморского принца, и король приказал сделать пир на весь мир. Пошли все к столу. Пришел и кривой капитан и сел по левую руку от королевны, а охотник - по правую. Капитан думает: "Должно быть приехал к нам заморский принц".

Под конец пира король сказал кривому капитану:

— Спрошу я тебя: вот ты говоришь, что убил великанов, скажи, куда же у них языки делись.

— А кривой капитан отвечал:

— Да у великанов языков не бывает.

— Нет, — сказал король, — у каждой твари есть язык.— Потом опять спросил: — А что делать с тем, кто обманывает своего законного короля?

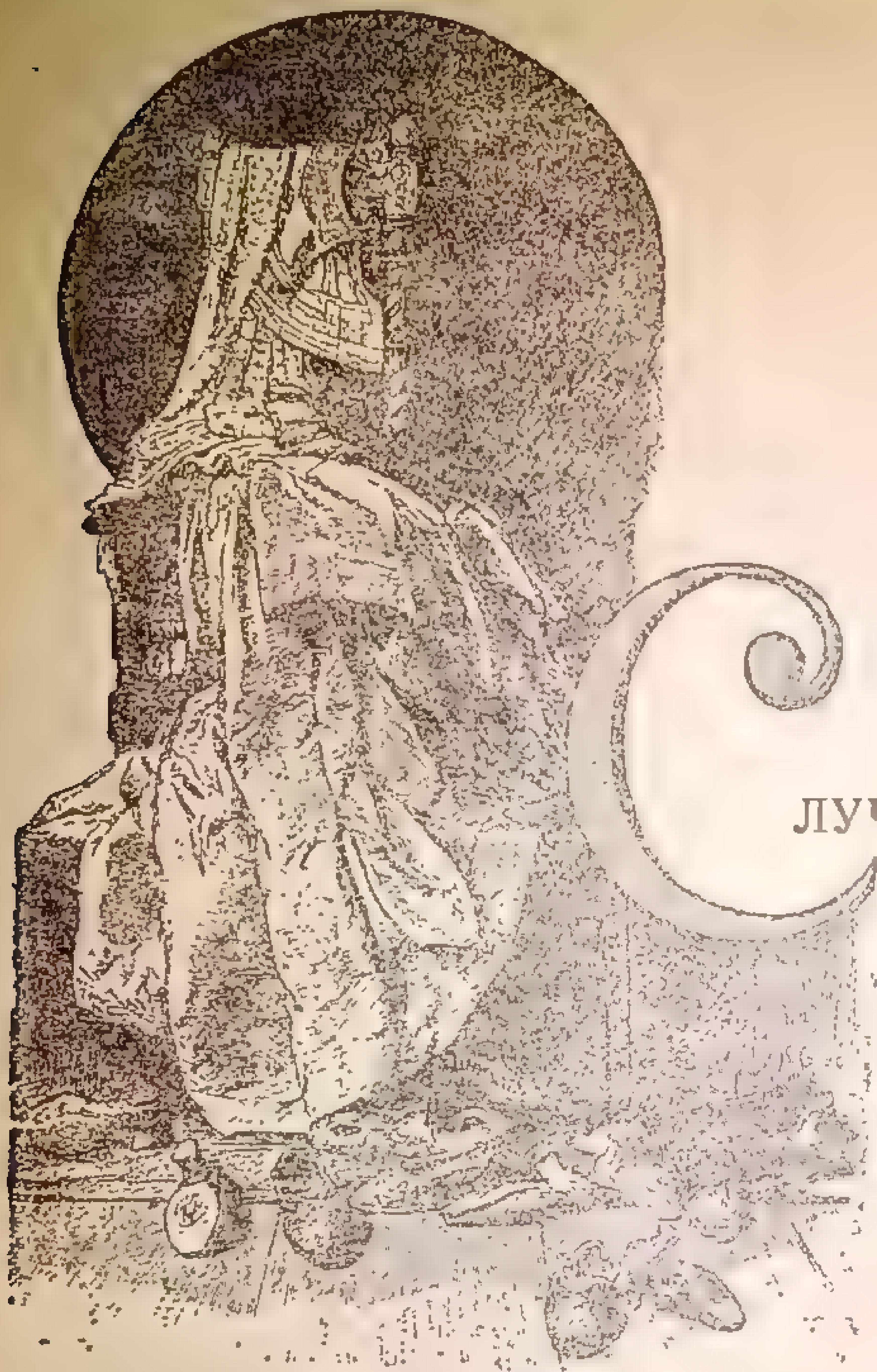
— Того следует казнить, — отвечал кривой капитан.

— Ты сам себе вынес приговор, — сказал король.

Кривого капитана связали и сейчас же казнили.

Королевна вышла замуж за ученого охотника. Он вызвал к себе своих стариков, отца и мать, и стали они все вместе жить-поживать припеваючи. А по смерти старого короля все королевство досталось в наследство ученому охотнику.

Стоптанные башмаки

СЛУЧИЛОСЬ это в незапамятные времена, жил-был король и было у него двенадцать дочерей, одна другой краше. Спали все они в одной зале, и сам король всегда запирал эту залу на ключ и на задвижку, так что ни войти туда, ни выйти оттуда никто не мог. Однако дело было неладно: каждый раз утром, когда король отворял дверь, башмаки у всех королевн оказывались стоптанными. Никто не мог объяснить, отчего это могло происходить, а сами королевны молчали.

Долго думал старый король и, наконец, велел объявить по всем городам, что если сыщется человек, который откроет, отчего у королевен башмаки стаптываются, то получит любую из них в жены, но если возьмется да не откроет, то ему отрубят голову. Скоро нашелся один королевич, который решился взяться за это дело. Старый король принял его ласково, угостил, а вечером отвел к двери той комнаты, где спали королевны. Кроме этой двери, другого выхода из залы не было, так что королевнам нужно было пройти непременно мимо королевича. Сел королевич и начал караулить, но не прошло и часа, как он заснул мертвым сном, а проснувшись утром увидел, что все башмаки стоптаны. И на вторую и на третью ночь случилось то же, и пришлось бедному королевичу поплатиться своей головой.

Много после этого приходило и простых и знатных людей, которые хотели открыть тайну, но это им не удавалось, и все они погибли.

Шел раз тем городом, где жил этот король, отставной солдат, идет он, сам не знает куда, а навстречу ему старушка.

— Куда ты, — спрашивает, — служивый, идешь?

— Я и сам толком не знаю: не взяться ли мне разыскать то место, где королевны свои башма-

ки стаптывают?

— Это нетрудно, — говорит старуха, — только не пей ты вина, которое будут тебе на ночь давать королевны, потом ложись и прикинься, что крепко спишь, а вот тебе еще плащ: как только ты оденешь его, так сделаешься невидимкой и можешь идти за королевнами.

Взял солдат плащ, поблагодарил старуху и пошел прямо во дворец.

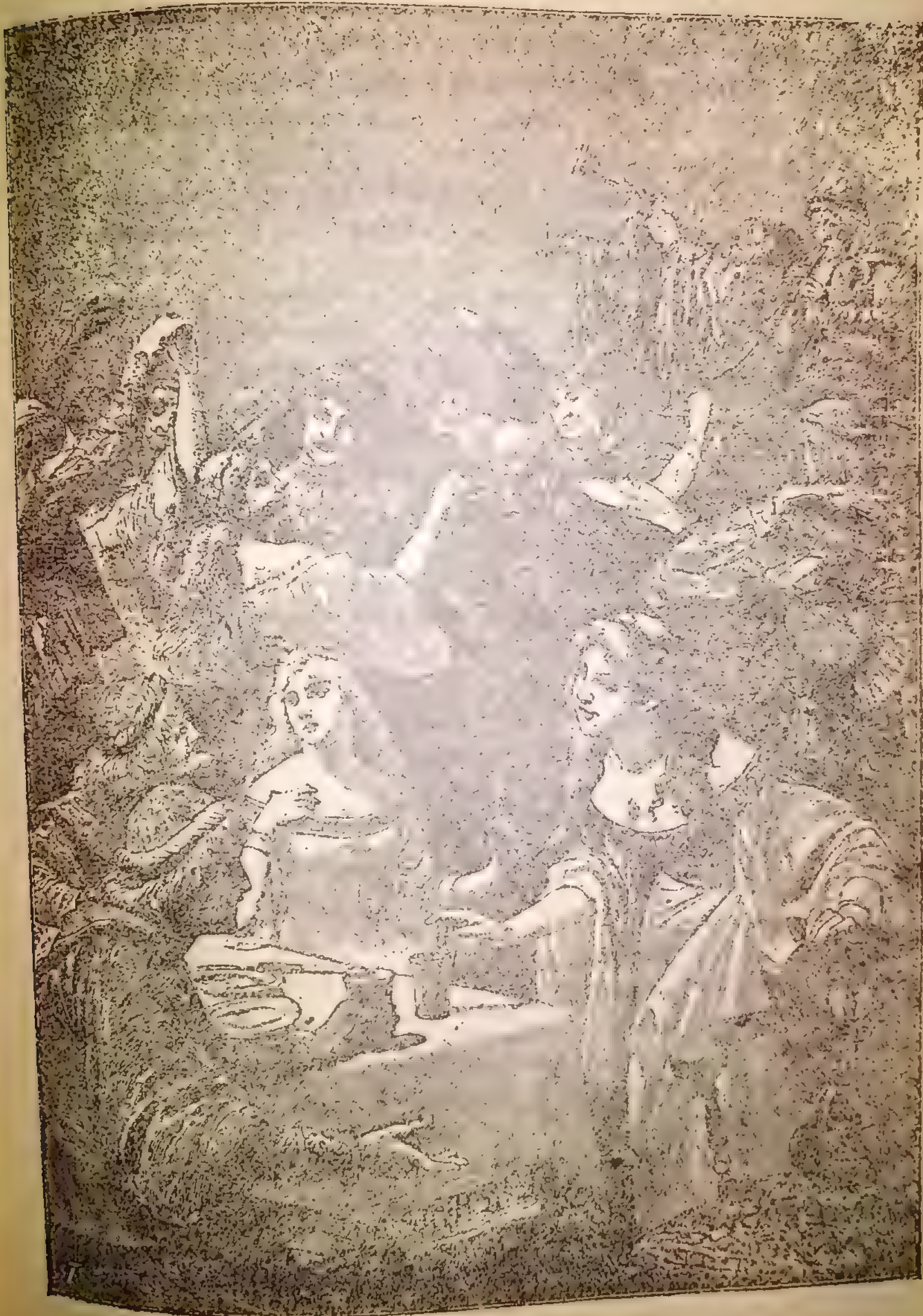
Во дворце его приняли ласково, одели в богатое платье, накормили и напоили, а вечером отвели к дверям опочивальни королевн. Тут подошла к солдату старшая королевна и просит его на ночь кубок вина выпить. А солдат еще раньше привязал к подбородку губку, вылил туда все вино, а сам повалился на постель и захрапел, как медведь. Услышали этот храп королевны, засмеялись, стали подыматься с постелей и наряжаться в богатые платья. Все они смеялись и прыгали, только младшей было что-то не по себе, и она сказала об этом сестрам. Те начали ее успокаивать и говорили, что солдат и без сонного питья уснул бы крепко, а теперь его и вовсе не добудишься. Одевшись, королевны вышли посмотреть, что делает солдат, а тот храпит себе по-прежнему. Успокоились они и пошли назад в свою спальню. Подошла старшая к своей кровати, стукнула по ней три раза, кровать опустилась вниз, и на месте ее открылся подземный ход, в который вела широкая мраморная лестница. Одна за одной стали спускаться туда королевны, а младшая позади всех. Солдат, который все это видел, накинул плащ и спустился туда следом за младшей королевной. В середине лестницы он наступил ей на платье. Королевна испугалась и закричала:

— Ах, кто-то держит меня за платье!

— Ты просто зацепилась за что-нибудь, — сказала ей старшая сестра, и они пошли дальше. Спустившись с лестницы, они очутились в прекрасном саду, где листья на деревьях были серебряные. Чтобы доказать потом, что он был здесь, солдат сорвал одну веточку с дерева, и вдруг раздался сильный треск. Младшая сестра опять испугалась, но старшая сказала:

— Это принцы стреляют от радости, что скоро избавятся от колдовства.

Из этого сада они перешли в другой, где листья на деревьях были золотые, и потом в третий, где листья были бриллиантовые, солдат взял и отсюда по ветке. Наконец, подошли к реке, на которой стояло двенадцать лодочек и в каждой сидело по принцу. Каждый принц

взял себе королевну, а солдат сел в лодку к младшей. Отплыли они от берега, принц и говорит младшей королевне:

— Что это так тяжело грести сегодня, еле-еле могу двигать лодку.

— Должно быть, от жары, — отвечала королевна. — И мне что-то не по себе сегодня.

По ту сторону реки стоял великолепный, ярко освещенный замок, из которого доносились звуки музыки. Переправившись на ту сторону, все вошли в замок и стали танцевать. Солдат-невидимка танцевал один, да так, что пыль столбом с пола летела, а во время ужина пил из всех полных кубков. Все это очень пугало младшую королевну, но старшая старалась успокоить ее.

Так плясали они, пока не стоптали свои башмаки, а потом принцы опять перевезли их через реку, но теперь солдат сел в лодку к старшей королевне. На другом берегу королевны попрощались с принцами и обещали прийти на следующую ночь. Когда они подошли к лестнице, солдат побежал вперед, и пока усталые королевны пришли в спальню, он уже успел лечь и храпел по-прежнему. Королевны услышали его храп и старшая сказала:

— Ну, этого нам бояться нечего.

Наутро солдат ничего не сказал о том, что видел, и ходил с королевнами в подземный замок на вторую и на третью ночь, на третью унес оттуда кубок.

На третий день позвали солдата к королю. Захватил солдат кубок и три ветки и пошел с посланным.

— Ну что, узнал, где мои дочери стаптывают башмаки? - спрашивает король.

— Точно так, ваше королевское величество, — ответил солдат и рассказал все, что видел и показал ветки и кубок. Король позвал дочерей и стал их допрашивать. Те, видя что все открыто, сознались и сказали, что принцы те заколдованы, что завтра срок их пребывания под землей кончится и они выйдут за них замуж.

Король предложил солдату в жены любую из королевн и половину своего королевства.

— Нет, ваше королевское величество, — отвечал он, — я простой солдат, так где уже мне на королевне жениться и королевством управлять, лучше наградите меня иначе.

Король наградил солдата деньгами, всяким добором и подарил ему дом.

И стал жить наш солдат припеваючи и жил долго-долго — до самой смерти.

Старуха в лесу

Ехали раз господа со служанкой через густой дремучий лес, вдруг из леса выскочили разбойники и перебили всех, только бедной служанке удалось спрятаться в кустах. Разбойники захватили все, что было можно, и ушли. Служанка вышла из кустов на дорогу и увидя, что случилось, стала горько плакать, потому что не знала, как выбраться из лесу, а вокруг живой души не было видно. Но плачем горю не поможешь, и решилась она идти в лес, поискать какого-нибудь жилья. Долго шла она, стало темнеть, а жилья все нет как нет. Как быть? Пришлось бедной девушке сесть под дерево и, помолясь Богу, ждать утра.

Села она и боится глаза закрыть. Вдруг летит белый голубок, а в клюве у него золотой ключик. Подлетел голубок, положил ключик ей на руки и говорит человечьим голосом:

— Видишь ты, там большое дерево, а на нем замок? Отопри замок этим ключом и в дереве найдешь еду и питье.

Послушалась девушка, взяла ключик, отперла замок и в дереве нашла столько молока и хлеба, что наелась и напилась досыта. Захотелось ей спать и только что она подумала об этом, как опять прилетел голубок, принес ей другой золотой ключик и сказал:

— Этим ключом отопри замок на другом дереве, там для тебя готова постель.

Опять послушалась девушка и, отворив дерево, нашла в нем мягкую постель. Помолилась бедняжка Богу, легла в постель и крепко уснула. Утром, когда она проснулась, голубок прилетел в третий раз, принес ей еще один золотой ключик и сказал:

— Этим ключиком ты отвори вон то, третье дерево, — там найдешь ты для себя платье.

Отперла девушка дерево и просто ахнула от изумления. Платьев там видимо-невидимо и все такие чудесные, что разве только королевам носить: все в серебре, золоте да драгоценных каменьях.

Так прожила она в лесу много времени тихо и спокойно. Голубок прилетал к ней и давал, что было нужно. Только раз говорит ей голубок:

— Сделаешь ли ты то, о чем я попрошу тебя?

С радостью согласилась девушка исполнить любое его желание, и голубок сказал:

— Иди за мной к маленькой избушке; там у окна сидит старуха. Скажет она тебе: "Здравствуй!", но ты ни слова ей не отвечай, войди в избушку и ступай прямо в комнатку направо, открой дверь и там увидишь много-много богатых колец, осыпанных дорогими камнями. Ты их не бери, а найди гладкое золотое кольцо и принеси его мне.

Пришла девушка к избушке, а там у окна сидит старуха. Поглядела на нее старуха и говорит:

— Здравствуй, дитятко!

Ничего не ответила девушка, прошла прямо в избу, а оттуда в горенку. Увидела это старуха, вскочила с места, схватила ее за платье и закричала:

— Ты это куда без спросу? Кажется, в своем доме я хозяйка.

А девушка вырвала платье из ее рук и вошла в горенку. Груды колец лежали там, и их драгоценные камни сверкали, словно солнечные лучи. Стала девушка между кольцами рыться, гладкое золотое колечко разыскивать, да все найти не может. Вдруг видит она — старуха, крадучись, уносит из комнаты клетку. Бросилась девушка к ней, вырвала клетку, смотрит, в клетке птичка, а в клюве у птички гладкое золотое колечко. Схватила девушка кольцо и выбежала из избушки.

Только она из ворот, а навстречу ей прекрасный королевич, берет ее за руки и говорит:

— Спасибо тебе, девица! Избавила ты меня от этой старухи, злой колдуньи. Она обратила меня в белого голубка, а все мое царство в лес, и пока это кольцо было у нее, я был в ее власти, а теперь я свободен и ты будешь моей женой.

Только сказал это королевич, как лес превратился в царство, избушка в великолепный дворец, и народ стал поздравлять жениха с невестой.

Королевич с девицей вошли в замок и скоро сыграли свадьбу. Жили они очень долго и счастливо, а если не умерли, то, вероятно, живут и до сих пор. Сам я, признаться, там давно не был, а вы — наверное, никогда.

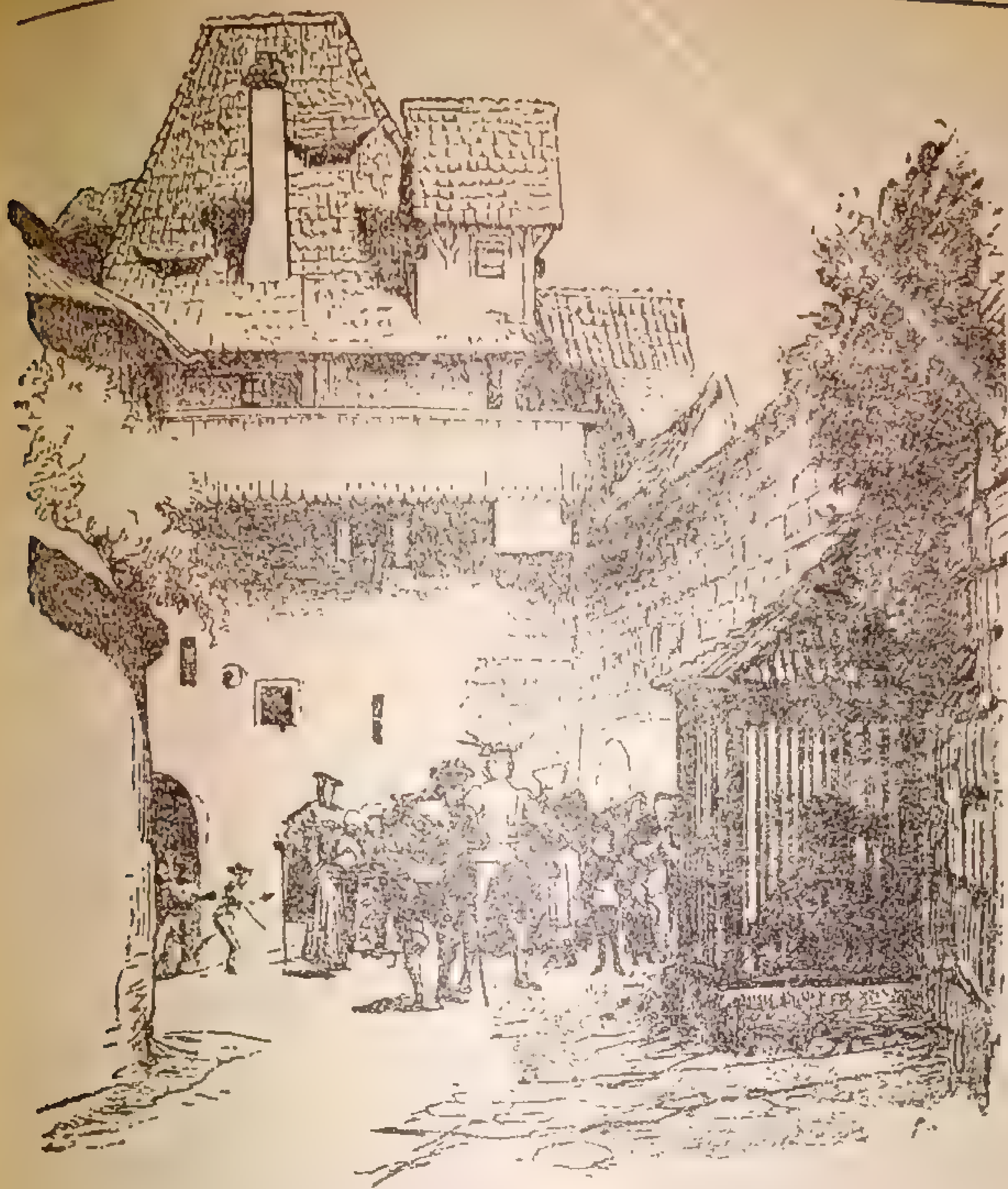

Железный Иван

ГДЕ — не знаю, а когда — не помню, жил один король. Вокруг замка этого короля был дремучий лес, а в том лесу водилось много всякой дичи. Раз послал король в этот лес егеря за дичью. Прошел день, прошел другой, а егеря все нет и нет. Посылал король двоих егерей искать его, но и те не вернулись. Король собрал всех своих егерей, приказал им взять собак и ехать на розыски товарищей. Однако прошло много времени, но не только никто из егерей, но даже ни одна собака не вернулась домой. С тех пор уже никто не смел ходить в этот лес, и он как будто замер, так в нем было глухо и тихо.

Прошло много лет. Приходит раз к королю какой-то незнакомый егерь и просит позволения съездить в этот лес. Король стал его отговаривать, рассказал, что было с его егерями, но тот стоял на своем. Король согласился, и егерь со своей собакой отправился в лес. Только что он вошел туда, как его собака почуяла какого-то зверя, погналась за ним и вдруг остановилась перед небольшим прудом. Из пруда тотчас высунулась чья-то голая рука, схватила собаку и утащила ее в воду. Егерь вернулся в замок, взял несколько человек рабочих, привел их в лес и велел спустить воду из пруда. Те принялись за работу, и когда вода стекла, увидели на дне пруда какого-то страшного человека. Кожа его была цвета ржавого железа, ногти — как у дикого зверя, а волосы с головы и бороды спускались до колен. Егерь с рабочими связали этого человека и привели в королевский замок.

Король приказал посадить его в клетку и поставить ее во дворе королевского дворца. Он сам запер клетку, а ключ отдал на хранение королеве.

Так и сидел этот человек в клетке, а народ толпами приходил смотреть на него, и прозвали его Железным Иваном.

Был у этого короля сын, мальчик лет восьми. Играл он раз во дворе золотым мячом да и забросил его в клетку. Жаль мальчику игрушки, подбежал он к клетке и стал просить Железного Ивана отдать ему мяч.

— Отвори клетку, так отдам, — отвечал Иван.

— Нельзя, — сказал мальчик, — отец запретил, — и ушел от клетки.

На другой день мальчик опять стал просить свой мяч у Железного Ивана, но тот стоял на своем и требовал, чтобы он отворил клетку. И на этот раз мальчик отказался. На третий день уехал король на охоту, а королевич стал опять просить Железного Ивана отдать ему мячик.

— Отопри клетку — отдам.

— Да как же я отопру, если не знаю, где ключ?

— Ключ у твоей матери под подушкой.

Подумал, подумал мальчик, побежал домой, принес ключ и стал отворять дверь. Замок отворялся туго, а сил у мальчика было мало,

так что он прищемил себе дверью палец. Как только открылась дверь, Железный Иван вышел из клетки, отдал королевичу мячик и пошел к воротам замка. Мальчик испугался и закричал:

— Не уходи, Железный Иван, а то и мне за тебя достанется.

Обернулся Железный Иван, посмотрел на мальчика, подошел к нему, посадил к себе на плечо и быстро побежал в лес.

Вернулся с охоты король, увидел, что клетка пуста, и спрашивает королеву, что это значит. Королева стала искать ключ — нет ключа, стали искать королевича — нет королевича. Догадался король, в чем дело, и сильно опечалился, а с ним опечалилось и все королевство.

Между тем Железный Иван прибежал в лес, спустил мальчика с плеча на землю и сказал ему:

— Отца с матерью ты не скоро увидишь, но так как ты спас меня, то исполняй только все мои приказания, тебе будет хорошо и здесь.

На ночь он положил мальчика в теплую постельку из мха, а утром привел к чистому, как кристалл, ключу и сказал:

— Вот тебе работа. Этот ключ приносит золото. Ты видишь, как он чист и прозрачен. Сиди над ним и смотри, чтобы ничего в него не упало, а то ключ загрязнится и потеряет свою силу. Каждый вечер я буду приходить сюда и смотреть, точно ли ты исполняешь мое приказание.

Железный Иван ушел, а мальчик стал смотреть, как в ключе золотые рыбки играют и золотые змейки вьются. Вдруг у него страшно заболел прищемленный палец, и он невольно опустил его в воду.

Опомнившись, королевич поскорее вынул палец из воды, но было уже поздно: весь палец покрылся золотом, и как мальчик ни старался стереть позолоту, все было напрасно. Вечером вернулся Железный Иван, посмотрел на ключ и спросил, что сделалось с ним.

— Ничего, — ответил королевич и спрятал руку с позолоченным пальцем за спину.

— Неправда, — сказал Железный Иван, — ты окунул палец в воду. На этот раз я тебя прощаю, только в другой раз будь осторожнее.

Утром мальчик снова уселся над ключом и стал стеречь его. Сидел он, сидел, соскучился, вынул гребешок и стал чесать волосы, к несчастью один волос упал с головы в ключ, королевич тотчас

выхватил его, но он уже успел превратиться в золото. Железный Иван, вернувшись вечером, сразу узнал, что случилось, и сказал мальчику:

— И на этот раз я тебя прощаю, но если то же самое случится в третий раз, тебе больше оставаться у меня будет нельзя.

Сидит королевич у ключа третий день, стало ему скучно, и он, нагнувшись над ключом, стал рассматривать свое лицо в воде. Вдруг его длинные волосы и окунулись в воду. Быстро поднял мальчик голову, но все волосы его уже стали золотыми. Он обвязал голову платком, думая, что Железный Иван не догадается. Но тот уже все знал и, вернувшись вечером к ключу, сказал мальчику:— Тебе здесь нельзя оставаться, иди по свету и узнай, что такое горе и бедность, но так как сердце у тебя доброе и ты дал мне свободу, то вот что я для тебя сделаю: когда будешь в крайней нужде, выйди на опушку какого-нибудь леса и закричи: "Иван Железный, помоги мне!" Я явлюсь и помогу тебе".

Вышел королевич из лесу и пошел куда глаза глядят. Шел он, шел и наконец дошел до какого-то большого города. Стал он наниматься на работу, да мал он был и никакого ремесла не знал, поэтому никто его брать к себе не хотел. Зашел он в королевский замок. Тут одна служанка пожалела его и определила к повару щепки колоть да золу выгребать. Случилось раз, что на кухне не было прислуги, и повар приказал мальчику отнести кушанье на королевский стол. Королевич не хотел показывать своих золотых волос и потому отнес кушанье, не снимая шапки. Рассердился король и спросил, как он смел в шапке входить в королевские покои.

— Ах, государь, — сказал мальчик, — не могу я ее снять, потому что у меня голова вся в ранах.

Король призвал повара, разбранил его и велел прогнать мальчика, но повар пожалел его и отдал в услужение садовнику.

Пришлось теперь королевичу работать в саду во всякую погоду. Раз в жаркий день он, работая, снял свою шапочку, чтобы хоть немного освежить голову. Золотые волосы его рассыпались по плечам и ярко заблистали на солнце. Из окна увидала это королевна и закричала:

— Мальчик, принеси мне букет цветов!

Королевич быстро надел шапку, нарвал простых полевых цветов и понес королевне. Принес он цветы в комнату, а королевна и говорит:

— Сними шапку!

— Не могу, королевна, у меня вся голова в ранах.

Королевна сорвала с него шапку, золотые волосы рассыпались по плечам и осветили всю комнату. Как ни расспрашивала королевна о том, кто он и откуда, ничего не сказал ей королевич. Тогда она обласкала его и дала ему целую горсть червонцев. Ушел мальчик из комнаты королевны и отдал червонцы детям садовника на игрушки. На другой день королевна опять велела ему принести цветов и хотела сорвать с него шапку, но королевич удержал ее обеими руками. Дала ему королевна опять горсть червонцев, а он отдал снова их детям садовника. То-же случилось и на третий день.

Вскоре после этого один чужеземный государь объявил войну королю, у которого работал в саду королевич. Испугался король и велел всем подданным готовиться к войне. Стал собираться на войну и королевич и попросил себе лошадь. Засмеялись другие слуги и говорят:

— Вот погоди, мы уедем, а ты посмотри на конюшне: мы там оставим тебе славного коня.

Отправилось войско на войну, а королевич пошел в конюшню и нашел там старую, хромую клячу. Сел он на нее, выехал на опушку леса и закричал:

— Иван Железный, помоги мне!

Явился Иван Железный и спрашивает:

— Что тебе нужно?

— Коня и оружие, чтобы на войну ехать, — говорит королевич.

— Ладно, получишь это да и еще кое-что другое, — сказал Иван Железный и свистнул. Вдруг из лесу показался конюх с великолепным конем на поводу, а за конюхом целый полк конницы. Надел королевич оружие, сел на коня и со своим полком помчался на поле сражения. А там половина королевского войска была перебита врагом, и остальные готовы были уже отступать, как вдруг вихрем налетел королевич на врагов и заставил их бежать, а потом стал гнать их и большую часть перебил. Прогнал врагов королевич, но к королю не явился, а окольными путями поехал со своим полком в лес, вызвал Ивана Железного, отдал он ему коня и солдат, взял свою хромую клячу и поехал домой.

Вернулся домой и король. Стала дочь поздравлять его с победой, а он говорит:

— Не я победил, а какой-то неизвестный рыцарь со своим полком.

Стала спрашивать королевна у садовника о его помощнике, а тот засмеялся и сказал:

— Он только что вернулся на своей кляче. Наши смеялись над ним и кричали: "Вот так богатырь на трехногой кляче едет! Под каким это ты забором спал-почевал? — А он им в ответ: "Смейтесь, смейтесь, плохо было бы вам без меня". Те еще больше смеялись над ним.

Очень хотелось королю узнать, кто такой этот неизвестный рыцарь, и говорит он раз королевне:

— Устрою я праздник. Пускай соберутся рыцари на три дня, а ты каждый день будешь с балкона бросать им яблоко. Кто это яблоко поймает все три раза, тот и будет твоим мужем. Может быть, явится тот рыцарь, который мне помог, он-то наверное поймает твое яблоко.

Сказано — сделано: у короля не пиво варить, не вино курить. Назначили время праздника и стали отовсюду собираться рыцари. Рано утром, в самый день праздника, вышел наш королевич на опушку леса и позвал Ивана Железного. Тот явился и спрашивает:

— Что тебе нужно?

— Хочу получить яблоко королевны, — отвечал королевич.

— Хорошо, — говорит Железный Иван, — дам я тебе красные латы и рыжего коня, поезжай на праздник — получишь яблоко.

Приехал молодец на площадь и затерялся среди других рыцарей, чтоб его не узнали. Вышла королевна на балкон и бросила яблоко. Все рыцари бросились ловить, но наш королевич на лету подхватил его ударил по коню и скрылся из глаз. На другой день дал Иван Железный королевичу белые латы и белого коня, и он опять налету подхватил яблоко и уехал. Рассердился король за то, что он не хочет явиться к нему, и отдал такой приказ: "Если неизвестный рыцарь еще раз поймает яблоко и захочет уехать, то догнать его и вернуть силой".

На третий день праздника дал Иван Железный молодцу черные латы и черного коня, и тот опять поймал яблоко, но когда захотел он уехать, королевские рыцари погнались за ним. Ушел от них королевич, но пришлось ему скакать так быстро, что свалился у него с головы шлем, и все заметили его золотые волосы. Вернулись рыцари во дворец и об этом доложили королю.

На другое утро спрашивает королевна садовника, где его работник.

— В саду работает, — отвечал садовник. — Поздно вчера вернулся. На празднике, говорит, был и три золотые яблока мне показывал.

Потребовал король королевича к себе, когда же тот пришел в своей шапке, королевна подбежала и сдернула ее с головы. Золотые волосы густой волной рассыпались по плечам королевича, и он был так хорош, несмотря на свое простое платье, что все любовались им.

— Ты ли тот рыцарь, что три раза подряд поймал яблоко? - спрашивает король.

— Я, — отвечает королевич, — вот и яблоки. Я же помог вам победить врагов.

— Значит, ты не простой садовник, — сказал король, — так скажи нам, кто ты?

— Я — королевский сын.

— Чем же я могу вознаградить тебя за то, что ты для меня сделал? — спросил король.

— Исполни свое обещание и отдай за меня свою дочь.

Тут вмешалась и королевна.

— Я согласна, — говорит она, — и уже давно догадывалась, что он не простой работник.

Подошла она сама к королевичу и поцеловала его.

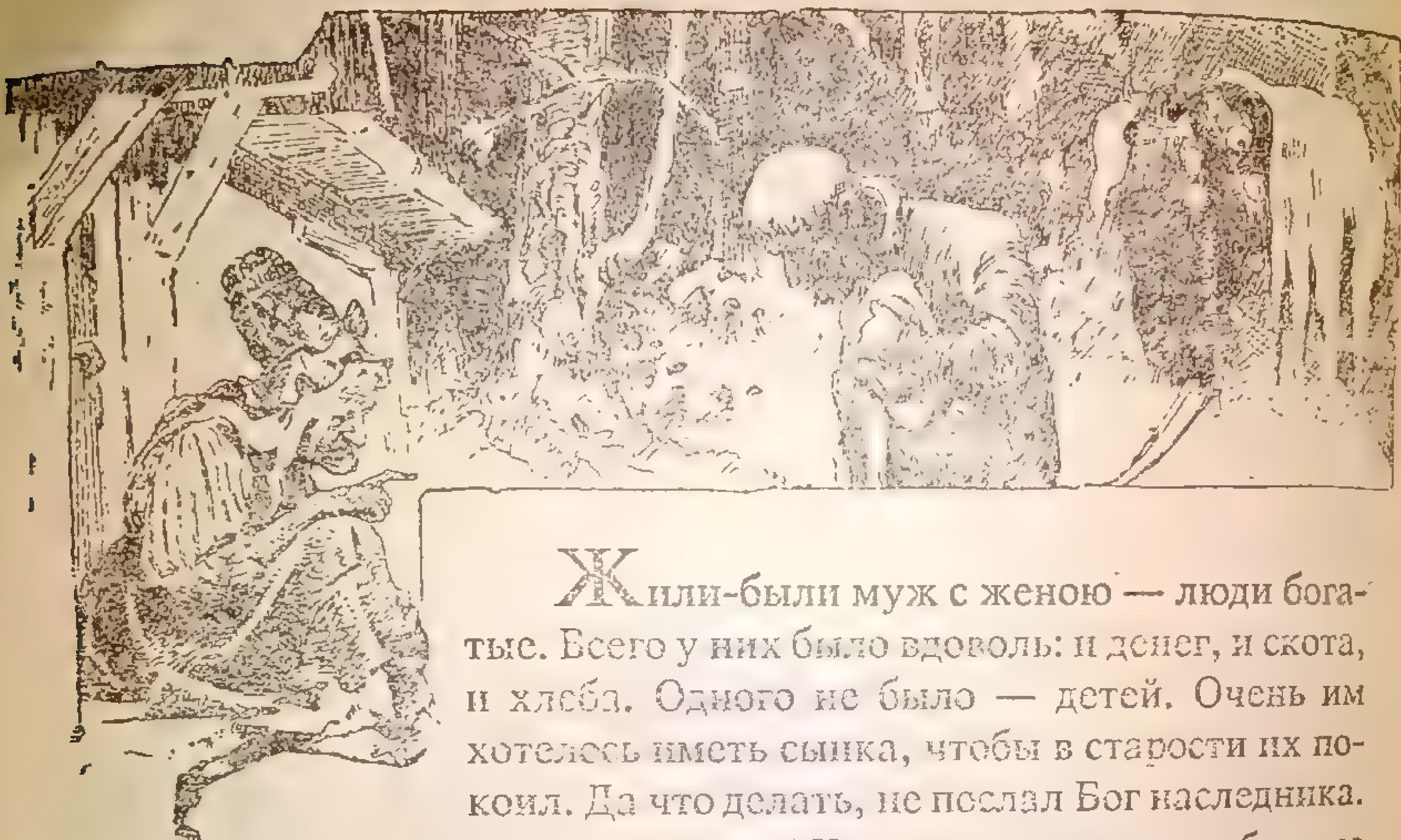
На свадьбу королевич пригласил своих родителей, которые очень обрадовались, узнав, что сын их, которого они считали погибшим, жив. Свадьба была настоящая, королевская. Когда все сидели за свадебным столом, вдруг музыка стихла, дверь отворилась и в залу вошел еще один король с большой блестящей свитой. Он прямо подошел к королевичу, обнял и сказал:

— Я Иван Железный. Меня заколдовала злая ведьма, но ты меня избавил от ее чар, а потому все мои богатства достанутся тебе...

Тут пошло такое веселье, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Молодой королевич получил королевство от тестя, а потом и от отца и жил с женой долго и счастливо.

Иван-Ежик

Жили-были муж с женою — люди богатые. Всего у них было вдоволь: и денег, и скота, и хлеба. Одного не было — детей. Очень им хотелось иметь сынка, чтобы в старости их покоил. Да что делать, не послал Бог наследника.

Раз поехал муж в лес за дровами. "Чем дальше в лес, тем больше дров", — говорит пословица. Вот и забрался он в лес далеко-далеко, в такую трущобу, где и ноги человеческой, думалось ему, никогда не было. Выбрался на какую-то поляну, смотрит: посредине ее стоит маленький домик, на крыльце сидит старая-престарая старушка. Подошел он к ней, поздоровался. А старушка ему:

— Знаю, — говорит, — я тебя, добрый человек, знаю и ваше с женою горе. Затем я и завела теперь тебя сюда, чтоб твоей беде пособить. Коли хотите вы дитя иметь, вот тебе лубяной коробочек. Привези ты его домой, поставь под печку и, жди что дальше будет, только смотри, до времени не открывай коробка, не то большую беду себе наживешь.

Сказала старушка и исчезла вместе со своим домиком, точно их и не было вовсе.

Мужик смотрит: стоит он посреди знакомой поляны, на которой, может быть, сто раз бывал, и в руках у него лубяной короб.

Скорей поехал мужик домой, рассказал жене, что с ним случилось, и поставили они коробок под печку в теплое место. Ждут день, другой, уж и третий к концу подходит. Вот сидят они вечером на третий день, вдруг заворочалось что-то в коробке под печкой и писк-

нуло, точно новорожденный младенец. Жена вытащила коробок, открыла его да так и ахнула: в нем лежал мальчик — нижняя половина туловища человечья, а верхняя совсем как еж. Муж хотел было забросить урода, но жена не согласилась:

— Пусть, — говорит, — живет. Может быть, как вырастет, человеком станет.

Назвала она младенца Иваном-Ежиком и стала его воспитывать за печкой в уголке. Там он лежал себе да лежал целые восемь лет, и большую дружбу свел с петухом, такую дружбу, что петух и кур своих забросила, все у Ежика за печкой сидел.

Раз собрался мужик в город на ярмарку.

— Что тебе, жена, из города привезти?

— Привези теплый платок.

Спросил то-же мужик у работницы. Та просит привести ей чулки со стрелками.

— А тебе, Иван-Ежик, надо чего на ярмарке? — спросил мужик в шутку, потому что до той поры Ежик ни одного слова не говорил, только урчал.

Вдруг Иван-Ежик из-за печки человечьим голосом отзывается:

— Привези мне, батюшка, с ярмарки какую ни найдешь лучшую волынку.

Так мужик с женою и ахнули.

Привез мужик жене теплый платок байковый, работнице - красные чулки со стрелками, а Ивану-Ежику щегольскую волынку с трубками, чистым серебром обкованными. Взял Ежик волынку, надул меха, да как заиграл заунывную песню, — все, кто был в доме, не выдержали, заплакали. Даже кот сидит в уголке да лапками слезы вытирает. А как приударил Иван-Ежик на волынке веселую песенку, — все живо и в пляс пустились, кто прыгает, скачет, кто вприсядку валяет, а впереди всех сам Ежик с петухом...

И говорит после того Иван-Ежик своему названному отцу:

— Сведи-ка моего петуха в кузницу, пусть его на серебряные подковы там подкуют.

Мужик его просьбу исполнил.

— Ну теперь прощайте, батюшка с матушкой, — говорит Иван-Ежик, — пора мне до времени от вас уйти, на белый свет поглядеть, себя показать, свое счастье отыскать.

Сел на своего петуха верхом, заиграл на волынке, только Ивана-Ежика и видели.

Прилетел Иван-Ежик на своем петухе в густой дремучий бор, взнес его петух на высокий дуб, и стал Иван-Ежик на том дубу сидеть, на волынке поигрывать. Откуда ни возьмись, собрались кругом дуба все лесные звери: и медведи, и волки, и лисы, а кабанов, оленей, коз и зайцев целые табуны сбежались. Чем дальше играет Ежик на волынке, тем больше лесного зверя к дубу сходится со всего света, скоро весь лес зверями стал битком набит.

Случилось раз королю ехать через тот лес со своими придворными. Только что въехал в лес король, вдруг окружили его карету со всех сторон дикие звери. Медведи на придворных кинулись, волки вмиг лошадей порезали, добираются и до самого короля. Закричал тут король, взмолился:

— Кабы кто меня от лютой смерти спас, ни в чем бы я тому человеку не отказал, и царство бы мое ему отдал!

Только он эти слова вымолвил, откуда ни возьмись, явился перед ним Иван-Ежик на своем петухе:

— Я тебя выручу, если ты мне отдашь то, что первое тебя в твоем дворце встретит.

Король согласился и дал в том свое королевское слово. Тогда Иван-Ежик поехал на петухе вперед, а за ним тронулась и королевская карета, в которую вместо лошадей сами впряглись шесть медведей.

Доехали они так до королевских палат. На крыльце первая встретила короля его дочь красавица. Как услышала она, что приходится выходить ей замуж за урода — полу-ежа, полу-человека, — отозвала короля в сторону и стала его просить, чтобы он не исполнял своего слова, а просто-напросто приказал бы убить Ивана-Ежика. Короля не надо было долго уговаривать. Он и сам подумывал, как бы отделаться от своего обещания. Крикнул он стражам, чтобы они схватили Ивана-Ежика и заперли его до казни в башню. Но Иван-Ежик пришпорил своего петуха и вылетел на нем в окно.

На другое утро подступила к королевскому дворцу несметная рать диких зверей, кабаны стали частоколы подрывать, медведи - ворота выламывать, волки — двери прогрызать... Как ни защищалась королевская стража, хоть и много зверей побила, не могла с таким множеством справиться. Ворвались звери в королевский дворец и мигом разорвали короля с королевною.

Сидит Иван-Ежик на высоком дубу в дремучем бору, на волынке играет, пасет свои стада звериные. Вдруг едет через лес король из другого государства со скороходами, с конными телохранителями. Только что въехал королевский поезд в лес, кинулись звери на лошадей и на людей, мигом всех в куски порвали, добираются уж и до короля в карете. Закричал тут король, взмолился:

— Ничего на свете не пожалел бы я отдать тому, кто меня от лютой смерти выручит.

Только он эти слова вымолвил, а Иван-Ежик на своем петухе уже тут как тут и говорит:

— Выходите, господин король, из кареты без опаски. Если отдадите мне то, что первое вас в вашем дворце встретит, я вас от смерти спасу и до дому довезу.

Обещал король его волю исполнить и дал в том свое королевское слово.

Тогда вывел Иван-Ежик короля из кареты и поехал вперед на своем петухе, а королю сзади пешком идти пришлось. Долго ли-коротко ли, а добрались они наконец до королевского замка. Только вошли в ворота, выбежала с крыльца прекрасная королевна и кинулась отцу на шею.

Нечего делать королю, первой она его встретила, надо дочь единственную отдавать Ивану-Ежику, и рассказал он королевне, что дал свое королевское слово.

— Что же, государь-батюшка, — говорит она, — твое королевское слово тверже стали, дороже золота. Как ты сказал, так, видно, тому и быть.

У королей не пиво варить, не вино курить, живо свадьбу приготовили и сыграли. Перед тем как идти на ночь в спальню, говорит Иван-Ежик тестю:

— Поставь, государь-батюшка, сейчас двенадцать сильных молодцов у дверей спальни. Как ударит полночь, пусть войдут туда и схватят меня, чтобы я не мог вырваться. Что бы я ни делал, пусть не боятся, крепко держат. А как скину я с себя ежовую кожу, пусть

сейчас бросят ее в раскаленную печь и меня к ней не допускают, пока не сгорит кожа дотла. Коли не сробеют, все как следует выполнят, будет у тебя настоящий зять, а у дочери твоей — неплохой муж.

Все король по сказанному выполнил. Тяжко пришлось двенадцати сильным молодцам бороться с Иваном, однако же он от них не вырвался и не мог кинуться в печь, где горела его волшебная кожа. А как сгорела она дотла и пепел от нее в трубу вылетел, стал он писаным красавцем, молодым заморским принцем.

На другое утро поздравил король молодых с радостью от всего сердца. Иван взял к себе своих названных отца с матерью, и стали они все жить да поживать в богатстве и в радости. А после смерти тестя стал Иван-Ежик королем.

Три брата

Не помню когда, только жил на свете один человек. Было у него три сына, а имущества всего один дом, в котором он сам жил. Как тут быть? Каждому из сыновей тот дом в наследство получить хочется, а отцу-то что делать? Ведь ему все сыновья одинаково дороги, как пальцы на руке. Конечно, можно бы продать дом и поделить деньги, да жаль — дедовское наследство.

Вот раз и говорит отец детям:

— Ступайте-ка вы в люди, выберите себе каждый какое-нибудь ремесло, хорошенько научитесь ему, а потом все возвращайтесь домой. Кто будет искуснее в своем деле, тот и получит дом.

Сыновья согласились и отправились учиться. Один стал цирюльником и скоро так наловчился, что брил только одних графов и князей. Другой сделался кузнецом, да таким искусным, что ковал лошадей у самого короля. Третий захотел быть фехтовальным учителем. Много ему пришлось вынести в ученье, но надежда получить

отцовский дом поддерживала его, и скоро он сделался мастером своего дела.

Прошло условленное время, и все они сошлись в доме своего отца. Каждый хвастался своим искусством, да показать то его на чем? Стоят они раз все трое с отцом у ворот и думают, как бы отличиться перед стариком, вдруг видят — по полю заяц бежит.

— Ах, шельма косая, ты как раз кстати! — закричал цирюльник, схватил тазик, намылил мыла и, когда заяц подбежал ближе, пус-

тился за ним следом и на бегу обрил ему морду, да так гладко, что ни одного пореза не сделал, ни одного волоска на оставил.

— Хорошо, — сказал отец, — если другие не лучше тебя в своем мастерстве — дом твой".

Немного погодя, мчится мимо их дома во всю прыть карета, запряженная четверкой.

— Ну, — говорит тут кузнец, — теперь, батюшка, посмотри и мое умение.

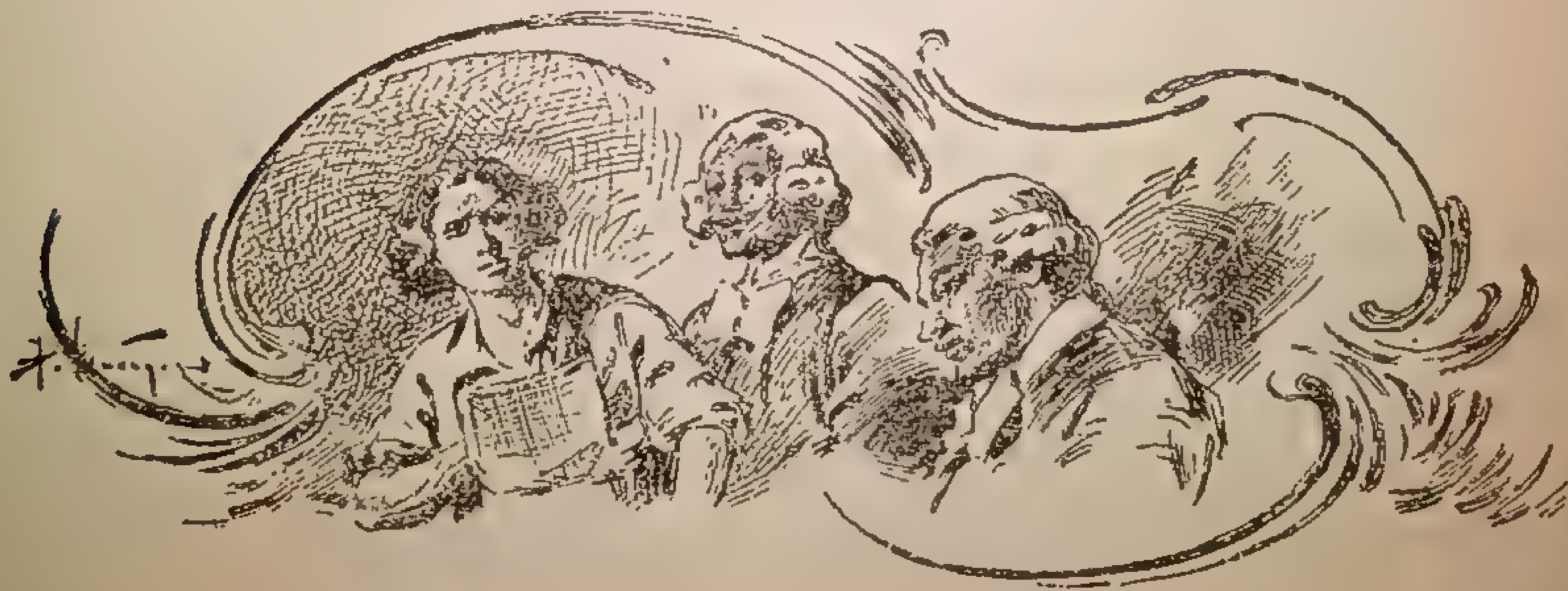
Мигом бросился он за каретой, снял у одной лошади все четыре подковы и подковал ее новыми.

— Вижу, что ты мастер своего дела, как и брат твой, - сказал отец, — и, право, не знаю, кому отдать дом. Ну да впрочем посмотрим на искусство третьего.

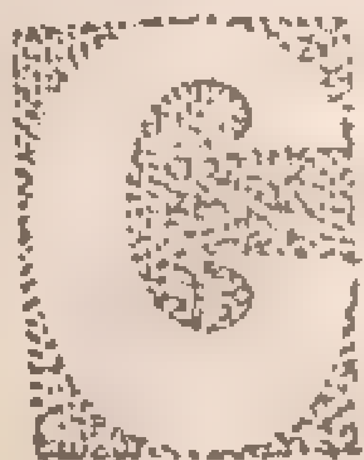
Тут стал накрапывать дождик, и все стали было уже собираться в комнату, но фехтовальщик стал среди них и начал так быстро вертеть над их головами своей шпагой, что ни одна капля дождя не упала на них. Скоро дождик превратился в ливень, но фехтовальщик вертел своей шпагой все скорее и скорее, так что все остались сухими.

— Ну, — сказал отец, — ты в своем мастерстве превзошел всех, — дом твой.

Двое остальных братьев были довольны этим решением и остались жить вместе. Их ремесло приносило им довольно денег, так что они жили счастливо и прожили очень долго. В том месте, где они жили, верно, еще и теперь вспоминают о трех искусных братьях, да я про то не знаю, потому что сам не слыхал.

Синій огонекъ.

СЛУЖИЛ солдат немецкому королю верой и правдой пятнадцать лет, а когда надо ему было до офицерского чина дослужиться да пансион получать, придрался король к тому, что на смотру у солдата на погон пылинка села, и выгнал его вон со службы без пенсии.

Пошел солдат,куда глаза глядят, идет дремучим лесом. Наступила ночь, устал солдат, еле ноги волочит, целый день не евши. Глядь, — огонек в чаще светится. Пошел он на огонек, видит — избушка, а в избушке сидит ведьма, страшная-престрашная. Нос под подбородком висит, на спине горб торчит, глаза, как у кошки светятся.

— Пусти, бабушка, переночевать, — говорит солдат. — Да нет ли чего у тебя поесть?

— Ночевать-ночуй, а даром есть не дам. Заработай мне прежде на ужин.

— Изволь, что велишь, все сделаю.

— Есть у меня позади избы старый колодец. Уронила в него моя бабушка свечку, горит она там и не тухнет. Так вот ты достань мне эту свечку.

Привела ведьма солдата к колодцу, привязала к корзине веревку и спустила. Очутился солдат на дне колодца и видит - горит свечка синим огоньком. Взял он свечку и кричит ведьме, а та как только показался он, протянула руку и кричит:

— Давай-ка свечку-то!

— Нет, шалишь, не дам: вытащи прежде из колодца! Разозлилась ведьма на солдата и выпустила из рук веревку.

Полетел солдат вниз и упал на дно колодца. Глядит - кругом него темнота, только свечка горит у него в руке синим огоньком. "Что делать? — думает солдат. — Из этого проклятого колодца ни за что мне не выбраться. Придется голодной смертью помирать". Вытащил из кармана кисет, набил трубочку табаком. "Дай, покурю, — думает, — не так будет голод мучить". Взял свечку, раскурил синим огоньком трубку и только что пустил клуб дыма, как вдруг из дыма перед ним явился маленький чертенок и говорит:

— Что прикажешь, хозяин?

— А что я тебе буду приказывать, плясать что ли тебя заставлю?

— Что хочешь, — все сделаю.

— Коли так, тащи меня, бесов сын, из этой ямы.

— Иди за мной, — говорит чертенок и повел солдата подземным ходом. Солдат свечку с собой прихватить не забыл, идет и видит в подземелье груды золота навалены, — все ведьмино добро. Набрал он золота сколько мог, выбрался на свет Божий и говорит чертенку:

— Сейчас удуши эту злую ведьму, чтобы она не делала пакостей добрым людям.

Исчез чертенок, а через минуту явился и говорит:

— Готово, хозяин. Вон она на виселице качается, кого еще вздернуть прикажешь?

— Ах ты, бесов сын, ишь разохотился! Теперь ступай, откуда тебя принесло, а как кликну, — сейчас явись ко мне.

— Звать не нужно, хозяин, раскури только трубочку синим огоньком, я сейчас и явлюсь.

И чертенок исчез.

Пошел солдат назад, опять в столицу, остановился в гостинице, приоделся и зажил припеваючи на ведьмино золото. Стал он подумывать, как бы отплатить королю за то, что он его со службы выгнал. Раз вечером набил он трубку и раскурил ее синим огоньком. Откуда не возмись, явился к нему чертенок:

— Что прикажешь, хозяин?— спрашивает.

— Вот что, бес, ты, я вижу, парень юркий: ступай во дворец и, как только королевна спать ляжет, принеси ее сюда ко мне сонную, пусть она комнату приберет да прислужит мне.

В полночь дверь отворилась, и чертенок принес сонную королевну.

— Ну-ка, королевна, — говорит солдат, — возьми-ка щетку да подмети пол.

Взяла королевна щетку, пол подмела, а солдат сидит, важничает.

— Сними теперь сапоги да вычисти их хорошенько.

Королевна всю ночь послушно исполняла приказания солдата, а к утру он велел чертенку отнести ее обратно во дворец.

Утром королевна говорит своему отцу:

— Снилось мне, батюшка, будто ночью кто-то схватил меня и пронес по всем улицам в комнату к какому-то солдату. Он меня как

служанку заставлял пол мести, сапоги с него снимать, чистить их... Я не знаю, наяву это было со мною или это только сон?

— Чтобы узнать, сон ли это был, — говорит король, — как будешь ложиться спать, насыпь себе горохом полные карманы и прорежь в них дырочки. Если кто унесет тебя, горох высыплется из карманов и укажет дорогу.

На другую ночь королевна сделала так, как научил ее отец. Только чертенок слышал все, что он говорил, и прежде чем тащить ее к солдату, рассыпал по всему городу сто возов гороха. Всю ночь

королевна прислуживала солдату, а утром горожане собирали горох мешками, думая, что он ночью дождем сыпался с неба.

На третью ночь королевна сама догадалась спрятать свои башмаки у солдата, так что чертенок не видал, и сказала об этом королю. Приказал тогда король искать по всему городу башмаки королевны. Башмаки нашли у солдата, схватили его и посадили в тюрьму. Второпях он не успел захватить ни трубки, ни своей свечки, ни денег. В кармане у него нашелся только один червонец.

Стоит солдат у окна за решеткой и посматривает на народ. Спешат горожане на площадь. Мимо него бежит мальчик из гостиницы, где он жил.

— Куда ты бежишь? — спрашивает солдат его.

— А вот какого-то солдата на площади вешать будут.

— Погоди, успеешь, все равно без меня ничего там не будет. Сходи-ка ко мне лучше на квартиру да принеси мне трубку да свечку, которая горит синим огоньком, захвати. За это получишь червонец.

Мальчишка рад червонцу, побежал скорей в гостиницу, отыскал трубку, свечку и принес их солдату.

Повели солдата на казнь, поставили под виселицу.

— Ваше королевское величество, — говорит солдат королю, — позвольте солдату в последний раз покурить.

Король согласился. Закурил солдат от синего огонька свою трубку и только что пустил кольцо дыма, как явился перед ним чертенок.

— Что прикажешь, хозяин? — спрашивает.

— Сейчас исколоти до смерти стражу и судей да короля не помилуй!

Бросился чертенок на стражу. Кого хватит по голове — из того дух вон. Испугался король, стал просить пощады. Обещает помиловать солдата и даже отдать за него дочь и полкоролевства ему подарить. Солдат согласился, взял за себя королевну, а после смерти тестя — сам королем сделался.

Иван Верный и Иван Неверный

ЕЩЕ не так давно жили на свете муж с женой. Были они сначала богаты, но детей тогда у них не было, а потом, когда дела их пошли худо и они совсем разорились, родился у них сын. Обедняли они до того, что никто к ним в кумовья не хотел идти. И вот решился муж выйти на большую дорогу и позвать в кумовья первого встречного.

Только что он вышел за ворота, попадается ему навстречу нищий и спрашивает:

— Куда ты?

Муж рассказал ему, что идет искать себе кума и что решил просить в кумовья первого встречного.

— Хорошо, — сказал нищий, — я пойду к тебе в кумовья, пусть жена твоя несет ребенка в церковь, а я уж там буду.

Муж вернулся домой и, придя в церковь, нашел там нищего. Ребенка окрестили и дали ему имя Иван Верный. Выходят они из церкви, и нищий и говорит матери ребенка:

— Не зайду я к вам, потому что ни вы мне ничего не можете дать, ни я вам. Но вот вам ключ. Когда вашему сыну будет семнадцать лет, пусть идет он отыскивать замок, который заперт этим ключом. Отопрет он этот замок и там найдет свое счастье.

Сказал это нищий и пошел своей дорогой, а родители с сыном вернулись домой.

Растет Иван Верный и с каждым днем становится все сильнее и красивее. Когда ему десять лет минуло, играл он раз с детьми. Те начали хвалиться подарками, полученными от крестных, а Ивану Верному похвалиться нечем. Рассердился Иван Верный, приходит к отцу и спрашивает:

— Разве мой крестный ничего мне не подарил?

— Нет, сынок, — отвечал отец, — он подарил тебе ключ от замка. Когда пойдешь и разыщешь замок, отопрешь его этим ключом, так там и найдешь свое счастье.

Взял мальчик ключ и пошел разыскивать замок, но ни о каком замке не было ни слуху, ни духу, и вернулся он домой ни с чем.

Прошло семь лет, минул Ивану Верному семнадцатый год, пошел он опять разыскивать замок. Долго ли, коротко ли он шел, только вдруг видит: стоит заброшенный замок. Отворил он ворота и стал ходить по замку, но ничего в нем не нашел, кроме серого коня. Сел он на него, вернулся к отцу и говорит:

— Есть у меня теперь добрый конь, поеду я по белу свету странствовать, своего счастья искать.

Отпустил его отец и поехал Иван Верный куда глаза глядят. Долго ли, коротко ли ехал он, только подъезжает к озеру и видит: на берегу рыба лежит, рот раскрыла, еле дышит. Выбросило ее волной на берег, и никак она опять в воду попасть не может. Сжалился Иван Верный и отнес рыбу в озеро. Только что хотел он опять на коня своего сесть и дальше ехать, высунулась рыба из воды, держит во рту дудочку и говорит:

— Спас ты меня, добрый человек, от смерти, авось и я тебе пригожусь. Будешь в беде, заиграй на этой дудке — я мигом явлюсь к тебе.

Взял Иван Верный дудку, поблагодарил рыбу и поехал дальше. Попадается ему навстречу человек, верхом тоже едет и спрашивает:

— Куда ты?

— В ближний город, — отвечает Иван Верный.

— А как тебя звать?

— Иван Верный.

— Ну, и меня почти так же — Иван Неверный. Поедем вместе.

Поехали. Приехали они в город и остановились в одной гостинице. Иван Верный был парень красивый и обходительный, и все скоро полюбили его. Одна служанка, узнав, что он едет без дела куда глаза глядят, предложила ему поступить на службу к их королю либо

конюхом, либо слугой. Иван Верный не хотел напрашиваться на службу и начал было отказываться, но служанка сама побежала к королю и предложила ему красивого слугу. Король любил красивых слуг и приказал Ивану Верному явиться во дворец.

Понравился Иван Верный королю, и король предложил ему быть камердинером или конюхом. Не захотел Иван Верный со своим конем расставаться, и стал он конюхом. Узнав об этом, Иван Неверный стал просить служанку определить и его на службу к королю. Служанка определила его в камердинеры.

Так и стали служить у одного короля Иван Верный и Иван Неверный.

Злой человек был Иван Неверный. Позавидовал он товарищу за то, что всем он мил, все его любят, и задумал он как-нибудь Ивана Верного со света сжить. У того короля, у которого служили оба Ивана, какой-то волшебник невесту увез в тридевятое царство и спрятал там в пещере. Грустил король и каждое утро вспоминал о невесте. Вот раз одевает Иван Неверный короля и говорит ему:

— А ведь ваш новый конюх может вашу невесту вернуть, он сам похвалялся вчера этим перед дворней.

Услышал это король, тотчас велел позвать к себе Ивана Верного и приказал ему привезти невесту.

— Привезешь, — говорит, — награжу по-царски, а нет, не прогневайся, мой меч — твоя голова с плеч.

Пригорюнился Иван Верный, закручинился, пошел на конюшню к своему коню и стал горько жаловаться на свою долю. Вдруг заговорил конь человеческим голосом:

— О чем, Иван Верный, плачешь?

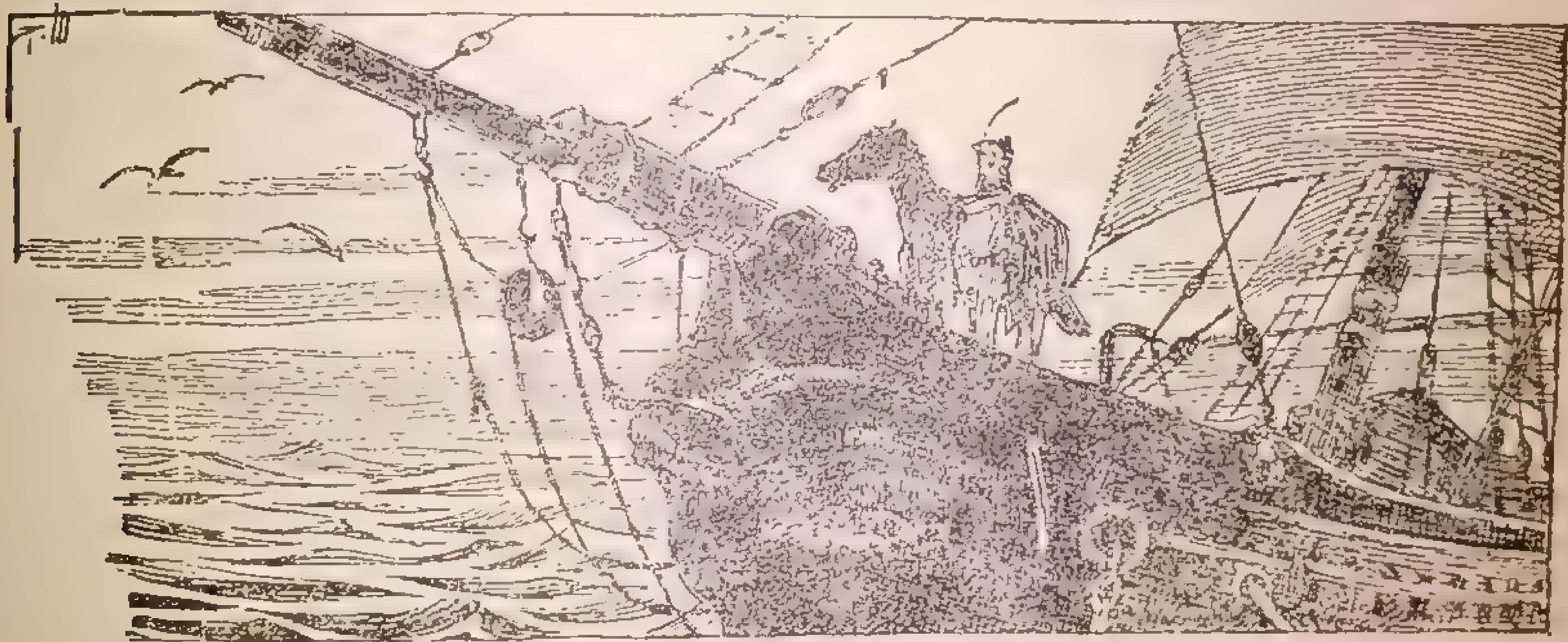
Удивился Иван, как это конь по-человечески говорит, а все же рассказал ему о своем горе.

— Не печалься, — сказал ему конь, — а иди к королю и скажи ему, чтобы он дал тебе полный корабль мяса да полный корабль хлеба. Там в тридевятом царстве живут великаны, если ты не дашь им мяса, они тебя самого растерзают, да есть еще там громадные птицы, они тебе глаза выклюют, если ты не оделишь их хлебом.

Пошел Иван Верный к королю и потребовал у него два корабля с хлебом и мясом. Король приказал всем мясникам скот бить, а всем хлебникам хлебы печь, и скоро оба корабля были совсем полны. Взошел Иван с конем своим на корабль, а конь и говорит ему:

— Слушай, Иван Верный! Приедем мы в тридевятое царство, ты там покормишь великанов и птиц и скоро найдешь пещеру, в которой спит царевна. Ты царевну не буди, а вели двум великанам перенести ее на корабль с постелью.

Все сделал Иван Верный, как сказал ему конь, и счастливо привез королю его невесту. Королевская невеста всю дорогу спала и проснулась только во дворце. Король бы рад сейчас и свадьбу сыграть, но царевна не хочет. Забыла она в пещере свое чудесное кольцо и без него под венец не идет. Тут Иван Неверный опять посоветовал королю послать за кольцом Ивана Верного, надеясь, что на этот раз он не вернется назад. Король позвал Ивана Верного и приказал сейчас же ехать за кольцом. Пошел Иван Верный опять к своему коню,

а тот приказал ему вновь загрузить корабли мясом и хлебом, а как достанет кольцо, пуще глаза беречь его в дороге. Добыл Иван Верный кольцо, и на обратном пути стоял он как-то у борта корабля, держал кольцо в руках, задумался и уронил его в море. Испугался Иван Верный и бросился к коню за помощью.

— Нет, — говорит конь, — в этом я тебе не могу помочь.

Тут вспомнил Иван Верный о волшебной дудке, что подарила ему рыба, и стал играть на ней. Только он заиграл, вдруг плывет рыба и кольцо во рту несет. Взял Иван кольцо, поблагодарил рыбу и скоро благополучно прибыл домой.

Король был очень стар, и невеста не любила его, а полюбила она Ивана Верного. Вот и говорит она раз королю:

— Неохота мне за за старика замуж выходить. Дай-ка прежде я омоложу тебя.

— Как ты это сделаешь? — спрашивает король.

— А вот как, — говорит невеста, — прикажи ты среди двора котел с молоком поставить да под ним огонь развести. Закипит молоко, положу я туда трав разных, ты окунись в них три раза — и сделаешься молодым.

Король согласился и велел вскипятить молоко. Когда все было готово, стало королю страшно, а тут около него Иван Неверный вертится да советует королю сначала послать Ивана Верного искупаться. Король позвал Ивана Верного и приказал ему искупаться в кипятке. Побежал Иван Верный к своему коню и спрашивает, что делать.

— Не бойся, — говорит конь, — ступай к котлу, раздевайся, а я выбегу из конюшни, подбегу к котлу да дуну в него три раза. Тогда бросайся смело — цел останешься.

Сделал Иван Верный, как сказал конь, и вышел из котла таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Как увидел это король, живо разделся, бросился в котел да там и сварился, а невеста его вышла за Ивана Верного, и стал он королем.

Вскорости узнал Иван Верный и про все хитрости Ивана Неверного и велел его посадить в бочку, забить железными гвоздями и спустить в море с крутой горы. А коня своего держал в холе и довольстве до самой своей смерти.

Железный ларчик

Дело было зимой. Выпал глубокий снег. И пришлось в то время мальчику-сиротинке в лес идти, чтобы на салазках дров привезти. Навалил он полные салазки дров, да так иззяб, что задумал, прежде чем домой идти, огонек развести, чтобы обогреться.

Только стал он местечко для костра разгребать, смотрит, на земле лежит золотой ключик. Думал он, думал и надумал: "А ведь где ключик, там надо искать замочек". Стал дальше снег разгребать, вдруг попался ему под руку железный ларчик. "Ну-ка, подойдет ключик к ларчику? — подумал он, и давай искать, куда ключик вставить. Искал-искал и нашел: маленькая скважинка, чуть глазом увидишь. Примерил ключик — как раз пришелся по скважинке.

Вот он его раз-другой повернул, отпер ларец и стал его открывать...

Ну, а мы станем поджидать, когда он этот ларчик совсем откроет, все в нем диковинки пероет. Тогда и нам о них и расскажет, а быть может, что-нибудь и новое покажет.

Волшебная капуста

Жил-был добрый молодец, да такой веселый, проворный и старательный, что чуть свет еще только забрезжит, как он уже на ногах, идет в дремучий лес на дикого зверя охотиться. Вот один раз шагает он да песенку себе под нос мурлычет, а навстречу ему старая-престарая старушонка. Поравнялась она с ним и говорит:

— Здравствуй, молодец. Сейчас видно, что тебе хорошо на свете живется, а мне, горемычной, по суткам куска хлеба съесть не доводится. Подай милостыньку убогой.

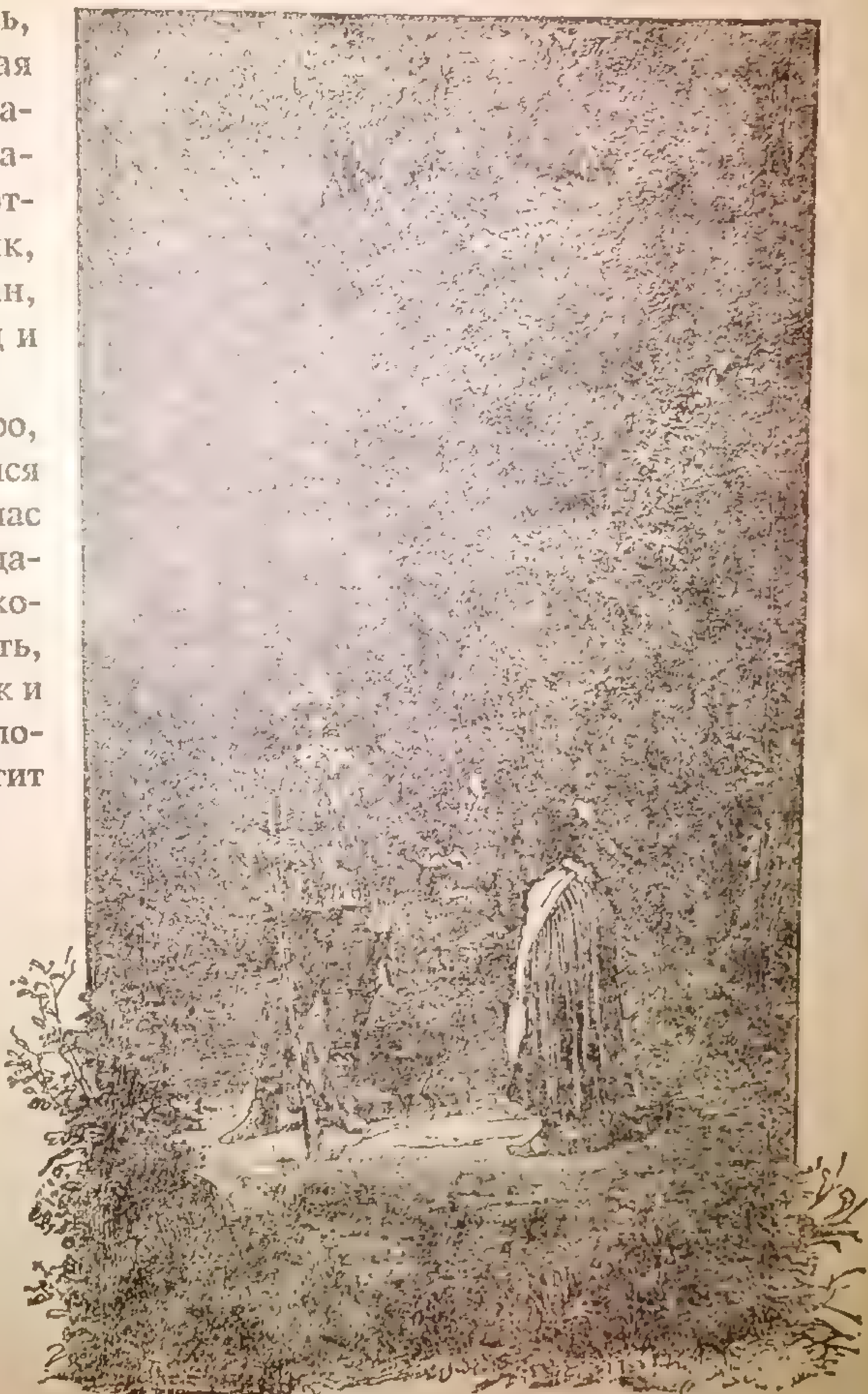
Жалко стало молодцу бедной старухи, подал он ей милостыню и только было тронулся в путь, а старуха опять остановила его:

— Послушай, — говорит она, — добрый молодец, что я тебе скажу. За твое доброе сердце хочу я тебя наградить. Иди все вперед по этой дороге, скоро дойдешь ты до высокого дуба и увидишь на самой его вершине девять птиц, которые дерутся из-за суконного плаща. Как увидишь их, сейчасже заряди свое ружье и выстрели в самую середину, может быть, на твое счастье птицы выпустят из когтей плащ. Если упадет он, так ты бери скорее его да береги пуще глазу, — это волшебный плащ. Как только тебе захочется перенестись в какую-нибудь страну, где бы она ни была, тебе стоит только закутаться в этот плащ и высказать свое желание, и ты в ту же минуту очутишься там. А может быть, на счастье удастся тебе подстрелить и хоть одну из птиц. Тогда отрежь ты у нее язык и носи его всегда при себе. Если ты послушаешься моего совета, то всякое утро, как только ты проснешься, тотчас под своей подушкой найдешь золотой.

Молодец поблагодарил старушку, а сам думает: "Вот насказала-то старуха чудес, а хорошо, кабы ее устами да мед пить!"

Однако не успел он пройти и сотни шагов, вдруг слышит над собою крики птиц. Поднял он голову и увидел девять больших птиц,

которые клювом и когтями старались вырвать друг у друга кусок сукна, бились крыльями и клевались, как будто каждая из них хотела завладеть им. "Смотри пожалуй, — подумал молодец, — старуха-то как будто и правду говорила!" Зарядил он свое ружье, прицелился, выстрелил и так ловко попал, что посыпалось множество перьев, птицы испугались и с криком разлетелись, кроме одной, которая упала мертвою наземь вместе с плащем. Тут молодец отрезал у птицы язык, спрятал его в карман, потом поднял плащ и взял его с собою.

На другое утро, как только проснулся молодец, сейчас вспомнил про обещание старухи, и захотелось ему узнать, сбылось ли оно? Так и есть: поднял он подушку, а там блестит золотой. На другой и на третий день — опять то же, и так каждый день пошло: просыпаясь, он брал из-под подушки золотой. Накопил он целую кучу золота да и задумался: "Куда мне все это золото, если я буду дома

сиднем сидеть? Пойду-ка я лучше из дома на белый свет посмотреть".

Простился он со своими родителями, надел свою сумку, положил в нее волшебный плащ, повесил ружье на плечо и отправился в путь-дорогу. Идет он себе да идет по дремучему лесу, и вдруг видит, — стоит среди поляны высокий и богатый дом, а в окно глядят старуха и прекрасная девица. Сидят да в лес смотрят.

Старуха была колдунья. Увидела она, что молодец из леса выходит, и говорит молодой красавице:

— Видишь этого человека? У него в кармане есть волшебное сокровище, которое нам надо непременно добыть, потому что оно нам гораздо нужнее, чем ему.

Тут старая колдунья рассказала своей дочери, что это за сокровище и что надо делать, чтобы добыть его, и закончила свою речь угрозою:

— Если ты не послушаешься, то я тебя на век несчастной сделаю.

А добрый молодец все шел да шел вперед и когда был уже совсем близко от дома, увидел вдруг молодую красавицу, остановился и сказал себе: "Давно я уже хожу, пора мне и отдохнуть. Не переночевать ли мне в этом доме?" Но дело-то было не в усталости, а в том, что красота девушки его очаровала.

Вошел он в дом, хозяйки ласково его встретили и усадили за богатый стол. Не много надо было времени, чтобы молодец без ума влюбился в красавицу, ведьмину дочь. Только о ней одной он и думал, только на нее и смотрел, только и хотел одного — исполнять ее желания.

Через несколько дней старуха и говорит своей дочери:

— Ну, теперь надо добыть у него птичий язык, только это половчей надо сделать, чтобы он не заметил.

Сказавши это, ведьма сварила зелье, налила его в стакан и отдала дочери, строго-настрого приказав, чтобы та им угостила молодца. Красавица поднесла стакан гостю.

— Выпей-ка, — говорит, — за мое здоровье.

Молодец, не раздумывая, взял стакан, выпил разом да тут же, где сидел, и повалился в глубоком сне. А старуха приказала служанке обыскать его, взять у него из кармана птичий язык и передать дочери. С той поры золото появлялось не под подушкой у охотника, а под подушкой молодой красавицы, и старая ведьма его там собира-

ла. А молодец от любви стал дурак дураком, и только об одном и думал, как бы не разлучаться со сваей красавицей.

Через некоторое время старая колдунья опять говорит:

— Птичий язык у нас, теперь нам надо достать у него и волшебный плащ.

— Надо хоть плащ ему оставить, мы и так уж много у него отобрали, — отвечала ей дочь.

Озлилась старуха:

— Ах ты дура, — кричит, — да ведь это волшебный плащ и ему надо быть в моих руках.

И научила она красавицу, что той надо делать, грозя ей, что если она не послушается, плохо ей придется.

Пришлось повиноваться. Стоит раз красавица у окна и смотрит вдаль, а сама притворилась, будто очень уж тяжело у ней на душе. Увидев это, молодец и спрашивает:

— Что ты так печальна, красавица моя?

— Ах, дружок, — говорит она, — далеко-далеко отсюда стоит Гранатовая гора, вся усыпанная драгоценными каменьями. Мне так хочется там побывать, что только подумаю о том, грустно станет. Да как туда попасть? Мы не птицы, а человеку без крыльев туда добраться невозможно.

— Коли в этом только твоя печаль, так мы ее сейчас рассеем, — сказал молодец, накрыл ее концом своего плаща и пожелал очутиться на гранатовой горе. В ту же минуту оба очутились там.

А на той горе всюду сверкали драгоценные каменья, так что даже больно было смотреть. Стали они отбирать самые лучшие камушки. А между тем старая ведьма ворожила да ворожила, и сделала так, что молодца стало клонить в сон. Вот и говорит он девице:

— Присядем здесь отдохнуть. Я так устал, что не могу на ногах держаться.

Они присели. Молодец положил свою голову на колени красавицы да и уснул. А красавица сняла с него плащ, забрала все драгоценные камни, которые они вместе собрали, и пожелала очутиться дома.

Проснулся молодец и увидел, что красавица обманула его, оставила одного на безлюдной горе. И долго сидел он в отчаяньи, не зная, что делать.

Гора, на которой он очнулся, принадлежала великанам, безжалостным и жестоким. Немного времени прошло, вдруг видит молодец, что прямо на него идут три великана. Раздумывать было нског-

да, он лег на землю и притворился, будто крепко спит. Великаны подошли к нему, и один из них толкнул его ногой и сказал:

— Что это за червяк тут лежит?

— Раздави его ногой, — говорит другой.

А третий вымолвил с презрением:

— Охота вам трогать эту гадину? Все равно эта тварь не сможет здесь жить, как только взберется она на верхушку, тучи ее подхватят и умчат вдаль.

Затем великаны пошли своей дорогой, а охотник, как только остался один, скорее встал и взобрался на самую вершину горы. Не успел он туда взобраться, как налетела туча, подхватила его и мигом умчала с собой.

Долго носила она его по небу, потом начала спускаться все ниже и ниже и наконец разлилась ливнем над большим огородом. Вместе с дождем и молодец упал на землю посреди капусты и других овощей.

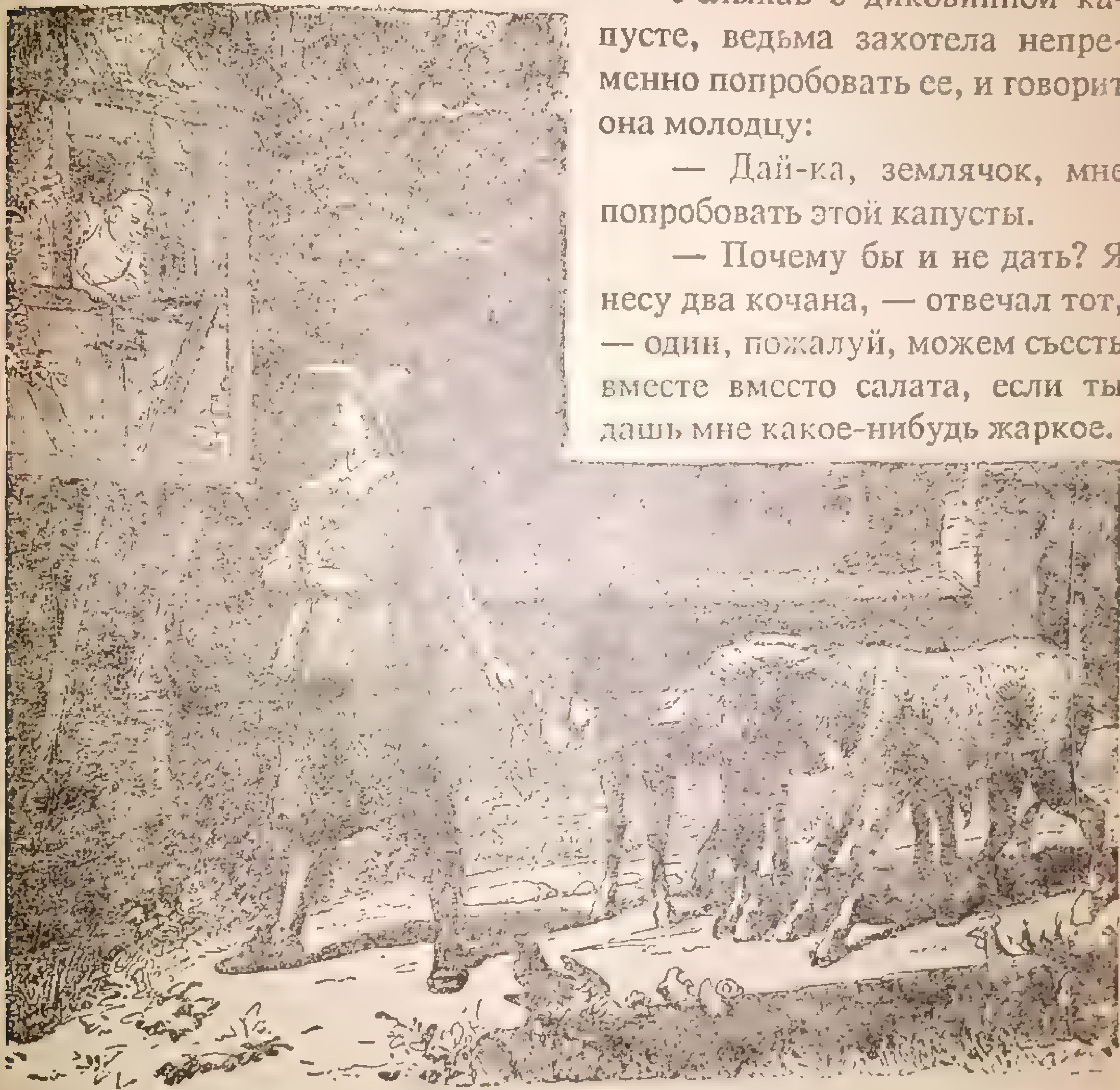
Оглянулся он кругом и говорит себе: “Как я проголодался. Хоть бы чего-нибудь поесть, но здесь не видно ни груш, ни яблок, ни других плодов, а все только овощи. Ну да делать нечего, поем хоть капусты”. Нашел он хороший кочанок красной капусты и принялся за него, но не успел съесть и двух листиков, вдруг почувствовал в себе странную перемену: вместо двух ног у него оказалось четыре, да еще, кроме того, огромная голова с предлинными ушами. И он с ужасом увидел, что превратился в осла. Но от этого превращения его голод только усилился, да и сырая капуста теперь гораздо больше пришлась ему по вкусу, и он продолжал есть ее с еще большей жадностью. Насыщаясь, постепенно подошел он к грядке с другой капустой, белой, и не успел съесть несколько листиков, как вдруг, к великой своей радости, почувствовал опять перемену в себе: он опять превратился в человека.

Тогда молодец, совсем обессилев от всех этих приключений, лег на траву и заснул. На другое утро, проснувшись, он срезал по кочану красной и белой капусты, думая про себя: “С этим я постараюсь вернуть потерянное и наказать коварство”. Кочаны он спрятал в сумку, а сам отправился в ту сторону, где надеялся найти дом своей милой, ведьминой дочери. Долго он бродил бестолку, наконец попал на верную дорогу и увидел дом ведьмы. Не доходя, он остановился, измазал себе лицо так, что родная мать не узнала бы его, и стал проситься на ночлег:

— Я так устал, — говорил он, — что совсем не могу идти дальше.

— А ты кто такой? — спрашивает ведьма.

— Наш король приказал достать для него самой лучшей на свете капусты. Случайно мне удалось отыскать ее, вот она у меня здесь, в сумке, но боюсь, чтобы от солнечного жара не завяла.

Услыхав о диковинной капусте, ведьма захотела непременно попробовать ее, и говорит она молодцу:

— Дай-ка, землячок, мне попробовать этой капусты.

— Почему бы и не дать? Я несу два кочана, — отвечал тот, — один, пожалуй, можем съесть вместе вместо салата, если ты дашь мне какое-нибудь жаркое.

И с этими словами он вынул из сумки красную капусту и подал ей.

Ведьме ничего худого и в голову не пришло, ей так хотелось попробовать редкого кушанья, что она побежала сама в кухню, чтобы приготовить капусту. И как только приготовила, так не дожидаясь, пока подадут ее на стол, она взяла несколько листиков и положила в рот. Но только она их проглотила, как в тот же миг обратилась в ослицу и стала бегать по двору на четырех ногах.

Вслед за тем пришла в кухню служанка, увидела, что на столе стоит приготовленная капуста, и взяла ее, чтобы снести на стол. Но

дорогой ей тоже захотелось попробовать, что за кушанье будут есть господа. Она съела пару листков. Вмиг с ней произошло превращение — она тоже стала ослицей, как и ее хозяйка, и тоже бросилась бегать по двору, выронивши салат на пол.

Между тем охотник сидел за столом возле красавицы, которая стала беспокоиться, что это так долго не несут капусты, ей тоже хотелось отведать новинки. Наконец она не вытерпела и говорит:

— Понять не могу, что это они там с капустой застряли?

А охотник подумал про себя: "Наверно, салат-то уж сделал свое дело", и говорит красавице:

— А вот я сам пойду и узнаю.

Вышел он и видит — бегают по двору две ослицы, а салат на полу разбросан.

"Хорошо, — подумал он, — две свою долю уже получили", собрал с пола салат на блюдо и принес красавице.

— Чтобы вам долго не дожидаться, — сказал он, — я сам принес вам эту вкусную еду.

Она съела салат и вмиг, как и те две, потеряла свой человеческий облик, обратилась в ослицу и убежала во двор.

Умыл тогда охотник лицо, чтоб обращенные в ослиц могли его узнать, вышел во двор и сказал:

— Теперь получайте награду за вашу неверность.

Привязал охотник всех трех на одну веревку и повел к мельнице. Постучался в окошко, высунул оттуда голову мельник и спросил, что ему надо.

— Да вот есть у меня три строптивые ослицы, — ответил охотник, — я не хочу их держать больше у себя. Если вы согласитесь взять их себе, предоставить им корм и стойло и обращаться с ними так, как я вам скажу, я заплачу вам за это, сколько вы потребуете.

Мельник ответил:

— Что ж, я согласен. А как я должен с ними обращаться?

Тогда охотник объяснил, что старую ослицу, — а была то ведьма, — он должен бить трижды в день, а кормить один раз; ослицу помоложе, — а то была служанка, — он должен бить один раз в день, а кормить трижды; самую молодую, — а была то девица-красавица, — бить не надо, а кормить следует ее трижды в день, — охотник никак не мог пересилить своего сердца и допустить, чтобы девушку били. Потом он вернулся назад, и там оказалось все, что ему было надо.

Спустя несколько дней явился старый мельник и сказал, что должен, мол, доложить, что старая ослица, получавшая одни только побои, а корм один раз в день, околела.

— А две остальные, — продолжал он, — хотя и не околели еще и свой корм получают три раза в день, но так загрустили, что проживут, пожалуй, недолго.

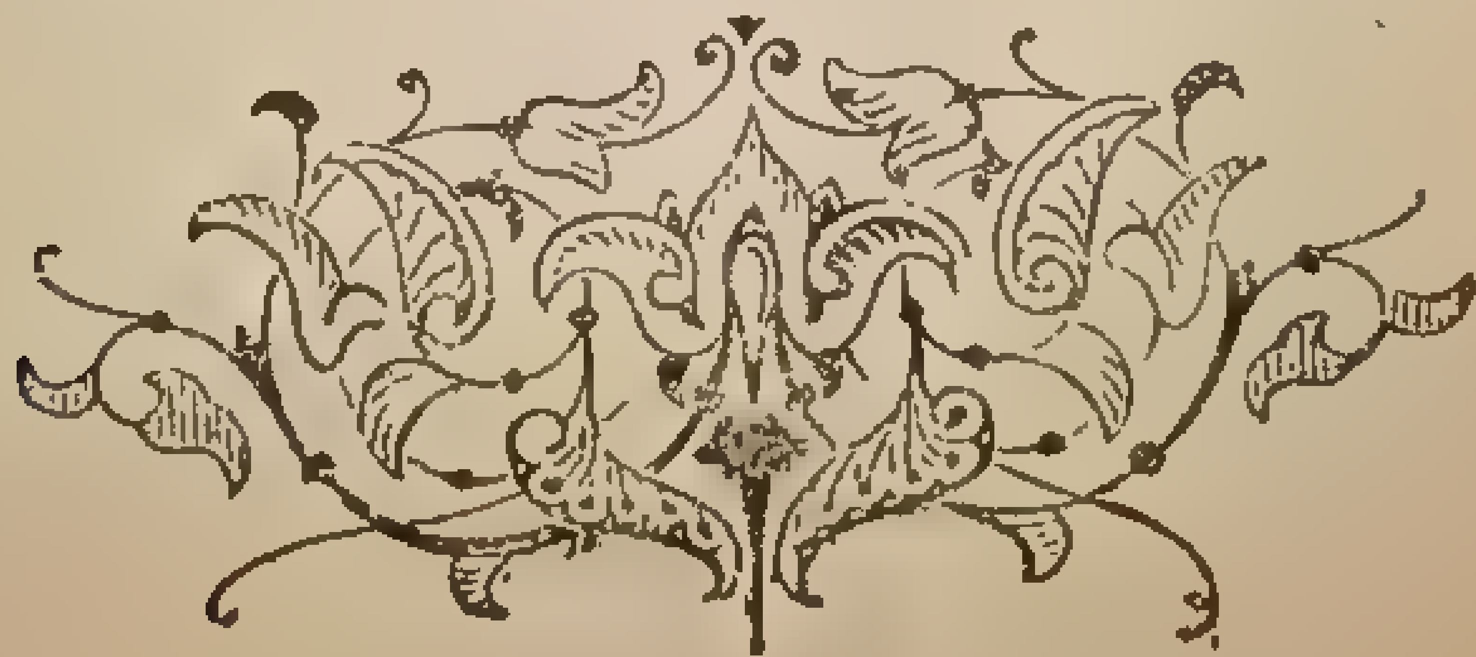
Сжалился тогда охотник, гнев у него поостыл, и он сказал мельнику, чтобы тот привел ослиц обратно. Как только ослицы появились, дал он им кочан белой капусты, и они опять обратились в людей. Бросилась красавица перед ним на колени и сказала:

— Ах, мой любимый, прости меня за все, что я причинила тебе злого, это меня заставляла делать моя мать. Это было против моей воли, а я люблю тебя от всего сердца. Твой волшебный плащ висит здесь, в шкафу, а чтоб вернуть птичий язык, который я проглотила, я выпью рвотное лекарство.

Но в мыслях у охотника было теперь совсем другое, и он сказал:

— Пусть он остается у тебя, теперь мне это все равно, я хочу, чтоб ты стала моей верной женой.

И вот справили они свадьбу и прожили счастливо вместе до самой смерти.

Мастер Пфрим

Был мастер Пфрим человек маленький, худощавый, но бойкий, и не имел он ни минуты покоя. Его лицо, на котором торчал один только вздернутый нос, было рябое и мертвенно-бледное, волосы седые и взъерошенные, глаза маленькие, они бегали у него беспрестанно по сторонам. Все он замечал, все всегда ругал, все знал лучше всех и во всем всегда был прав. Если он шел по улице, то всегда сильно размахивал руками, так что выбил раз у девушки ведро, в котором та несла воду, и оно взлетело высоко в воздух, и при этом он был облит водой.

— Эх ты, голова баранья! — крикнул он ей, отряхиваясь. — Разве ты не видела, что я иду сзади тебя?

Он занимался сапожным ремеслом, и когда он работал, то так сильно выдергивал дратву, что попадал обычно кулаком в того, кто сидел с ним рядом. Ни один из подмастерьев не оставался у него больше месяца, оттого что он всегда придирался даже к самой лучшей работе и всегда находил, что сделано что-нибудь не так: то швы были недостаточно ровные, то один ботинок был длинней другого, то каблук выше, чем на другом ботинке, то кожа была отделана недостаточно хорошо.

— Постой, — говаривал он ученику, — я уж тебе покажу, как делать кожу мягче, — и при этом он брал ремень и бил ученика по спине. Лентяями он называл всех. А сам работал не так уж и много, — ведь и четверти часа не сидел он спокойно на месте. Когда жена его вставала рано утром и растапливала печь, он вскакивал с постели и бежал босиком на кухню.

— Ты это что, собираешься мне дом поджечь? — кричал он. — Такой огонь развела, что на нем можно целого быка изжарить! Разве дрова нам даром достаются?

Когда работницы стоят, бывало, у корыта, смеются и разговаривают между собой о том да о сем, он вечно начинал их бранить:

— Ишь стоят, точно гусыни, да гогочут и за болтовней забывают о своей работе! И зачем взяли новое мыло? Безобразное расточительство да к тому же позорная лень! Руки свои хотите сберечь, а белье стираете не так, как следует.

Затем он выбегал, опрокидывая при этом ведро с щелоком, и вся кухня была залита водой. Если строили новый дом, он подбегал к окошку и обычно смотрел на работу.

— Вот опять кладут красный песчаник! — кричал он. — Он никогда не просохнет; в таком доме все непременно переболеют. И посмотрите, как подмастерья плохо укладывают камень. Да и известка тоже никуда не годится: надо класть мягкий щебень, а не песок. Вот увидите, непременно этот дом рухнет людям на голову.

Затем он усаживался и делал несколько швов, но вскоре вскакивал опять, вешал свой кожаный передник и кричал:

— Надо пойти да усовестить этих людей! — Но он попадал к плотникам. — Что это такое? — кричал он. — Да разве вы тешите по шнуру? Что, думаете, стропила будут стоять ровно? Ведь все они вылетят когда-нибудь из пазов.

И он вырывал у плотников из рук топор, желая показать, как надо тесать, но как раз в то время подъезжала нагруженная глиной телега; он бросал топор и подбегал к крестьянину, который шел за телегой.

— Ты не в своем уме, — кричал мастер Пфрим, — кто ж запрягает молодых лошадей в такую тяжелую телегу? Да ведь бедные животные могут околеть.

Крестьянин ему ничего не отвечал, и Пфрим с досады убегал обратно в свою мастерскую. Только собирался он сесть снова за работу, а в это время ученик подавал ему ботинок.

— Что это опять такое? — кричал он на него. — Разве я тебе не говорил, что ботинок не следует так узко закраивать? Да кто ж купит такой ботинок? В нем осталась почти одна лишь подметка. Я требую, чтобы мои указания исполнялись беспрекословно.

— Хозяин, — отвечал ученик, — вы совершенно правы, ботинок никуда не годится, но это же тот самый ботинок, который выкроили вы и сами же начали шить. Когда вы вышли, вы сами сбросили его со столика, а я его только поднял. Вам сам ангел с неба и тот никогда не угодит.

Приснилось ночью мастеру Пфриму, будто он умер и подымается прямо на небо. Вот он туда явился и сильно постучал в ворота.

— Меня удивляет, — сказал он, — что на вратах нет кольца, ведь так можно и все руки себе разбить.

Открыл врата апостол Петр, желая посмотреть, кто это так неистово требует, чтоб его впустили.

— Ах, это вы, мастер Пфрим, — сказал он, — вас я впущу, но предупреждаю, чтобы вы оставили свою привычку и ничего бы не ругали, что увидите на небе, а то вам плохо придется.

— Свои поучения вы могли бы оставить и при себе, — возразил ему мастер Пфрим, — я отлично знаю, что и как подобает. Я думаю — здесь все в порядке, и нет ничего такого, что можно было бы порицать, как делал я это на земле.

И вот он вошел и стал расхаживать по обширным небесным просторам. Огляделся он по сторонам, покачал головой, и что-то проворчал про себя. Увидал он двух ангелов, которые тащили бревно. Это было то самое бревно, которое было в глазу у одного человека, который нашел сучок в глазу у другого. Но ангелы несли бревно не вдоль, а поперек.

— "Видана ли подобная бестолочь! — подумал мастер Пфрим, но вдруг умолк и будто согласился. — Да по сути все равно, как нести бревно, прямо или поперек, лишь бы не зацепиться; я вижу что они делают это осторожно".

Вскоре увидал он двух ангелов, набиравших из колодца воду в бочку, и тотчас заметил, что в бочке немало дыр и что вода со всех сторон из нее проливается. Это они землю дождем поливали. "Черт возьми!" — вырвалось у него, но, по счастью, он опомнился и подумал: "Должно быть, это они делают, чтобы время провести; ну, раз это их забавляет, то, пожалуй, пусть себе занимаются таким бесполезным делом. Здесь, правда, на небе, как я заметил, только и делают, что лентяйничают". Пошел он дальше и увидел воз, что застрял в глубокой канаве.

— Это и не удивительно, — сказал он вознице, — кто ж так бестолково воз нагружает? Что это у вас такое?

— Добрые намерения, — ответил возница, — да вот никак не могу выехать с ними на правильную дорогу; я еще счастливо вытащил воз, здесь-то мне уж придут на помощь.

И вправду вскоре явился ангел и впряг в воз пару лошадей. "Это хорошо, — подумал Пфрим, — но ведь парой-то лошадей воза не

вытащить, надо бы, по крайней мере, взять четверик". И явился другой ангел, привел еще пару лошадей, но впряг их не спереди, а сзади воза. Тут уж мастер Пфрим выдержать никак не мог.

— Эй ты, олух, — вырвалось у него, — да что ты делаешь? Виданное ли дело, чтобы так лошадей запрягали? В своем глупом чванстве они думают, что все знают лучше других.

Хотелось ему еще что-то добавить, но в это время один из небожителей схватил его за шиворот и выбросил с невероятною силой с неба. Уже у врат повернул голову мастер Пфрим в сторону воза, видит — а четверик крылатых коней поднял его на воздух.

В эту самую минуту мастер Пфрим и проснулся. "А на небе-то все по-иному, чем у нас на земле, — сказал он про себя, — кое-что, конечно, можно им простить, но хватит ли у кого терпенья смотреть, как запрягают лошадей и сзади и спереди? Правда, у них есть крылья, но кто ж мог знать? А все же порядочная глупость приделывать крылья лошадям, у которых есть свои четыре ноги, чтобы бегать. Но пора, однако, вставать, а то, чего доброго, наделают мне беды в доме. Счастье еще, что я не умер на самом деле!"

СОДЕРЖАНИЕ.

ГРИММ ЯКОБ И ВИЛЬГЕЛЬМ КАРЛ

Сказки

Ответственный за выпуск М.Ю.Маркоткин
Художественный редактор Н.С.Буденная
Технический редактор С.Б.Устинова
Корректор О.Н.Фенерли

Подписано к печати 03.02.92.
Формат 60×84 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт таймс.
Печать высокая. Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 500 000 экз. (3-й завод 400 001 — 500 000 экз).
Заказ № 7123. С 1.

Творческо-производственный кооператив «Фора-2».
117908, Москва, Ленинский проспект, 36.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати Российской Федерации.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190